

СОЧИНЕНІЯ

Θ. БУЛГАРИНА.

— — — — —
II.
— — — — —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

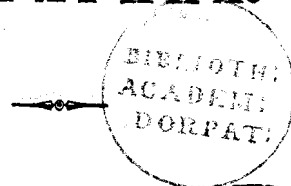
1836.

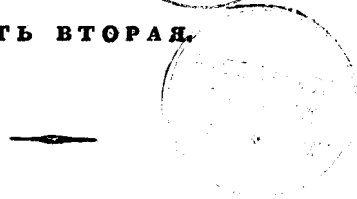
СОЧИНЕНІЯ

ФАДЕЯ

БУЛГАРИНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1836.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

у Книгопродавца Лисенкова.

ПРАВЫ И ЮМОРИСТИКА.

—
ПРАВЫ.

— № I. —

Печатать позволяется съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С.-Петербургъ, 26 Сентября 1836 года.

Ценсоръ Петръ Корсаковъ.

ЧУВСТВА И ЧУВСТВОВАНИЯ.

ПРИКЛОЧЕНИЕ ВЪ МАСКАРАДЪ.

(Очерки нашихъ современныхъ нравовъ.)

Мы упрекаемъ Французовъ въ вѣтренности и непостоянствѣ. Современные Аоніане заслуживаютъ этотъ упрекъ, только не въ отношеніи забавъ и наслажденій: въ этомъ они постоянны. — Таланты и общественныя увеселенія въ Парижѣ не выходятъ изъ моды. Мадемуазель Марсъ отъ шестнадцатилѣтняго до шестидесятилѣтняго воз-
Ч. II.

Въ Гуттенберговой Типографіи.

раста не перестаетъ восхищать Парижскую публику. Итальянскій театръ даетъ сряду по пятидесяти представлений одной пьесы. Франкони до сихъ поръ не наскучилъ Парижанамъ, и публичные балы и маскарады всегда наполнены народомъ. Если бъ въ Парижъ, на лучшей улицъ, отдѣланъ былъ домъ съ такимъ вкусомъ и великолѣпьемъ, какъ домъ Г-жи Ангельгардъ, въ Петербургъ, на Невскомъ проспектѣ, то въ два, три года одинъ этажъ заплатилъ бы весь домъ. А у насъ? У насъ въ первый годъ бросились смотреть прекрасныхъ замъ—и тѣмъ дѣло кончилось! Иностранцы говорятъ, что мы, Русскіе, не умѣемъ веселиться въ публикѣ; что мы слишкомъ чинны, важны при чужихъ людяхъ, и приносимъ жертву Момусу тихомолкомъ, или въ кругу задумчивыхъ пріятелей. Справедливы ли эти упреки, оставляю разрѣшить кому угодно, однако жъ не берусь защищать насъ.

Шумно, душно и тѣсно было въ одномъ изъ первыхъ маскарадовъ, въ домъ Ангельгардъ. Французская болтовня, пискъ, хохотъ

и звуки музыки сливались въ одинъ гулъ. — Недоставало однихъ танцевъ, чтобъ не забыться, что это не Парижскій маскарадъ. Высшее Петербургское общество приняло участіе, въ этотъ день, въ публичной забавѣ, а наше высшее общество умѣетъ веселиться, если захочетъ. Оно могло бы сдѣлать рай изъ нашего однообразнаго Петербурга, если бъ захотѣло здѣлаться душою публичныхъ забавъ, какъ-то бывало во время существованія баловъ въ музыкальномъ клубѣ и маскарадовъ у Фельета, въ домъ Кушелева. — Между тѣмъ, какъ ловкіе и остроумные придворные кавалеры, гвардейскіе офицеры и члены посольствъ защищались силою ума отъ нападеній замаскированныхъ очаровательницъ; между, тѣмъ какъ маскарадная вольность поражала тысячи забавныхъ сценъ, и мистификаціи возбуждали любопытство, между тѣмъ, какъ толпы веселились неспротивнымъ веселіемъ, другія толпы двигались медленно, чинно, безмолвно, какъ въ погребальномъ шествіи. Въ этой толпѣ былъ одинъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати пя-

ти, приятной наружности, безъ маски, въ гражданскомъ вице-мундирѣ, съ орденомъ въ петлицѣ. Сложъ руки на груди и нагнувъ шляпу на глаза, онъ машинально передвигалъ ноги, и уже пятый разъ обошелъ вокругъ всѣхъ компанъ, не замѣчая никого и ничего, погруженный въ думу.

Наконецъ, уставъ, онъ сѣлъ на софѣ, въ той комнатѣ, которая примыкаетъ къ столовой залѣ, со стороны канала. Позади этой комнаты устроенъ буфетъ. Въ буфетъ вошелъ другой человекъ во фракъ, также безъ маски, съ усами, съ Марсовой физиономіей. Онъ разстегнулъ фракъ, и на лѣвомъ отворотѣ заблестѣли Георгій, Владиміръ съ бантомъ, медаль на голубой лентѣ и золотая сабелка. — Первый молодой человекъ вскочилъ съ софы, подбѣжалъ къ усаду, и бросился обнимать его, воскликнувъ: «Давно ли здѣсь, Александръ!»

— «Ба! это ты, Мишель! здоровъ ли! А я намѣревался завтра отыскать тебя.... Я вчера только изъ Москвы, и два мѣсяца, какъ возвратился съ Кавказа!...»

— «Поздравляю! ты весь въ орденахъ!....»

— «Да, братецъ! несчастливилось! — Дай Богъ здоровья нашему Эриванскому герою, а съ нимъ не долго ждать славы, опасностей и наградъ! Онъ не любитъ, чтобъ передъ Русскимъ фрунтомъ грубіянили чужія пушки, и чтобъ чужой флагъ на крѣпости дразнилъ Русское знамя! — А ты знаешь, братецъ, что Георгій и Владиміры съ бантомъ растутъ на непріятельскихъ пушкахъ и на крѣпостныхъ стѣнахъ.... Дался случай, такъ и сорвалъ!...»

— «И ты вышелъ въ отставку?»

— «Нечего дѣлать! Тяжкія домашнія обстоятельства *принудили*, въ полномъ смыслѣ слова *принудили*! Отецъ мой скончался въ прошломъ году; мать больна и слаба; двѣ сестры только что вышли изъ Института; имѣнье въ разстройствѣ, проклятый процессъ.... Ну, братецъ, ей Богу лучше во сто разъ имѣть дѣло съ Курдами и Лезгинами, чѣмъ съ вашей братьей, юристами! Мнѣ надобно будетъ посоветоваться съ то-

бой, и я надѣюсь, что ты, какъ старинный другъ и школьный товарищъ, укажешь мнѣ краткую пезицію на вашемъ полѣ сраженія.... А каковы твои дѣла, какъ ты служишь, какъ живешь?»

— «Плохо, братецъ — не везетъ! Два раза представляли къ чину. Одно представление *не прошло*, другое *застыло*. Представилась откомандировка — съездить, и ничего *не получилъ*. Дали особое порученіе, и только — поблагодарили.... Къ знаку безпорочной службы остается еще три года!... Я, братецъ самый несчастный человекъ!»

— «Но мнѣ сказывали, въ Москвѣ, что ты женишься на прелестной дѣвицѣ.... Твой братъ, Сергѣй, говорилъ мнѣ объ ней съ восторгомъ.... Онъ уверялъ, что твоя невеста красавица, умна, добра, хорошей фамиліи, и даже не бѣдна, хотя, впрочемъ, деньги пустое, при умѣ, красотѣ и добротѣ. Какъ же ты можешь почитать себя несчастливѣмъ; женись на такой дѣвицѣ!..»

— «Это, братецъ, *дѣло постороннее!* Изволишь видѣть, я два года занималъ долж-

ность Начальника Отдѣленія, и никто не сомнѣвался, что меня утвердить въ должностѣ, анъ вышло напротивъ! — Другой схватилъ мѣсто!..»

— «Но женитьба твоя!... Расскажи мнѣ, пожалуйста, о твоей невестѣ, о твоей любви!..»

— «Это, братецъ, *дѣло постороннее....* Здѣсь учредилась новая Коммиссія. Я надѣялся попасть туда, и вѣрно *получилъ бы тамъ что нибудь*... анъ вышло напротивъ! Пока мнѣ обѣщали, всѣ мѣста пополнились, и я остался ни съ чѣмъ....»

— «Остался съ милою невестою и съ любовью.... Если тебя не утѣшитъ любовь, то ничто не насытитъ....»

— «Любовь, братецъ, *дѣло постороннее....* Всѣ товарищи мои далеко ушли впередъ, а меня давить судьба. Вотъ и ты, Александръ, весь обвѣшанъ, Маіоръ въ отставкѣ!..»

— «Ступай на Кавказъ, подерись съ Горцами... Тамъ, братецъ, для всѣхъ довольно мѣста; передъ пулей ничто не заступитъ тебѣ дороги.»

— «Что Горцы! Здесь свои паездники, съ которыми нѣтъ силъ управиться. — Чуть оглянись, такъ и попалъ на арканъ! Нельзя вѣрить ни обещаніямъ, ни увѣреніямъ, ни клятвамъ....»

— «Но развѣ невеста твой обманула тебя, изменила тебѣ?...»

— «Ахъ, любезнѣйшій, ты все говоришь *о постороннихъ!*»

Между тѣмъ, пока друзья разговаривали, къ буфету подошла толпа дамъ и мужчинъ. Друзья удалились, и отставной офицеръ сказалъ: «Я видѣлъ здѣсь чудную красавицу. Она поправляла маску передъ зеркаломъ, и не замѣтила меня. — Отъ роду не видалъ ничего подобнаго! Нѣсколько словъ, которыя она произнесла.... раздались какъ музыка въ ушахъ моихъ! Пойду отыскивать ее.... Авось узнаю, кто она!.. Пособи мнѣ, Мишель! Пойдемъ, надѣнемъ маски и домины, и вмѣшаемся въ толпу! Моя красавица въ розовомъ доминѣ, обшитомъ кружевами, и на шеѣ у ней изумрудовый фермуаръ....»

Молодые люди сошли внизъ, надѣли маски и домины, и воротились въ залу. Двѣ дамы, въ розовыхъ доминахъ, сидѣли возлѣ колоннъ, и разговаривали между собою. Молодые люди, ставъ за колоннами, стали прислушиваться.

— «Твой женихъ здѣсь.... Я видѣла его....»

— «И я видѣла, но болѣе не увижу въ жизни!»

— «Что это значить?»

— «Случайно я подслушала разговоръ его съ старымъ школьнымъ товарищемъ. Этотъ разговоръ открылъ мнѣ вполне его душу. Она холодна какъ чернилица! — Природа надѣлила товарища его *густованіями*, а ему дала одни *густва*. Любовь, для бывшаго моего жениха, есть *дѣло постороннее*; теперь онъ для меня *посторонняя вещь*....»

— «Но онъ былъ такъ нѣженъ, въжливъ, почтителенъ!»

— «Онъ повторялъ передо мной уроки искаательства и субординаціи.»

— «Онъ такъ скромнѣ!»

— «Какъ канцелярскій столъ!»

— «Угодникъ!...»

— «Какъ докладчикъ... Но полно...

Я не хочу *служить* съ мужемъ моимъ...»

Шумъ воспренятетвовалъ молодымъ людямъ дослушать разговоръ дамъ.

Отставной офицеръ обошелъ кругомъ колоннъ, и возвратясь на прежнее мѣсто, сказалъ своему товарищу: «Это *она*! Я видѣлъ зеленый фермуаръ...»

Товарищъ не отвѣчалъ ни слова.

Черезъ три мѣсяца отставной офицеръ женился на невѣстѣ школьнаго своего товарища, а этотъ уѣхалъ въ Иркутскъ, съ повышеніемъ чина и надеждами на скорую награду, радуясь, что не женился, потому что родители его невѣсты не соглашались на отъѣздъ изъ Петербурга, а безъ этого не лзя было получить повышенія не въ очередь. Всѣ были довольны!

— № II. —

О Т Р Ы В К И

ИЗЪ ТАЙНЫХЪ ЗАПИСОКЪ СТАНЦИОН-
НАГО СМОТРИТЕЛЯ НА ПЕТЕРБУРГ-
СКОМЪ ТРАКТѢ,

ИЛИ

*Картинная галерея нравствен-
ныхъ портретовъ.*

—

Одинъ великій Писатель * сказалъ: «Кто хочетъ измѣрить высоту горы, тотъ долженъ стать въ долину, у подножія горы. Равнымъ образомъ тотъ только можетъ знать людей, занимающихъ высокія степени, кто смотритъ на нихъ съ нижней ступени.» Судьба поста-

* Макиавель въ сочиненіи: Il principe.

вила меня, Станціоннаго Смотрителя (по милости Божіей и начальниковъ), ниже послѣдней ступени лѣствицы гражданскаго порядка, и изъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣляется гражданская іерархія, мнѣ не досталось въ удѣлъ ни одного. По мѣсту моему, пользуюсь я правомъ послѣдняго класса, для предохраненія меня отъ побоевъ и грубостей, которые имѣютъ всегда въ запасѣ путешественники, какъ бы налегкѣ ни ѣхали. Но право мое не простирается далѣе почтоваго двора, и въ пятидесяти шагахъ отъ станціи исчезаетъ, подобно власти Удѣльнаго Князя, за предѣлами его владѣній.

Родился я въ почтенномъ духовномъ званіи, и попеченіями благого Правительства воспитанъ въ Семинаріи. Но судьба немилосердо играетъ участію смертныхъ, не взирая на права рожденія, и поселяетъ въ людяхъ страсти и желанія, весьма часто противоположныя правамъ рожденія. Такимъ образомъ иной Князь или Графъ, сынъ Министра или Генерала, вмѣсто того, чтобъ идти путемъ, проложеннымъ заслугами отца, прилѣпляется

къ какому нибудь мастерству или званію, опредѣленнымъ для низшихъ сословій: получаетъ, напримѣръ, страсть къ кучерству, и предпочитаетъ бразды колесницы, браздамъ правленія. Ни мало не обвиняю я сихъ господъ за то, что они слѣдуютъ внушенію своихъ склонностей, и занимаются тѣмъ, къ чему болѣе способны, ибо гораздо лучше хорошо править лошадьми, чѣмъ, занимая важную должность по службѣ, сбивать людей съ дороги, т. е. съ толку, отъ собственнаго безтолковія. — На основаніи этого правила, и я отказался отъ духовнаго званія, не чувствуя себя способнымъ къ оному, и, кажется, поступилъ весьма благоразумно. — Если бы я родился во времена идолопоклонства, то избралъ бы для себя званіе *прорицателя* (*augur*), ибо природа дала мнѣ въ удѣлъ болѣе проницательности, нежели ума, и гораздо сильнѣйшее желаніе знать или прозирать въ будущее, чѣмъ заниматься настоящимъ. — Съ такимъ расположеніемъ я мало учился въ Семинаріи тому, чему насъ учили, и все старался забывать впередъ, приготавливая себя

чтениемъ къ разгадыванію будущихъ уроковъ. Вышедши изъ Семинаріи, я заботился не о томъ, чѣмъ надлежало заняться въ настоящемъ, чтобъ имѣть кусокъ хлѣба, по все составлялъ планы, чѣмъ я быть долженъ со временемъ. Изъ этого вышло, что въ головѣ моей составилась какой-то хаосъ изъ всѣхъ наукъ, похожій на безпорядокъ, когда всѣ лошади разорвутъ поводья въ конюшнѣ, въ почную пору, и станутъ бѣгать и брыкаться; по службѣ же я похожъ на курьера, засѣвшаго въ грязи со сломанной тѣлгой, который мыслью рвется впередъ, а тѣломъ лежитъ недвижимо на большой дорогѣ. — Разбирая философски всѣ званія и должности, я избралъ службу въ Почтамтѣ, семь средоточіи всѣхъ новостей, ожиданій, надеждъ, и если понинѣ не удовлетворилъ честолюбію своему и не обезпечилъ будущей участи, то по крайней мѣрѣ угодилъ господствующей во мнѣ страсти къ прорицательству и догадкамъ. Я избралъ для своего жительства и служенія такую точку на Земномъ шарѣ, въ которой весь міръ отражается, *какъ солнце*

съ малой каплей воды, по словамъ Державина. Почтовая станція, какъ волшебный фоляръ, мгновенно превращается въ кабинетъ Министра, въ биржу, въ спальню щастливыхъ супруговъ, въ столовую обжоры, въ рабочую комнату ученаго, въ концертную залу, въ уборную кокетки, въ госпиталь, въ залу дипломатическихъ совѣщаній, словомъ: почтовая станція принимаетъ всѣ виды и замѣняетъ собою цѣлые обширные города, сообразно званію, характеру и страстямъ проѣзжихъ. Какое обильное поприще для прорицанія, для догадокъ и для наблюденій! Если бѣ человекъ, живущій въ самой дѣятельной изъ Европейскихъ столицъ, имѣющій самый обширный кругъ знакомства, могъ имѣть сорокъ паръ неутомимыхъ ногъ и триста шестьдесятъ самыхъ чуткихъ ушей, то онъ въ десять лѣтъ не узналъ бы того, перебѣгая изъ дома въ домъ въ большомъ городѣ, то можно узнать въ одинъ годъ на почтовой станціи. Главнѣйшія причины сего суть: смѣсь всѣхъ званій и состояній въ тѣсномъ мѣстѣ, и неприужденность, которою каждый

хочетъ пользоваться въ дорогѣ. Провѣзжающіе почитаютъ Станціоннаго Смотрителя болѣе машиною, нежели человѣкомъ, и поступаютъ въ его присутствіи непринужденно, какъ дома; слѣдовательно Смотритель имѣетъ ту выгоду предъ всѣми наблюдателями, что разсматриваетъ людей дома, тогда какъ Философы видятъ ихъ только на сценѣ свѣта. Пользуясь моимъ положеніемъ, я на почтовой станціи узналъ свѣтъ и людей гораздо лучше, нежели многіе умные и знатные, которые должны знать это по должности, и такъ пристрастился къ моему мѣсту, что не промѣнялъ бы его на Директорское, — если бы только финансы мои были въ лучшемъ состояніи.

Но если разсудить хорошенько, то мнѣ грѣшно завидовать тѣмъ, которые получаютъ болѣе жалованья, нежели я. — Главное дѣло въ жизни быть сытымъ, одѣтымъ и имѣть квартиру. Все это есть у меня, по милости Божіей и начальниковъ, а сверхъ того по временамъ перепадаетъ мнѣ кое-что отъ избытка людей богатыхъ и роскошныхъ.

Каждый привѣзжающій начинаетъ рѣчь со мной тремя вопросами: 1) Есть ли лошади? (2) Далеко ли до другой станціи? (3) Какова дорога впереди? — Когда отвѣты удовлетворительны, привѣзжающій вступаетъ весело въ комнату, и благосклоненъ ко мнѣ. Если онъ купецъ, иностранецъ или неслужащій помѣщикъ, то рѣдко спрашиваетъ сдачи, и рублишка, другой остаются у меня въ карманѣ. — Рѣдкій кисетъ съ табакомъ или сигарочница не оставляютъ мнѣ дани, когда хозяинъ ихъ, привѣзжающій, веселъ и разговорчивъ. Четыре раза въ сутки, т. е. въ то время, когда содержательница трактира на станціи варитъ кофе, завтракаетъ, обѣдаетъ, пьетъ чай и ужинаетъ, я приглашаю привѣзжающихъ, весьма вѣжливо, подождать, пока накормятъ лошадей (обыкновенная отговорка къ задержанію), и общаю запрячь самыхъ лучшихъ, советую, между тѣмъ, выкушать кофею, чаю, пообѣдать или поужинать, расхваливая искусство поварихи, принасы, и особенно превознося сливки. Я замѣтилъ вообще, что люди гораздо болѣе ѣдятъ и пьютъ,

или по крайней мѣрѣ желаютъ болѣе вѣтъ и пѣть въ путешествіи, нежели дома. Рѣдкій путешественникъ не соблазнится, если ему станутъ расхваливать съѣстные припасы на станціи. И такъ, доставляя доходъ содержательницѣ трактира, приманкою пріѣзжающихъ, я самъ пользуюсь безпечною столомъ, чаемъ и кофеемъ, т. е. тѣмъ, изъ чего другіе быются въ свѣтъ, какъ рыба объ ледь. — Весьма часто случается, что господа оставляютъ на столѣ неподнутую бутылку вина въ мою пользу, и рѣдкій проѣзжій не поддичаетъ вѣжливаго смотрителя пуншемъ, когда доложитъ ему, что лошади готовы и ямщику приказано ѣхать хорошо. — При сей счастливой жизни бываютъ иногда и непріятности отъ проѣзжающихъ по казенной надобности, особенно при большихъ разгонахъ и дурныхъ дорогахъ, въ осеннее и весеннее время. Тогда всю вину обыкновенно сваливаютъ на смотрителя, какъ будто онъ долженъ сидѣть въ лошадиной шкурѣ, и управлять стихіями, какъ конюшней. Не одному смотрителю станціи, но и людямъ вы-

сокаго званія приходится терпѣть въ жизни за скотовъ, состоящихъ въ ихъ вѣдѣніи, и такъ должно имѣть терпѣніе; къ тому жъ я открывъ способъ сваливать вину на старосту, т. е. на подчиненнаго моего, и хотя онъ столько же виновенъ, какъ я, по сродному надобно непременно представить виноватаго, чтобъ укротить его гнѣвъ. — Не жалуюсь на судьбу: въ свѣтъ съ каждымъ званіемъ сопряжены непріятности. Одно средство къ смягченію непріятностей — терпѣніе, въ которомъ, по милости Божіей и начальниковъ, у меня нѣтъ недостатка.

Однако жъ, что значить быть Авторомъ! Я задумалъ писать о другихъ, а до сихъ поръ не остановился, расписывая о себѣ. Не удивительно! Другіе такъ мало занимаются мною, что по неволѣ я самъ долженъ вспомнить о себѣ. Впрочемъ, едва ли не всѣ Авторы помышляютъ болѣе о себѣ, нежели о томъ предметѣ, который излагаютъ въ книгѣ, и едва ли не для того пишутъ книги, чтобъ напомнить свѣту о своемъ существованіи. Но пора приступить къ

дѣлу, и показать, искусень ли я въ догадкахъ и въ прорицательствѣ.

Вотъ подъѣхалъ къ крыльцу дормезъ въ шесть лошадей. Съ козелъ соскочилъ Русскій служитель, и отдалъ мнѣ подорожную. Его Превосходительства ѣдетъ за границу, къ теплымъ водамъ, для поправленія здоровья. Сзади дормеза мѣсто съ крышкою и фартукомъ, для другаго слуги. Этотъ другой слуга не торопливо вылезаетъ изъ своей будки, оправляется, и важно подходитъ къ дверцамъ дормеза. Угадываю! Это камердинеръ - иностранецъ. Русскій слуга поѣдетъ съ барининомъ только до границы, а въ первомъ иностранномъ городѣ наймутъ другаго слугу, въ помощь камердинеру. Вотъ вылезъ изъ экипажа Его Превосходительства. Онъ оглянулся на всѣ четыре стороны, посмотрѣлъ на солнце, на безоблачное небо, на распускающуюся зелень, и поморщился. Дурной признакъ! — Послѣ него вышелъ изъ дормеза человекъ среднихъ лѣтъ, годами десятю моложе Его Превосходительства, и заговорилъ съ камердинеромъ, кото-

рый, кажется, весьма фамиліаренъ съ товарищемъ своего барина. Понимаю! Этотъ товарищъ — есть компаніонъ, также иностранецъ, взятый въ путешествіе для развлечения Его Превосходительства. Погода теплая, мѣстоположеніе прелестное, но два иностранца начинаютъ бранить нашъ край. Хотя я не учился въ Семинаріи Французскому языку, но на станціи привыкъ различать всѣ языки, и даже вытвердилъ много словъ. Слышу, что они говорятъ: *люве пзи! Франсъ, Франсъ!* Ахъ, почтенные господа! зачѣмъ же вы ѣдете въ нашу землю, если она вамъ не правится? Видно, вы подражаете тому Римскому Императору, который, перешокивая деньги, приходившія въ казну отъ многообразныхъ податей, никакъ не могъ различить монеты, поступившей отъ купца, торгующаго хлѣбомъ, съ монетою, доставшеюся отъ подрядчика очистки улицъ и подземныхъ трубъ. — Богъ съ вами, господа иноземцы! Берите съ насъ деньги, только не даромъ, или, что еще хуже, не за то, за что бы мы заплатили вдвое, чтобъ не

имѣть вовсе. — Много, весьма много полезнаго заимствовано нами отъ чужеземцевъ! Но, по несчастію, почти всегда такъ случается, что великіе мужи, разливающіе благотельный свѣтъ образованія на родъ человѣческій, хотя часто бываютъ несчастны въ своемъ отечествѣ, рѣдко соглашаются рыскать по свѣту съ своимъ умствешнымъ товаромъ, а разношники ихъ познаній не умѣютъ или не хотятъ продавать иноплеменикамъ то, что нужно ихъ странѣ, а продаютъ по большей части *дрожжи* мудрости. Это вычиталъ я въ одной Русской книгѣ, которой сочинитель преслѣдуется своими собратіями, какъ заяцъ собаками, за то, что любить смѣючись сказать правду.

Вотъ Его Превосходительство вошелъ въ комнату, взялъ съ своимъ компаніономъ, и велѣлъ камердинеру подать лекарство. Изъ любопытства я взглянулъ на коробочку, и узналъ, что это лекарство не что иное, какъ пищеварительныя сахарныя лепешки. Видно, что Французъ-компаніонъ гораздо слабѣе Его Превосходительства, потому что для

укрѣпленія силъ выпилъ большой стаканъ Бургонскаго вина и съѣлъ кусокъ пирожнаго. — Его Превосходительство все морщится, зѣваетъ и вздыхаетъ. На лицѣ его не видно слѣдовъ болѣзни, но на сморщенномъ лбѣ, навислыхъ бровяхъ и мрачномъ взглядѣ примѣтно неудовольствіе. Онъ съѣлъ на капапе, и велѣлъ мнѣ подойти къ себѣ. «Дороги дурны!» сказалъ онъ. — «Осмѣливаюсь доложить В. П., что вы изволили проѣхать одну изъ лучшихъ станцій: дорога недавно починена и гладка, какъ столъ.» — «Лошади не хороши,» примолвилъ Его Превосходительство. — «Курьерскія и В. П. изволили прѣхать сюда въ половину времени, назначеннаго закономъ.» — «Станція въ безпорядкѣ,» сказалъ Его Превосходительство. — «Прошу извинить, В. П.: лошади хороши, сбруя исправна, ямщики одѣты порядочно, а комнаты содержатся въ чистотѣ. Начальство смотритъ за этимъ строго. Недавно проѣзжалъ здѣсь иностранный Послашникъ, хвалилъ все и всѣмъ былъ очень доволенъ.» — «Что понимаетъ твой Послаш-

никъ!» возразилъ Его Превосходительство: «все дурно, все неисправно! Когда я былъ на мѣстѣ, отъ котораго долженъ былъ отказаться *по слабости здоровья*, то имѣлъ проектъ къ улучшеніямъ и исправленіямъ. Но теперь, пусть дѣлаютъ что хотятъ! А что слышно новаго?» — «Все благополучно, В. П. Урожай былъ хорошій; цѣна на хлѣбъ возвышается; господа, здѣсь кругомъ, все добрые; крестьяне довольны; на суды большихъ жалобъ не слышно, а Исправникъ честный человекъ — заслуженный офицеръ, защищаетъ слабого отъ сильнаго.» — «Все вздоръ, все пустое!» сказалъ съ сердцемъ Его Превосходительство. «Когда я занималъ мѣсто, отъ котораго долженъ былъ отказаться *по слабости здоровья*, то имѣлъ случай знать болѣе, что вездѣ дѣлается, нежели ты, бѣдный смотритель. Я знаю, что у васъ все идетъ дурно. Я имѣлъ проектъ къ исправленію всего этого, но теперь мнѣ нѣтъ пужды: пусть дѣлаютъ, что хотятъ! А что говорятъ провѣщающіе? объ чемъ толкуютъ? Чай все недовольны, ропшутъ?» — «Никакъ нѣтъ,

В. П.; напротивъ того, кажется, что довольныхъ едва ли не въ десятеро болѣе. Радуются благополучному окончанію войнъ, доставившимъ Россіи славу и пользу, пріобрѣтеніемъ провинцій для пользы пограничныхъ странъ. Радуются, что Словесность наша ожила въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ; что обращено вниманіе на общественное воспитаніе, на изданіе учебныхъ книгъ; что заведены школы даже для крестьянскихъ дѣтей. Но болѣе всего радуются, что запрещено Указомъ воспитывать Русскихъ баричей за границей, гдѣ изъ нихъ дѣлали иноземныхъ попугаевъ, и вперяли правила, вредныя Россіи. Радуются систематическому изданію законовъ и прекращенію безнаказанности взяточниковъ. Радуются оживленію Русской промышленности, заведенію выставокъ Русскихъ издѣлій. Вообще, осмѣливаюсь доложить Вашему Превосходительству, что я примѣчаю болѣе радости, нежели неудовольствія, и по всему, что въ нѣсколько лѣтъ сдѣлано и начато, многіе предвѣщаютъ счастье, благо, спокойствіе для Рос-

сін! Правда, случается, что какой нибудь чиновникъ, потерявшій мѣсто, и подвергнѣйся наказанію, заронщеть; но въ семьѣ не безъ урода...» Его Превосходительство, который въ то время, когда я говорилъ, морщился и вертѣлся, вдругъ вскочилъ при послѣднихъ моихъ словахъ, и смотря мнѣ грозно въ глаза, сказалъ: «Ты дуракъ, братецъ! ничего не понимаешь и толкуешь вздоръ! Поди вонъ! Лошадей!» — «Лошади уже запряжены.» — Его Превосходительство вышелъ изъ комнаты, и сядя въ дормезъ, сказалъ своему компаніону: «Се сонъ дезанимо.» — Богъ съ тобой, батюшка! Побѣжай на теплыя воды, авось захлебнешься!

«Бѣдный человекъ! Видно, онъ очень боленъ, что ему все не мило на бѣломъ свѣтѣ!» сказала содержательница трактира, когда Его Превосходительство свѣхалъ съ почтового двора. «Вѣрно у него желтуха или хандра! опасныя болѣзни!» — «Не то, матушка, Анна Карловна, не то! Вы недогадливы! Этотъ баринъ здоровѣе насъ съ вами, но сердце его точатъ два червяка, называе-

мые *честолюбіемъ* и *себѣлюбіемъ*. Онъ потерялъ мѣсто, доставлявшее ему почести, власть и выгоду, и такъ, чтобъ утѣшиться въ отставку, онъ хочетъ увѣрить другихъ и себя, что безъ него все пойдетъ къ худшему, и все не хорошо, что не имъ сдѣлано. Онъ все бранить, и на все смотреть сквозь дымъ и туманъ. Это обыкновенныя припадки *душевнои михорадки*, которая слѣдуетъ всегда за ниспроверженнымъ честолюбіемъ. На воды ѣдетъ этотъ господинъ не для того, чтобъ лечиться, ибо лекарство для него осталось въ томъ мѣстѣ, изъ котораго онъ вышелъ въ отставку. Но изволите видѣть, матушка, Анна Карловна, для господъ теплыя воды то же, что для нашей братии, почтамтскихъ служителей ниже 14 класса, *дежурная комната*. Разница та, что намъ *велятъ* сидѣть въ дежурной комнатѣ, а господу *добровольно* ѣдутъ туда, когда хотятъ свалить всю вину на болѣзнь. Другіе, потерявъ мѣсто, и не желая играть роль больныхъ, вдругъ получаютъ страсть къ наслажденіямъ прелестями природы, и удаляются

въ деревню, или, сошедши внизъ, ѣдутъ смотрѣть и карабкаться на Швейцарскія горы: таково бываетъ на свѣтъ, матушка, Анна Карловна!»

Содержательница трактира не хотѣла вѣрить словамъ своимъ, думая, что проѣхавшій господинъ точно боленъ желтухой или хандрой; но на другой день проѣхалъ Секретарь Его Превосходительства, въ свою благопріобрѣтенную деревушку, и подтвердилъ мои догадки, примолвивъ: «Слава Богу, что я отдѣлался отъ него! Пожили мы съ нимъ довольно: пора знать честь!»

«Два чиновника остались ночевать на станціи. Одинъ изъ нихъ, отправившійся изъ Петербурга въ Губернію, на мѣсто, не хотѣлъ ѣхать ночью для того, чтобъ не разстроить крѣпкаго здоровья, которое онъ берегъ, какъ стеклянную посуду, а другой возвращавшійся въ Петербургъ изъ Губерніи, остался на почлегъ для того, чтобъ не истощить уже разстроеннаго здоровья. — Первый былъ толстъ, красенъ и весельчакъ; второй худъ, блѣденъ и угрюмъ. Первый

торопилъ хозяйку, чтобъ она скорѣе подавала ужинать; другой охалъ и вздыхалъ въ ожиданіи ужина, и казалось, имѣлъ болѣе нужды въ пылюляхъ и микстурѣ, нежели въ жареной телятинѣ и мадерѣ, которыя поставила на столъ трактирщица, Анна Карловна. Но когда дошло дѣло до бутылки, то оба чиновника, толстый и худой, поравнялись въ силахъ, какъ двѣ разнородныя лошади въ одной упряжкѣ, подъ плетью удалаго ямщика. Я сидѣлъ въ другой комнатѣ и слушалъ разговоръ почтенныхъ господъ. Беседа началась толками о виноградныхъ винахъ. Поводъ къ сему разговору подалъ печатный билетъ, приклеенный на бутылкѣ: *«Самая лучшая мадера, изъ иностраннаго погреба Г. Хайлова.»* Петербургскій чиновникъ утверждалъ, что самыя лучшія виноградныя вина продаются, въ Петербургѣ, въ Англійскомъ магазинѣ и во Французскихъ погребахъ, а губернскій чиновникъ спорилъ и говорилъ, что лучшія вина находятся въ Русскихъ погребахъ, потому, что вино-де должно цѣниться крѣпостью; вина же, про-

даваемая въ Русскихъ погребкахъ, для *охотниковъ*, столь крѣпки, что едва не жгутъ под-небесья, а мадера даже загарається, какъ спиртъ. «Понеже», сказалъ губернской чиновникъ: «каждому истинному патриоту довѣсть стараться, чтобъ какъ можно меньше денегъ выходило за границу, и поелику, по распространившемуся просвѣщенію, отъ винограднаго вина отказаться не возможно, то изъ сего явствуетъ, что для сохраненія капиталовъ въ Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ для удовлетворенія необходимой и пріятной потребности, должно пить меньшее количество вина, но покрѣпче и подешевле. Такимъ образомъ, за меньшее число денегъ, приобрѣтается большее количество винныхъ паровъ, сирѣчь хмѣлю, изъ меньшаго объема матеріалу, сирѣчь вина. Всему этому учить насъ *Политическая Экономія*, или по-Русски Государственное Хозяйство, коего правила, сирѣчь теорія, столь премудро излагаются въ нѣкоторыхъ Московскихъ Журналахъ, посвященныхъ любомудрію и высшимъ взглядамъ.» — Петербургскій чиновникъ уступилъ

своему противнику, почувствовать благотельное дѣйствіе краснорѣчія, подкрѣпляемаго винными парами, и прикунивая вино, сказалъ только: «Дѣлать нечего: за немѣняемъ гербовой, пишутъ на простой.» При другой бутылкѣ, рѣчь зашла о службѣ. — Петербургскій чиновникъ былъ Коллежскій Ассессоръ, а губернской, Титулярный Совѣтникъ, и потому онъ началъ вторую часть разговора страшною Филиппикою противу Университетовъ, снабжающихъ гражданскую службу Коллежскими Ассессорами и кандидатами въ Коллежскіе Ассессоры, безъ экзамена. «На чорта намъ эта ученость!» воскликнулъ губернской чиновникъ, ударивъ костянымъ кулакомъ своимъ по столу: «Вѣдь намъ, чиновникамъ, не книги писать, а чтобъ судить Русскаго мужика, зачѣмъ мнѣ Римское Право! Нашъ Вице-Губернаторъ, также изъ университетскихъ, утверждаетъ, что Римское Право ведетъ къ познанію отечественнаго и открываетъ новые виды въ законоположеніи. Взоръ! Вѣдь ученые же издають Журналы, а я самъ читалъ въ одномъ Московскомъ

Журналъ, что по новой Нѣмецкой Философiи открыто, что всѣ науки и вся премудрость равны *нулю*. А понеже, что ощутительно въ карманъ и въ бумажникъ, то не есть и быть не можетъ *нулемъ*, слѣдовательно единственная цѣль наукъ должна быть та, чтобъ человекъ могъ снискать насущный хлѣбъ себѣ и дѣткамъ. Мы же, неученые, гораздо лучше это разумѣемъ, нежели господа университетскіе, получающіе чины безъ экзамена!» — Петербургскій чиновникъ ничего не отвѣчалъ, но только тяжело вздохнулъ, проворчавъ: *экзаменъ*; а какъ вздохи, смѣхъ, зѣванье, равно какъ страхъ и запальчивость, магнетически сообщаются отъ одного существа другому, какъ мнѣ сказывалъ одинъ провѣзжій Профессоръ (ученикъ Нѣмецкаго Философа Канта) испугавшись испугавшихся лошадей, то и губерискій чиновникъ, по сему же правилу, вздохнулъ вдвое тяжелее своего собесѣдника. Наступило молчаніе, продолжавшееся шесть минутъ, по станціоннымъ часамъ, прерванное только на секунду востребованіемъ третьей бутылки мадеры

изъ иностраннаго погреба Г. Хайлова. — При первомъ стаканѣ изъ третьей бутылки, началась третья часть разговора взаимною откровенностью, или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что Гг. бесѣдующимъ угодно было выдавать за откровенность. Губерискій чиновникъ началъ жаловаться на дурныя времена, на испорченность свѣта и злость людскую. «Я былъ пятнадцать лѣтъ Секретаремъ въ Гражданской Палатѣ,» сказалъ онъ: «и посылными трудами на пользу общую и неусыпнымъ стараніемъ къ скорому удовлетворенію просителей успѣлъ, при благословеніи Божіемъ, нажить домишко въ губерискомъ городѣ и подгородную деревушку. Но, увы! зависть закинула въ сердцахъ, и тѣ самые люди, которые прежде были столь довольны мною, что не только благодарили меня, но даже дарили, изъ благодарности, за мои услуги, вдругъ возстали противу меня. Этого мало: тѣ самые, которые кушали нажитую мною хлѣбъ-соль и испивали выписываемое изъ Петербурга вино, позавидовали мнѣ, и соединились съ моими *неблагодарными* про-

тивниками! На бѣду, къ намъ назначенъ Губернаторъ не изъ старыхъ служаекъ, не изъ канцелярской братни, выросшей подъ скрипомъ перьевъ, въ архивной пыли, но изъ военныхъ, изъ баричей, у котораго только и на языкъ что честь, совесть, законъ, долгъ, присяга! — Съ нимъ прѣхало нѣсколько молодыхъ щеголей, также изъ университетскихъ, которые, по учености своей, изволили расчитать, что мнѣ, въ пятнадцать лѣтъ безъ наслѣдства, приданаго и торговыхъ оборотовъ, не возможно было пріобрѣсть, изъ одного жалованья, ни домишка, ни деревушки. Пошли справки и выправки, пересмотрѣ старыхъ дѣлъ, и меня, за *напраслину*, лишили мѣста, да и упекли еще подъ судъ, *яко бы* за оправданіе уличенныхъ въ похищеніи казеннаго имущества, хотя я, при семъ случаѣ, руководствовался единственно мудрымъ правиломъ Великой Государыни, что лучше десятерыхъ виновныхъ оправдать, нежели одного невиннаго наказать. И всего-то обвиненныхъ было не десять, а четыре челоѣка, людей извѣстныхъ въ целомъ на-

шемъ краю хлѣбосолецствомъ, щедростію и лучшею чертою души человѣческой, *благодарностию!* — Вотъ каковы нынѣ свѣтъ, вотъ каковы люди! Теперь їду въ столицу, чтобъ испытать, не мягче ли тамъ сердца, чѣмъ въ нашемъ губернскомъ городѣ, котораго жители до того испорчены правами, что не позволяютъ даже нищимъ и колѣкамъ ходить изъ дому въ домъ, а построили на свой счетъ одно зданіе, и упрятали ихъ всѣхъ туда, назвавъ это заключеніе богоугоднымъ заведеніемъ! О времена, о времена!» — При сихъ словахъ, губернскій чиновникъ снова вздохнулъ и занялъ свое горе мадерою.

«Что до меня касается,» отвѣчалъ Петербургскій чиновникъ: «то мнѣ грѣшно было бы жаловаться на свѣтъ и на людей. Слабое мое здоровье и потребность поддерживать силы крѣпительною пищею принуждали меня вставать отъ сна поздно, искать знакомствъ, гдѣ хорошо кормятъ гостей, играющихъ недурно въ вистъ и бостонъ, а игра обязывала меня просиживать въ гостяхъ до поздней ночи. Такимъ образомъ,

я не могъ прилежно посѣщать канцелярію и заниматься дѣлами, какъ бы мнѣ хотѣлось. — Но отецъ мой нѣкогда управлялъ вотчинною почтеннѣйшаго моего начальника, который оказывалъ мнѣ всегда особенную милость, и даже понинѣ платить пенсіонъ моей матушкѣ, за то, что покойная супруга моего почтеннѣйшаго начальника несправедливо гнала мою матушку, бывшую камеръ-фрау при Ея Превосходительствѣ. Товарищи мои смотрѣли на мою службу сквозь пальцы, а второстепенные начальники не говорили ни слова. Всѣ они ребята добрые, и я всегда старался служить имъ, чѣмъ могъ, у почтеннѣйшаго моего начальника. Такъ протекло время до полученія мною чина Гитулярнаго Совѣтника! Тутъ почтеннѣйшій мой начальникъ вздумалъ меня пристроить, и высваталъ мнѣ невѣсту, воспитанницу богатаго барина, обученную во Французскомъ пенсіонѣ, какъ первая Княжна. За ней взялъ я порядочное приданое, равное приданому дочерямъ воспитателя моей жены, а племянникъ почтеннѣйшаго моего начальника и

единственный его наслѣдникъ посовѣтовалъ мнѣ ѣхать на Кавказъ, для пріобрѣтенія чина Коллежскаго Ассессора, и укрѣпленія разстроеннаго моего здоровья. Жена моя стала меня убѣдительно просить объ этомъ, и я рѣшился отправиться на Кавказъ, на три года, оставивъ жену въ Петербургѣ, гдѣ она, вмѣстѣ съ племянникомъ почтеннѣйшаго моего начальника, будетъ хлопотать обо мнѣ. Рекомендательныхъ писемъ у меня цѣлый чемоданъ, и такъ я надѣюсь, что проведу пріятно время на Кавказѣ, гдѣ, говорятъ, дичь превкусная, вино славное и въ вистъ играть много охотниковъ. Вотъ видите ли, что мнѣ нельзя жаловаться на людей! — «Правда, милостивый государь,» возразилъ губерискій чиновникъ: «люди вамъ не сдѣлали зла; но кажется мнѣ, что вы не изволили сдѣлать людямъ ни добраго, ни злаго. За васъ все дѣлали и дѣлаютъ другіе, а вы только изволите кушать, пить, спать и швырять картами по зеленому сукну!» При семъ губерискій чиновникъ захохоталъ такимъ смѣхомъ, что меня морозъ подрагъ по кожѣ,

какъ будто отъ скрипа пробки по стеклу. Я думалъ, что Петербургскій чиновникъ разсердится за насмѣшку, и что между ними дойдетъ до битвы, но онъ преспокойно выпилъ стаканъ и сказалъ хладнокровно: «У всякаго свой талантъ! Я не завидую ни кому, и во всемъ полагаюсь на судьбу и на добрыхъ людей. До сихъ поръ, я жилъ преспокойно съ моимъ бездѣйствіемъ, а бы съ своею дѣятельностью попали подъ судъ и лишились мѣста. Я придерживаюсь одного правила въ жизни и въ игрѣ, т. е. не перебываю чужой игры, никого не топлю и играю потихоньку и тогда только, когда имѣю въ рукахъ вѣрныя взятки...» «Взятки!» возразилъ губерскій чиновникъ: не произносите этого слова: оно давно вывелось изъ употребленія. Скажите *благодарность*.» — «Помилуйте, какая благодарность въ картахъ?» сказалъ Петербургскій чиновникъ. — «Все равно: взятки запрещены указами, а о благодарности не упомянуто!» отвѣчалъ губерскій чиновникъ: «Надобно придерживаться закона буквально...» Вдругъ послышался

колокольчикъ у крыльца, и я долженъ былъ выйти изъ комнаты.

Нужно ли сказывать, кто таковы два чиновника, которыхъ бесѣду описалъ я выше? Кажется, что они сами себя достаточно обнаружили. — Если сравнить міръ съ почтовой тележкой, то такъ называемые дѣльцы суть оси и колеса, которыя должно непременно подмазывать, чтобъ дѣло шло успѣшно, а покровительствуемые лѣнницы суть то же, что лишніе обручи въ кузовѣ телеги. Они вовсе не нужны для ѣзды, но на нихъ облокачивается и покоится хозяинъ телеги; ихъ иногда и раскрашиваютъ, и они же безвредно отживаютъ свой вѣкъ, тогда какъ жирныя оси и колеса часто ломаются на скаку. О толстомъ Петербургскомъ чиновникѣ Анна Карловна сказала: хорошо тому жить, у кого бабушка ворожить; а о худощавомъ губерскомъ: повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить!

На другой день погода была пасмурная, холодная, а подъ вечеръ дождливая.

Всѣ провѣзжіе были въ самомъ дурномъ расположеніи духа, и я ни отъ одного изъ нихъ не услышалъ ласковаго слова, хотя удовлетворялъ всѣхъ безостановочно. — Съ горя пошелъ я въ конюшню, и пустился философствовать, расхаживая между двумя рядами стойлъ. Я вспомнилъ о древнемъ Платонѣ, когда онъ преподавалъ уроки мудрости въ садахъ Академіи; вспомнилъ, когда онъ, желая опредѣлить, что такое человекъ, назвалъ его *двуножнымъ животнымъ безъ перьевъ*, и когда тутъ Діогенъ бросилъ между учениковъ обитаннаго пѣтуха, воскликнувъ: вотъ человекъ Платоновъ! Мнѣ кажется, что опредѣленіе Платона столь же цѣлѣбно, какъ неумѣстна шутка Діогенова. Медику, Анатому позовлено сравнивать человека съ животнымъ по сходству членовъ или органовъ; но Философъ долженъ искать сходства не въ тѣлосложеніи, а въ нравственномъ существованіи. Въ этомъ отношеніи человека ни съ кѣмъ нельзя сравнить, какъ только съ лошадью. — Не сердитесь, спѣсивые, за это

сравненіе, а выслушайте, и тогда удостовѣритесь, что гораздо лучше и благороднѣе быть сравниваемымъ съ лошадью, нежели съ пѣтухомъ, который, подобно лѣнивому и сластолюбивому богачу, ни къ чему не пригоденъ, какъ только къ удовлетворенію аппетита наслѣдниковъ, т. е. хозяина съ домочадцами. — Лошадь, напротивъ того, есть полезное и благородное животное, и принесетъ неисчислимыя выгоды человеку, если только находится въ хорошихъ рукахъ. — Вѣрите смерти, что благо конюшника зависитъ отъ полечительности хозяина и отъ его умѣнья выбирать кучеровъ, форейторовъ и присмотрщиковъ. Избравъ даже хорошихъ кучеровъ, все таки надобно присматривать за ними въ оба глаза. Конюшню должно навѣщать неожиданно, а не торжественно, чтобъ кучера не имѣли времени приготовиться къ принятію хозяина, который обязанъ строго наблюдать, чтобъ кормъ доставался лошадямъ, а не кучерамъ. Хозяинъ долженъ рачительно смотреть, чтобъ тяжесть, которую прислужники нагружа-

ють на лошадей, соразмерна была ея сила; въ противномъ случаѣ плеть не поможетъ, и кончится тѣмъ, что или возъ останется на мѣстѣ, или опрокинется, или лошадь надорвется. Въ упряжкѣ должно наблюдать, чтобъ сбруя была въ пору, возжи крѣпки, и чтобъ кучеръ не слишкомъ затягивалъ возжи и не слишкомъ вольно пускалъ ихъ: въ первомъ случаѣ лошади взбѣсятся и стануть на дыбы, во второмъ понесутъ и могутъ разбить экипажъ. Но главное дѣло въ томъ, чтобъ приучить лошадей слушаться голоса хозяина и кучера и одной возжи, плеть же употреблять только для острастки, для возбужденія, не бить ею безъ нужды, а только помахивать. У попечительнаго и знающаго хозяина лошади будутъ сыты, послушны и принесутъ пользу. Но когда, напротивъ того, хозяинъ не кормитъ лошадей, или позволяетъ кучерамъ проматывать кормъ; когда притомъ не радѣетъ объ упряжкѣ, не измѣряетъ тяжести по силамъ, и гоняетъ своихъ скотовъ безъ толку во всю скачку, кончится тѣмъ, что или хозяинъ или кучеръ

попадетъ самъ въ бѣду, а наконецъ и кони подохнутъ! — Примѣните эти правила къ людямъ, и вы увидите, что мое сравненіе справедливѣе Платонова. У насъ по соседству живутъ два помѣщика: одинъ изъ нихъ богатъ, веселъ, счастливъ, и крестьяне его богаты и счастливы; другой подъ судомъ, бѣденъ, въ долгахъ, а крестьяне его нищіе. Все это произошло отъ толковаго и безтолковаго управленія конюшней. — Правда, бывають и такія лошади, что съ ними никакъ нельзя справиться, и что онѣ ни добромъ, ни битьемъ не идутъ въ упряжкѣ; твердоузды, бичи, не даются ковать, не везутъ ровно и, то бросаются въ сторону, то становятся на дыбы. Для такихъ лошадей жалъ кормъ терять, и если ихъ нельзя употребить на мельницѣ, или на другомъ какомъ заводѣ, то лучше сбыть съ рукъ за безцѣнокъ, или пулю въ лобъ, да и поминай, какъ звали! — Но прежде надобно удостовѣриться основательно, не виноваты ли кучеръ, что лошадь упряма и твердоузда, ибо отъ права кучерова зави-

сить, по большей части, выѣздка лошадей. Хозяинъ всегда жалостливъ и милостивъ къ своей собственности, но эти кучера! Охъ, эти кучера! только и думаютъ о себѣ, кормъ крадутъ, а лошадей подчиваютъ плетью. И такъ, чтобъ кучера не портили лошадей, надобно кучеровъ держать въ уздѣ. Почти всѣ бѣды бываютъ отъ неумѣнья, плутовства или крутаго права кучеровъ. Изъ тысячи, едва ли одинъ хозяинъ виновенъ, если лошади испорчены, а ужъ эти кучера, кучера, да ихъ помощники! Знаю я ихъ хорошо!

Приложите теперь все это къ людямъ, и сравните хозяина конюшни съ помѣщикомъ, кучера съ управителемъ, помощниковъ съ сотскими, десятскими, выборными, и вы увидите, правду ли я сказалъ!

— № III. —

ДУРНЫЯ ВРЕМЕНА.

Отцы мои! Ужъ кто въ умѣ разстроентъ,
Такъ все равно—отъ книгъ ли, отъ пнтѣ-ль!
Горе отъ ума.

*(Письмо дяди изъ деревни, къ племяннику
въ столицу.)*

—

Было на Русь золотое времечко, когда и отцы и матери и бабушки и тетушки были убѣждены, что молодому человѣку непременно надобно *перевѣситъ*ся, какъ молодому пиву перебродить. За то и *блѣсались* мы порядкомъ! Какъ вспомню я про нашу старинную, драгунскую жизнь, такъ въ глазахъ двоится! — Какъ запируемъ бывало, такъ цѣ-

лый уездъ трещить. Весь эскадронъ на погахъ; пѣсенники деруть ночь напролетъ, до охрипу; жидовскіе цимбалы гремятъ; пляска, что земля трясется; пива вбродъ, въ пуншъ хоть купайся; картежь, крикъ, шумъ, стрельба, чоканье, цѣлованье, лобызанье, обниманье, а тамъ подавай тройки и маршь!... Держи ухо востро, господинъ Капитанъ-Исправникъ! Не попадайтесь на глаза, господа Засѣдатели! Драгуны гуляютъ — ни гуту! — Морозъ трескучій, мятель — трень трава! Куртку на распашку, трубку въ зубы, возжи въ руки, и пошелъ по ухабамъ, чрезъ пни и колоды! Прикатили въ городъ — стой! Вотъ Жидовскій трактиръ. Жидъ согнулся въ три погибели. Въмѣсто *здравствуй* — по уху ракалю! Развертывайся! ѣсть, пить, факторовъ сюда! — Пошла потѣха! — Кой мортъ принесъ сюда этихъ помѣщиковъ, арендаторовъ!... Однихъ за окно, другихъ за двери. знай нашихъ! хочешь выйти на сухо изъ нашей *компаніи* — пей, да придакивай, а чуть поморщился, чуть не такъ взглянулъ, такъ и карачунъ. — Золотое бы-

ло времечко; да за то, какъ стали заводить нынѣшніе порядки, такъ и я откланялся, и отретировался въ деревню. Отцу было не весьма пріятно, что я вышелъ въ отставку Подпоручикомъ. Ему, вишь, хотѣлось видѣть меня Генераломъ! — Матушка усмирила его, убѣдивъ въ разстройствѣ моего здоровья — и тѣмъ дѣло кончилось. Года четыре прожилъ я прескучно въ деревнѣ, и только два раза, въ это время, удалось мнѣ отвѣсть душу въ Москвѣ. Покойный отецъ былъ не изъ тороватыхъ, не тѣмъ будь помянуть, и любилъ тишину, а матушкину кубышку почиталъ я еще въ полку, такъ не изъ чего было мнѣ гордиться. Но когда Богу угодно было прибрать къ себѣ моихъ дражайшихъ родителей (царство имъ небесное!), такъ дѣло пошло стариннымъ дворянскимъ порядкомъ. Я завелъ, тотчасъ, славную псовую охоту, рысаконъ, иноходцевъ, скакуновъ; устроилъ у себя отличную *кружесную фабрику*, и два хора, мужской и женскій; выписалъ повара изъ Москвы, изъ пѣвческаго трактира; промѣнялъ весь хлѣбный запасъ, отъ двадцати го-

довъ, на вино и ромъ, и зажилъ, да ужъ зажилъ, что называется *залихватски!* — Въ старые годы у насъ мудрено было удивить кого нибудь молодечествомъ, а я таки удивлялъ самыхъ *заблудливыхъ* головушки, и прослылъ *атаманомъ*. Не одинъ изъ пріятелей моихъ сломилъ себя шею и записался на смерть, желая подражать мнѣ! Не одинъ проигрался дочиста въ моемъ домѣ! А пріятелей и подражателей у меня была тма тмуца, потому что въ прежнее золотое времячко люди только и думали о томъ, какъ бы пожить да повеселиться. По деревнямъ разъѣзжались для того, чтобъ охотиться да пировать на волѣ, и въ города съѣзжались для того, чтобъ дать потѣшиться женамъ и дочкамъ, да и самимъ позабавиться, *на сторонкѣ* въ мужской *компаніи*. Такъ прошло тридцать лѣтъ, какъ во снѣ, какъ въ чаду, изъ похмѣлья въ похмѣлье, изъ одной потѣхи въ другую, пока не ударилъ злой часъ. Доживъ до сѣдыхъ волосъ, дожилъ я и до *дурныхъ временъ!*

Пріятели и добрые сосѣди начали исчезать, мало по малу, съ лица земли. Кто

слегъ въ могилу, кто пропалъ безъ вѣсти послѣ продажи имѣнья съ публичнаго торга, кто бѣжалъ отъ дворянской опеки. Появились въ околоткѣ новыя лица, то дѣти, то племянники покойниковъ, то новые помѣщики, купившіе имѣнье моихъ прежнихъ пріятелей. Я къ нимъ съ псовой охотой, съ пѣсенниками, съ плясунами — анъ на дворъ не пускаютъ! Я звать ихъ къ себѣ — не ѣдутъ! — Что за народъ? Сталъ я присматриваться къ нимъ — все люди чопытые, важные, какъ будто на ходуляхъ. За и небывальщину у насъ! Въ тридцать лѣтъ не видалъ я, въ цѣломъ уѣздѣ, печатнаго листа, а тутъ на столахъ появились книги, вмѣсто бутылокъ. Бывало собирали подписку на пирушки, на *пикники*, а тутъ стали приглашать дворянъ подписываться на книги, на Журналы, на тюрьмы, на бѣдныхъ, на погорѣлыхъ, на школы, и Богъ вѣсть на какія прихоти! — Запросятъ въ гости, такъ лучше напейся дома, а у нынѣшнихъ помѣщиковъ не жди добра. За столомъ поставятъ бутылочку, другую винца, да и не упраси-

ваютъ, чтобъ выкупать, какъ будто каждая капелька была сосчитана и вычислена. — Прислушайся къ ихъ разговорамъ, такъ что твоя Египетская грамота! — Одишь толкуешь о стихахъ, другой о музыкѣ, третій о живописи, четвертый о какихъ-то *методахъ* въ хозяйствѣ, а о пуншѣ, о псовой охотѣ, о бѣгунахъ, о плясунахъ и плясуньяхъ, о картахъ — ни полъ-слова! Тѣбу ты пропасть! Чтобъ не заснуть, сядешь за карточный столикъ, такъ изволь играть *въ коммерческую*, по четверти въ бостончикъ, или по десяти рубликовъ робберъ въ вистъ. Съ горя спрашиваю пуншу, а мнѣ подносятъ подслащенной теплой водицы съ ромомъ... Въ душу нейдетъ! — Изъ нашего уѣзда сдѣлали сущій монастырь. Спрашиваю: что бѣ это значило? Мнѣ говорятъ, что это: *банъ-тонъ* (bon ton!) Чортъ побери этотъ *банъ-тонъ*, отъ котораго человекъ ни сытъ, ни пьянъ!

Мало того, что у насъ стало скучно. *Дурныя времена* надвинули разные бѣды. Пошли вездѣ порядки и исправности, стали взыскивать недоимки, ловить безпаспорт-

ныхъ людей, взыскивать штрафы. Должники также зашевелились, какъ галки и вороны передъ бурей. Три части моего имѣнія должны были я продать, а четвертую часть, заложенную давнымъ давно въ Ломбардъ, оставили мнѣ, будто ради Христа. Засѣлъ я въ моей усадьбѣ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, и плачу съ горя, ожидая всякой день представленія свѣта. — Одинъ изъ старыхъ пріятелей моихъ, который такъ же какъ и я, кой-какъ уцѣлѣлъ на обломкахъ имѣнія, недавно былъ въ Москвѣ, и слышалъ, что наступившія *дурныя времена* предвѣщаютъ или всемірный потопъ, или что нибудь еще хуже. Да и впрямь, чего добраго ждать, когда на людей нашла повсемѣстная хандра, когда вмѣсто того, чтобъ смотрѣть въ карты, смотрять въ книги, пьютъ куриное пойло, вмѣсто пуншу и мадеры, и панини расчесываютъ, разглаживаютъ и размѣриваютъ, какъ голову стариннаго франта. Бывало, покажешься въ городѣ, изъ всѣхъ лавокъ только и слышно: «Иванъ Елисенчъ, что угодно? Иванъ Елисенчъ возьмите, батюшка, до рас-

чета!» — А теперь Иванъ Елисенчъ и просить и кланяется, да никто не даетъ въ долгъ ни копейки, и ни на копейку. Какъ не сказать, тяжело вздохнуть: *дурныя времена!*

А что болѣе бѣснеть, такъ это счастье этихъ чопорныхъ новопоселенцевъ! Село мое *Закатаево* купилъ какой-то Надворный Советникъ, не то Французъ, не то Немецъ, не то Русскій, чортъ знаетъ кто! Я въ лучшие годы не получалъ шести тысячъ дохода, а этотъ проклятый *фармазонъ* получаетъ свыше двѣнадцати тысячъ, да и крестьянамъ при немъ легче, какъ говорить нашъ Капитанъ-Исправникъ. Да за то, что за жизнь этого новаго Закатаевского помѣщика! Ни одной собаки, кромѣ дворняжки да комнатнаго пуделя. Всего шесть лошадей для выѣзда. Дворню, какъ помеломъ, вычистилъ. Въ цѣломъ домѣ два лакея, двѣ дѣвки, повариха, два кучера, истопникъ, садовникъ — и баста! А у меня такъ все было на барскую стать! На трехъ стахъ душъ, сто челоуѣкъ двори, пятьдесятъ лошадей и полтора ста собакъ.... За то мы и пишемся

столбовыми дворянами! — Было золотое времечко! Спустилъ съ легкой руки три наслѣдства, а четвертаго не откуда ждать.... Настали *дурныя времена!*

Завѣжалъ ко мнѣ твой братъ, гусаръ. Обрадовавшись, я отыскалъ четыре бутылки заветнаго портвейна, и, наливъ въ двѣ стопы, самъ поднесъ дорогому гостю. «Не пью, дядюшка!» — Что ты это! въ своемъ ли умѣ! Гусаръ, и не хочетъ осушить со мной, при первомъ свиданіи, дѣдовской крусули! — «Я пью только за столомъ, и то Французское вино!» — Я заплакалъ съ горя! Гусаръ, и не можетъ выпить залпомъ двухъ бутылокъ вина! Я потащилъ его на охоту.... Кой-какъ расшевелился, да все не по нашему. Вечеркомъ, я хотѣлъ потѣшить его пляской и пѣснями. Взглянулъ, бросилъ двадцать пять рублей, да и откланялся! Сказался нездоровымъ и заперся въ своей комнатѣ. Я глядѣ въ замочную щель, а мой гусаръ лежать на софѣ, да смотреть въ книгу! — Послѣ этого прошу не вѣрить, что мы живемъ наканунѣ преставленія свѣта!

Скажи-ка, племянникъ, каково-то у васъ въ Петербургѣ. Правда ли, что и у васъ настали *дурныя времена*, что въ службѣ нельзя нажитья, когда хочешь выйти въ люди; что на мѣста требуютъ народу грамотнаго, и что хоть бы бабушкина ворожба и выдвинула впередъ нашего брата, такъ грамотные заклюютъ, какъ ястребы? — Мнѣ пришла охота поискать мѣстечко какогонибудь смотрителя, надзирателя, эконома или сѣкутора (экзекутора) только чтобъ болѣе не спрашивалось, какъ подписи моего имени. Поищи, любезнѣйшій, да увѣдомь! Въ деревнѣ жить болѣе нельзя. Псовыя охоты вездѣ выводятся, гульбы пѣтъ вовсе, игры и подавно, а грамота давить насъ и толкаетъ со всѣхъ сторонъ. — Боюсь, чтобъ не ряхнуться съ печали и скуки! Умереть не хочется, а жить на новый ладъ тошно. Охти! *дурныя времена!*

И. Закадычнѣй.

— № IV. —

**ПОЛЧАСА ВЪ ПЕРЕДНЕЙ
ПРИСУТСТВЕННЫХЪ МѢСТЪ.**

Двери въ судейскую и въ канцелярію (гдѣ обсуживаются и обдѣльваются дѣла), заперты. Взоръ мой и слухъ не проникаютъ туда; воображеніе мерзнетъ, и умъ теряется въ догадкахъ. Стою передъ дверьми, какъ тѣнь на берегахъ Стикса, и не знаю, въ тартарь ли низойду, или переправлюсь въ поля Елисейскія! Взоръ мой устремленъ на грудь почтеннаго придверника, украшенную меда-

лями. Это живой памятникъ славы Русскаго оружія. Вотъ медаль за взятіе Очакова, и пораженіе Шведовъ на водахъ Финскихъ; вотъ медали въ память избавленія Россіи отъ нашествія всемірнаго завоевателя въ 1812 году, за взятіе Парижа, а вотъ знакъ достопамятной побѣды подъ Кульмомъ! Съдой воинъ стоитъ задумчиво у дверей, и ласково смотритъ на толпу просителей. — Онъ молчитъ, но на добромъ лицѣ его, кажется написано: «Я защищалъ васъ отъ вѣнскихъ враговъ; я бы защитилъ васъ и отъ внутреннихъ, если бы могъ и умѣлъ! — Но ябеда увертлива: она не боится ни мѣткой пули, ни всесокрушающаго Русскаго штыка. Солдаты знаютъ одно: скорымъ шагомъ впередъ и стой! А ябеда гдѣ ползкомъ, гдѣ прыжкомъ, гдѣ ныркомъ, направо, вальво (болѣе нальво), анъ посмотришь — очутится впереди, разумѣется тамъ, гдѣ стрѣляютъ не свинцомъ, а мягкими ассигнаціями. Нечего сказать болѣе, какъ только: «и избави насъ отъ лукаваго!»

— «Охъ!» раздалось позади меня. «Ахъ!»

повторилось въ другой сторонѣ. «Ахти мнѣ!» прожужжалъ тонкій голосъ, и концертъ кончился грубымъ: «уфъ!» — Я оглянулся. Нѣсколько женщинъ въ форменной одеждѣ попрошайекъ (чернобурыхъ сапогахъ, бѣлыхъ чепцахъ, прикрытыхъ чернобурымъ платкомъ), сидѣли рядомъ на скамьѣ. Нѣсколько мужчинъ стояли возлѣ оконъ, въ лютневыхъ шубахъ и бекешахъ, и разговаривали между собою въ полголоса, а одинъ толстякъ въ вытертой (извнѣ и внутри) рыжей медвѣжьей шубѣ на распашку, рассказывалъ по передней. Снова раздалось: охъ, ахъ, ахти! — и толстякъ снова провозгласилъ басомъ: уфъ! — Въ это время придверный стражъ въ безмолвіи протянулъ правую руку, выставивъ указательный и большой пальцы, сжатые въ когтяхъ, и толстякъ, также не говоря ни слова, вынулъ изъ кармана табакерку, потеръ тусклый верхъ ея жирно-лакированнымъ рукавомъ фрака, отперъ, взялъ въ три пальца зеленого табаку, и потянулъ носомъ такъ сильно, что заглушилъ стройное восклицаніе, ахъ, охъ и ахти, которое сно-

ва раздалось въ это время. Поморщась и смея остатки табаку съ лица своей щетиистой шубы, толстякъ протянулъ руку съ табакеркой придвернику, который понюхалъ, и вмѣсто спасибо, чихнулъ. Толстякъ въ отвѣтъ кивнулъ головой. — Эта безмолвная живописная сцена удостовѣрила меня въ давнемъ знакомствѣ придверника съ толстякомъ. Но какъ грудь почтеннаго придверника украшена была медалями, а на груди толстяка не было ничего, кромѣ просыпаннаго табаку, то я заключилъ, что знакомство ихъ началось не на полѣ славы, а въ преддверіи крама правосудія.

Толстякъ замѣтилъ, съ какимъ вниманіемъ я смотрѣлъ на него. Онъ снова вынулъ табакерку, повторилъ прежнюю операцію съ двумя своими вмѣстителями табаку, то есть съ табакеркой и съ своимъ носомъ, и поподчивалъ меня съ приговоркой: «не уютно ли-съ? Рулевой, Головинской!» — Я поблагодарилъ и отказался, но уже дѣло между нами завязалось. «*Вѣрно* имѣете дѣльцо?» спросилъ онъ. — «Да.» — «*Вѣрно* не-

давно, потому что я въ первый разъ имѣю честь васъ здѣсь видѣть?» — «Да.» — «*Вѣрно* изволите имѣть ходатая или повѣреннаго?» — «Нѣтъ.» — «*Вѣрно* сами изволите заниматься хожденіемъ по дѣлу?» — Я вышелъ изъ терпѣнія. «По несчастному случаю» сказалъ я: «мнѣ навязали тяжбу; но я не знаю что такое хожденіе и ходатайство за нею. Я представилъ свои бумаги, и теперь имѣя нужду выѣхать изъ города, пришелъ справиться, когда прійдетъ очередь къ докладу и когда будетъ конецъ.» — «Очередь! конецъ!» примолвилъ толстякъ, лукаво улыбувшись. «*Вѣрно* вы никогда не изволили имѣть дѣлъ!» — «Не имѣлъ.» — Толстякъ снова улыбулся. «*Вѣрно* вы изволите знать Русскую поговорку: «чудеса въ рѣшетъ: дыръ много, а вылѣзть нѣкуда?» — «Что же изъ этого?» — «А вотъ то-съ, что какъ завелась тяжба, такъ въ ней тоже дыръ много, а вылѣзть нѣкуда. Такъ, чтобъ вылѣзть, изволите видѣть, надобно ходатайство, сирѣчь хожденіе по дѣлу. У ходатая должны быть глазъ зорко и ухо остро, чтобъ онъ видѣлъ въ

потьмахъ, какъ котъ, которую дыру надобно заткнуть, а которую прорвать, и слышалъ бы сквозь каменную стѣну, что говорятъ въ судейской и въ канцеляріи.» — «Великіе таланты — но я не имѣю ихъ.» — «*Впрямь* не изволили упражняться! А безъ этого нельзя; спросите у кого угодно. При семь случаевъ честь имѣю рекомендоваться. Я отставной 14 класса Антошъ Прохоровъ Кривушкинъ. Я имѣлъ честь служить въ штатѣ здѣшней Полиціи, былъ Квартальнымъ Надзирателемъ два года и три мѣсяца, и, по случаю отставки Частнаго Пристава, управлялъ два дня съ половиною, цѣлою частью, въ чемъ имѣю свидѣтельство. Принужденъ будучи, по *недо-разуміи* мнѣ, выйти въ отставку изъ штата Полиціи, я служилъ Учителемъ Россійской грамоты въ Приходскомъ Училищѣ, и получилъ при отставкѣ аттестатъ. Наконецъ, по совѣту тестя моего, покойнаго повѣтчика въ Уѣздномъ Судѣ, я занялся ходатайствомъ, и уже осмнадцать лѣтъ имѣю хожденіе по разнымъ дѣламъ, съ честью и со славою. Вы можете узнать обо мнѣ гдѣ угодно.

Справьтесь въ части, гдѣ я *имѣю жительство*, для удостовѣренія, что я ни въ чемъ противузаконномъ не замѣченъ, а въ Судахъ меня знаютъ всѣ, отъ придверника даже до Секретаря...» Кривушкинъ хотѣлъ продолжать, какъ вдругъ дверь отворилась. Вышелъ человекъ съ бумагами, поклонился мнѣ и прошелъ мимо.

Я никакъ не могъ вспомнить, гдѣ я видѣлъ человека, который мнѣ поклонился. Лице его было мнѣ знакомо. Пока я терялся въ догадкахъ, а Кривушкинъ рассказывалъ мнѣ о своей честности, непрерывно ссылаясь на аттестатъ изъ Приходскаго Училища, и повторяя просьбу справиться въ части, гдѣ онъ имѣетъ жительство, прежній человекъ возвратился съ бумагами, и снова мнѣ поклонился. Фракъ на немъ и вся одежда были чрезвычайно ветхи; я ожидалъ, что она распадется на немъ, при первомъ усиленномъ поклонѣ. О чистотѣ и говорить нѣчего! Вся одежда и онъ самъ—составляли одно пятно. Мнѣ хотѣлось знать, гдѣ я видѣлъ этого замарашку. Я остановилъ его. «Позвольте спро-

сить, гдѣ мы видѣлись съ вами?» — Зама-
ранка улыбнулся и отвѣчалъ: «У Финногея
Егоровича!» Сказавъ сіе, онъ скрылся. —
Тутъ я вспомнилъ! У меня былъ двоюро-
дный братецъ, (вѣчная ему память), Фи-
ногей, который, получивъ въ молодыхъ лѣ-
тахъ порядочное состояніе, послѣ смерти
родителей, промоталъ его въ самое корот-
кое время, потомъ пустился въ игру, и въ
прошломъ году окончилъ земное свое по-
прище, отъ апоплексическаго удара, въ слѣд-
ствіе двухъ ударовъ бутылкою въ голову,
полученныхъ въ сраженіи за карточнымъ
столомъ. Пріѣхавъ въ городъ изъ дальней
деревни, я не зналъ всѣхъ подробностей о
поведеніи моего брата, и, однажды согла-
сился на его приглашеніе: покушать ухи на
топѣ. На мѣстѣ свиданія мы застали съ дю-
жину пріятелей брата, Финногея, въ числѣ
коихъ былъ и этотъ замаранка. Но какая
разница въ тогдашнемъ и теперешнемъ его
положеніи! Тогда онъ былъ одѣтъ щеголемъ,
по послѣдней модѣ. Я вспомнилъ синій его
плащъ, подбитый краснымъ бархатомъ, вспо-

мнилъ, брилліантовую застешку, кольца, цѣ-
почки, золотую табакерку съ финифтью и
удивительною живописью, вспомнилъ его
дрожки и пару лошадей, вспомнилъ, что
онъ по пяти сотъ ставилъ на карту и гнулъ
паролъ—на свою бѣду, ибо проигралъ нѣ-
сколько тысячъ. — «Вамъ безъ сомнѣнія зна-
комъ этотъ грязный господинъ?» спросилъ
я у Кривушкина. «Конечно-съ. Это повыт-
чикъ, великой дѣлецъ, пользующійся боль-
шою довѣренностью Секретаря... Но ка-
жется, что вы также изволите быть съ нимъ
знакомы. — «Я только однажды его видѣлъ,
но тогда онъ былъ богатъ. По страсти его
къ игрѣ заключаютъ, что онъ разорился. Онъ
тогда былъ щеголемъ, а теперь похожъ на
животное, презрѣнное Иудеями и Магомета-
нами!» Кривушкинъ снова улыбнулся и ска-
залъ въ полголоса: «Онъ и теперь щеголяетъ
въ присутственнаго мѣста, и не только не
разорился, но, вѣроятно, умножилъ свой
капиталецъ съ тѣхъ поръ, какъ вы изволи-
ли его видѣть. Онъ человекъ дѣловой и смы-
шленный. Но, изволите видѣть, во всякомъ

дѣла есть свои уловки.» — « Не понимаю! Мнѣ кажется, что въ присутственномъ мѣстѣ должно быть одѣтымъ столь же чисто, какъ въ гостяхъ. Сюда приходятъ чужіе люди, здѣсь начальники. . . . » Кривушкинъ снова лукаво улыбнулся. « Изволите видѣть! Начальники прибѣгаютъ сюда во фракахъ, и переодеваются въ мундиры, вотъ въ этой боковой комнатѣ, гдѣ находится шкафъ для храненія мундировъ и шпагъ. Смѣтливые же чиновники низшаго разряда, напротивъ того, переодеваются здѣсь въ лахмотья, прибѣгая въ щегольскихъ нарядахъ, и уборная ихъ въ избушкѣ сторожа. Это дѣлаютъ не всѣ, но только тѣ, которымъ это нужно, по ихъ занятіямъ здѣсь и внѣ присутственнаго мѣста. — « На чтожь эти превращенія? » спросилъ я. — « А вотъ на что! Сюда приходятъ съ челобитьемъ и бѣдный, и богатый отъ барина до крестьянина. Большіе господа и люди богатые ходятъ рѣдко, ибо имѣютъ своихъ повѣренныхъ, а если имъ что нужно, то могутъ переговорить съ начальниками. Напротивъ того, бѣдные и крестьяне относятъ

ся къ мелкимъ чиновникамъ, почитая каждаго писца важною фигурою, и относятся именно къ тѣмъ, которые одѣты попроще. Бѣдный проситель не смѣлъ бы предложить щеголю синицу или полтинникъ, а кто смѣлъ, тотъ знаетъ, что курица по зернушку клюетъ, да сыта бываетъ. Въ цѣлый годъ едва найдутся два три случая, чтобъ бѣлуга попала въ тенета мелкаго дѣльца, а спичка и полтиннички такъ и валяются, иногда по нѣскольку десятковъ въ день! Вотъ, сударь, истолкованіе превращенія щеголя — повытчанка въ замарашку! » — Я только покачалъ головою и удивлялся смѣтливости приказныхъ. « Послушайте, Антропъ Прохоровичъ! Я готовъ поручить вамъ мое дѣло, ибо вижу, что я здѣсь долго ничего не пойму, а мнѣ надобно выѣхать изъ города. » Кривушкинъ низко поклонился и примолвилъ: « извольте справиться обо мнѣ въ той части, гдѣ я имѣю жительство. . . . » — « Хорошо, я вѣрю вамъ безъ справокъ, ибо вижу, какого бойца мнѣ надобно на этомъ турнирѣ. Но прежде всего пособите мнѣ со-

здать, у крѣпостныхъ дѣлъ, закладную. Она уже написана, и я только поѣду домой, чтобъ найти свидѣтелей.» — «Зачѣмъ вамъ ѣздить?» — сказалъ Кривушкинъ. «Здѣсь есть готовые свидѣтели!» — «Что это значить?» — «А вотъ то-съ, что въ сѣняхъ и на лѣстницѣ присутственныхъ мѣстъ вы найдете всегда съ полдюжины отставныхъ Титулярныхъ Совѣтниковъ, которые, за умеренное вознагражденіе, за рубликъ, другой, подпишутся, не читая, на чемъ угодно. Вы изволили замѣтить этихъ небритыхъ господъ въ фризовыхъ шинеляхъ? Это свидѣтели! Для важныхъ дѣлъ есть у насъ нѣсколько чиновныхъ, но они являются только въ извѣстные часы, и становятся именно вотъ подъ этимъ окномъ. — Если угодно, подождемъ съ полчаса, только это будетъ стоить по пяти рублей на голову.» — «Дѣлайте, что хотите,» сказалъ я: «съ сего часа вы мой повѣренный. Возьмемъ рублевыхъ свидѣтелей: вѣдь это все равно! Да составьте довѣренность.» — «У меня есть готовая въ карманѣ, въ видѣ письма. Стоитъ только

подписаться, а я приѣду къ вамъ съ книгой на домъ. Пожалуйста мнѣ вашъ адресъ и закладную, и извольте идти домой. Сего дня въ шесть часовъ вечера все будетъ готово.» Я отдалъ Кривушкину закладную, и тутъ же, на окнѣ, подписалъ довѣренность. Кривушкинъ имѣлъ при себѣ перья и чернилицу, а засыпалъ своимъ зеленымъ табакомъ, вынюхавъ его послѣ до послѣдней порохинки. — Я былъ радъ, что свалилъ съ плечъ эту тяжесть и пустился бѣжать по лѣстницѣ. Но просительницы (въ чернобурыхъ сапогахъ) уже ожидали меня внизу, и повторивъ жалостно: охъ, ахъ, и ахти, просили подаянія. Каждая изъ нихъ хотѣла разсказывать мнѣ исторію своей тяжбы, и я радъ былъ, что отдѣлался нѣсколькими восьмигривенниками. — Лишь только я освободился отъ бабъ, нѣсколько человекъ съ всклокоченными волосами, съ небритыми бородами и въ фризовыхъ шинеляхъ задержали меня, и показывая какія-то засаленныя бумаги, которыя они называли аттестатами, требовали помощи, именуясь отставными чино-

винками. Опять нѣсколько восьмипригнени-
ковъ вылетѣло у меня изъ кармана! Наконецъ,
бросаясь опротивѣть въ двери, анъ кто-то
держитъ меня за бекешъ. Оглядываюсь: это
Кривушкинъ. «Вы вѣрно изволили позабыть
пожаловать мнѣ на издержки?» сказалъ онъ.
— «Вотъ вамъ на первой случай,» сказала
я, подавая ему сторублевую ассигнацію. Кри-
вушкинъ стоялъ весьма близко отъ меня:
онъ такъ былъ восхищенъ видомъ ассигна-
ціи, что со всего размаху поклонился въ
поясъ, ударилъ меня головой въ спину и
вытолкнулъ за двери такъ сильно, что я
чуть не упалъ. — Не оглядываясь, пустился
я бѣжать, бросился въ первыя извозничьи
сани, велѣлъ погонять, и поспѣшалъ домой.
Вошедъ въ свою комнату, я бросился на
софу, и невольно повторилъ восклицаніе Кри-
вушкина: уфъ! — Можетъ быть, придется
и заохать, но все таки, безъ самой край-
ней нужды, не пойду болѣе въ переднюю
присутственныхъ мѣстъ, не взирая на то,
что я обязанъ ей занимательнымъ знаком-
ствомъ съ Кривушкинымъ, и научился тамъ

вещамъ, о которыхъ прежде не имѣлъ ника-
кого понятія... хотя, по своей привычкѣ,
всего не высказалъ предъ моими читателями.

— № XVI. —

ДРЕВНЯЯ и НОВАЯ РУССКАЯ ЛЮБОВЬ.

Коли любишь, такъ скажи,
А не любишь — откажи! —

Народная пѣснь.

— «Что вы болѣе всего любите?» —

«Рябчики въ соусъ.» —

Изъ дружескихъ разговоровъ.

— «Какъ, сударь, вы осмѣливаетесь утверждать, что наши длиннокафтанные и брадатые прадедушки и наши теремныя прабабушки не знали любви! Это ужасно и притомъ невѣжливо. — Неужели мы потомки Китайскихъ истукановъ! И дикіе знаютъ любовь, и Алеуты женятся... А мы, Русскіе! Нѣтъ, сударь, это непростительно...»

— «Не гнѣвайтесь, сударыня, и выслушайте меня терпѣливо. Въ Природѣ все любовь. Электричество, магнетизмъ, гальанизмъ, притяженіе, сила притягательная, законы тяжести, жизнь, все это не что иное, какъ феномены любви, разлитой во вселенной. Любовь согрѣвала сердца нашихъ предковъ, какъ согрѣваетъ наши; но эта любовь проявлялась встарину не въ томъ видѣ, какъ теперь. Время и успѣхи образованности измѣняютъ значеніе словъ, порождаютъ новыя идеи, и составляютъ новыя понятія о предметахъ. То, что встарину у насъ называлось удалствомъ, нынѣ называется разбойничествомъ; то, что прежде было вѣжливостью, теперь показалось бы грубостью, и что въ прежнее время почиталось мудростью, теперь было бы невѣжествомъ. Мы загнали забавы нашихъ предковъ въ дѣвчьи и въ кучерскія, а обычаи ихъ спрятали въ мѣщанскіе дома заштатныхъ городовъ. А потому мнѣ досадно, когда наши сочинители Историческихъ Романовъ заставляютъ предковъ нашихъ любиться по

рецептамъ Мадамъ Котень, и рыцарствовать по правиламъ Вальтеръ-Скотта, и когда эти Авторы забываютъ, что встарину у насъ не было ни Романсовъ, ни мадамовъ-воспитательницъ, ни полуфранцузскихъ воспитанницъ, ни рыцарей, ни модныхъ магазиновъ....» — «Потише, сударь, потише! Вы никакъ не можете обойтись безъ факости, безъ сатиры. Къ чему вамъ примѣшивать здѣсь модные магазины?....» — Къ дѣлу, сударыня. Модные магазины, извольте видѣть, распространяютъ и утверждаютъ владычество моды. — Мода, между прочими причудами, заставила насъ ввѣрять дѣтей нашихъ попеченіямъ чужеземныхъ воспитателей, которые замѣсили наши чувствованія на иностранныхъ дрожжахъ, и изъ твердаго Русскаго сердца сдѣлали тѣсто, появляющееся въ свѣтъ въ видѣ Французскаго паштета, начиненнаго фразами, или Англійскаго пудинга, приправленнаго страпностями. — Наши свѣтскіе нравы и обычаи теперешніе очень мало отличаются отъ обшихъ Европейскихъ. Въ домашнемъ быту

нашемъ еще слышится душокъ старины, даже въ высшемъ сословіи, но только въ отношеніяхъ нашихъ къ подчиненнымъ, а во всемъ прочемъ оттѣнки едва замѣтны для опытнаго глаза.

Наша нынѣшняя любовь, какъ и въ прочихъ образованнѣйшихъ странахъ, появляется въ свѣтъ не съ лукомъ и колчаномъ, не съ завязанными глазами, но съ зрительною трубой или съ лорнетомъ, съ адресъ-календаремъ, съ вѣсами и съ аршинномъ. Одинъ остроумный Французскій Критикъ весьма справедливо сказалъ: «Dans ce siècle, la passion la moins vive, peut être, est l'amour *», (т. е. въ нынѣшнемъ вѣкѣ любовь есть, кажется, слабѣйшая изъ страстей). — Это настоящая характеристика нашего времени. Но Франція и всѣ западныя страны имѣли эпоху, въ которую любовь была сильнѣйшею изъ страстей, поживавшею всѣ другія страсти. Эпоха рыцарства въ средніе вѣки была торжествомъ любви

* См. Журналъ La Mode, 1830, 4 livraison.

надъ всѣми ощущеніями и помыслами тогдашняго образованнаго сословія. Мы, Русскіе, не имѣли этой эпохи. Въ то время мы не были въ столкновеніи съ Европой, и ничего отъ нея не заимствовали. Проникая въ духъ нашей Исторіи, мы замѣчаемъ четыре главныя эпохи въ преобразованіи нашихъ правовъ. Первая эпоха Нормандская, предхристіанская; вторая Византійская-Христіанская, третья Монгольская, четвертая общія Европейская, или нынѣшняя. Нормандское рыцарство не отличалось большою пѣжностью. Нормандскіе герои странствовали по свѣту не для пріисканія красавицъ, но для пріобрѣтенія золота и власти.

Наша древняя Исторія не упоминаетъ вовсе о самоотверженіи нашихъ витязей для угожденія прекрасному полу. Красавицъ считали въ числѣ добычи, и дѣлились ими, какъ драгоценными мѣхами. Византійскіе нравы въ отношеніи къ любви мало отличались отъ нынѣшнихъ Турецкихъ правовъ, не взирая на ханжество и діалектическую утончен-

ность Византійцевъ. Нравы Монгольскіе тѣ же Турецкіе, только нѣсколько суровѣе. — Вліяніе чужеземныхъ правовъ на Русскіе нравы весьма замѣтно въ нашей Исторіи, въ языкѣ нашемъ и въ нашихъ обычаяхъ. — Терема Русскіе, по образцу Греческихъ генищевъ и Турецкихъ гаремовъ, существовали у насъ гораздо прежде нашествія Монголовъ, которые только привѣсили лишній замокъ къ темницамъ нашихъ красавицъ.»

— «Стыдитесь, сударь, сравнивать нашихъ предковъ съ Турками и Татарами! Русскіе никогда не имѣли гаремовъ. Благочестивые наши предки гнушались развратомъ!»

— «Я говорю не о населеніи гаремовъ, но о затворничествѣ женскаго пола, которое есть слѣдствіе попятія предковъ нашихъ о любви. Любовь платоническая, рыцарская или, какъ говорится, романтическая, обоготворяющая красавицу, не смѣетъ наложить замковъ и запоровъ на двери. За замкомъ сохраняютъ только вещь, собственность. — Наши

предки любилъ женъ какъ собственность. *»
— » Но затворничество женъ не доказываетъ, что предки наши не влюблялись, не любили такъ же нѣжно и пламенно какъ рыцари; быть можетъ, что избытокъ любви ввелъ даже затворничество. »

— » Въ этомъ я съ вами не согласенъ. —

При затворничествѣ женскаго пола, при удаленіи его отъ общества мужчинъ, не могло быть той нѣжности, того любовнаго болтовства, которыми наши сочинители Историческихъ Романовъ иснещраютъ свои страницы, вопреки истинѣ. — Женщина, въ старинной Руси, видѣла въ отцѣ, въ братѣ, въ мужѣ своего господина, которыхъ она должна была любить, и которымъ обязана была угождать. — Жениться и выходили замужъ чрезъ посредство свахъ и сватовъ, почти всегда по семейнымъ отношеніямъ двухъ родовъ, и видѣлись только на обрученъ. Случалось, что парень, заглядѣвшись на кра-

* Рогнеда отвѣчала Посламъ Владимира: «Не хочу разуть рабынища, но за Ярополка хочу.» — И такъ Княжна вѣвѣта должна была разувать своего мужа!

савицу въ церкви, подсылалъ свахъ; случалось, что и прекрасной затворницѣ пригласится добрый молодецъ, но и тогда любовь проявлялась въ сердцахъ безъ романтическихъ судорогъ, и не вводила любящихся въ Донъ-Кихотскія похождения, которыми наши Авторы обременяютъ память нашихъ покойныхъ предковъ. Большая же часть браковъ совершалась безъ предварительныхъ объясненій, по волѣ родителей и по слову свѣ: *сживется, слюбится*.

«Само по себѣ разумѣется, что я говорю о высшемъ сословіи древней Руси, о Князьяхъ, Боярахъ и Витязяхъ, которыхъ наши Романисты выводятъ на сцену. — Въ простомъ народѣ было иначе; какъ было и есть вездѣ. Человѣкъ, который едва былъ въ состояніи выстроить хижину, не могъ имѣть ни гаремовъ, ни теремовъ. Любовь летала свободно по полямъ и селамъ, но не въ нарядѣ Гесперовской Идилліи, а въ природной наготѣ, *à la naturel*. Характеристика простонародной Русской любви мастерски изображена въ единственной народной Опе-

рѣ нашей: *Мельникъ*. Тамъ сказано: «У насъ по свойски! Какъ любушкѣ своей тумбаса два три въ спину въпнишь, а она стерпнѣтъ — такъ и наша!» *

— *Fi done!* Это пахнетъ варварствомъ...

— «Что же дѣлать, сударыня! Не думайте однако жъ, чтобъ Французскіе, Англійскіе или Нѣмецкіе мужики были пѣжиѣ нашихъ. Не всѣ Французскія фразы такъ пѣжны, какъ тѣ, которыя произносятся въ нашихъ гостиницѣхъ. Англійскій обычай, утвержденный закономъ, продавать жену, вывести ее на веревкѣ на рынокъ, какъ козу, едва ли не болѣе пахнетъ варварствомъ, а объ Нѣмцахъ и говорить нечего. Чернь вездѣ пѣжна только въ романахъ и въ идилліяхъ.

«И такъ извольте видѣть, сударыня, я все таки стою на своемъ, что наши Романисты искажаютъ Исторію, грѣшатъ противу истины и тѣмъ самымъ распространяютъ ложь на понятія о старинной Рос-

* Здѣсь кстати вспомнить народную пословицу: «любить какъ душу, а трясеть какъ грушу.»

сін, изображая нашихъ Боларъ и Князей селадонами, а мужичковъ Флоріановскими пастушками, и заставляя ихъ бѣсноваться изъ любви, которую они понимали по-своему, совсемъ не такъ, какъ герои романовъ Г-жи Скюдери и Валтеръ-Скотта. Историческіе Романы Валтеръ-Скотта распространили свѣдѣнія объ Исторіи, и заставили полюбить ее, а большая часть нашихъ Историческихкихъ Романовъ есть не что иное какъ *сказки*, которыхъ все достоинство состоитъ въ разсказѣ. У насъ въ короткое время существованія Историческаго Романа дошло уже до того, что мы не хотимъ даже почитать недостатками погрѣшностей противу Исторіи и современныхъ правовъ. Отъ того большая часть нашихъ Историческихкихъ Романовъ имѣютъ то самое достоинство, что Французскіе Романы XVIII вѣка, въ которыхъ Историческаго было только названіе дѣйствующихъ. Мы отстаемъ отъ современныхъ Романистовъ цѣлымъ вѣкомъ!....»

— «Но какъ же вы хотите писать

Романы *безъ любви!* Какъ составить безъ нее завязку?...

— «Я не говорю, что должно писать *безъ любви*, но утверждаю, что надобно изображать ее такую, какова она была, а не такую, какъ намъ хочется. А какимъ образомъ должно облечь нашу старинную прозаическую любовь въ формы поэзии — это дѣло таланта, который не требуетъ уроковъ.»

— «И такъ пусть наши Авторы пишутъ современные Романы. Уже вы вѣрно не станете спорить, что въ наше время не знаютъ любви по крайней мѣрѣ такъ же, какъ во Франціи и Англіи... Ваши насмѣшки не убѣдятъ меня въ противномъ.....»

— «Я вовсе не намѣренъ спорить и насмѣхаться..... Но вотъ вашъ управитель!»

Управитель. Я былъ, сударыня, въ селѣ Загорномъ, и исправилъ дѣло. Богатаго старосту Сидора уговорилъ отдать дочку за бѣднаго Мишку Скотникова, и богатаго Петра Лапотникова заставилъ женить

сына на сестрѣ Мишкиной. Вотъ теперь Мишка поправится, а намъ прибудетъ два тягла»....

— «Да любить ли молодые друг друга!»

— «И, сударыня, что за любовь! Кому разбирать, кто кого любить, и кто не любить! — Важное-то, какъ поправить семью... пожить такъ слободясь. А вотъ сударыня, письмо съ почты!

— «А, это отъ моей кузины изъ Москвы, отъ вашей пріятельницы, господинъ гонитель любви! Въ наказаніе, прочтите мнѣ это письмо: она такъ ужасно пишетъ, что я съ трудомъ разбираю.»

Письмо. Ma chère! Нашъ племянникъ, Князь Зозо, чуть не надѣлалъ глупостей. Вздумалъ развѣжиться, и чуть чуть не женился на бѣдной дворяночкѣ безъ роду и племенн. Правда, что красавица и умница, да за то и стоило намъ труда потушить эту глупую любовь въ сердечкѣ Князя Зозо. Бились съ нимъ *цѣлую недѣлю*. Наконецъ онъ образумился, и женился на

дочери бывшего нашего откупщика Стойкина. Онъ хотя и не изъ столбовыхъ, но богатъ какъ Жидъ. Невѣста, правда, немножко кривобока, немножко косоглаза и порядочно глупенька, но два милліона прикроютъ всѣ недостатки. Мужъ мой говорить, что когда жена богата, то чѣмъ глупѣй, тѣмъ лучше, а нашему племяннику для поддержанія рода только и недоставало денегъ. Отцовскіе долги ужасно велики. Свадьба будетъ чрезъ двѣ недѣли, а послѣ Князь поѣдетъ въ Петербургъ, искать мѣста, и вѣрно сдѣлаетъ хорошую каррьеру. Мы также уѣдемъ въ деревню, тотчасъ послѣ свадьбы Князя. Entre nous soit dit, моей Анеѣ приглянулся офицеръ, славный малый, весь въ крестахъ и Адъютантъ — но бѣденъ. Мы не сказываемся дома, но онъ вездѣ насъ преслѣдуетъ. Тетушка пишетъ, что въ наше сосѣдство пріѣхалъ весьма случайный человѣкъ, хотя ужъ не молодецъ, — но хорошій женихъ. Дай Богъ счастья моей Анеѣ.... Adieu, ma chère и проч.

— «Поздравляю васъ, сударыня, съ пріятными семейными новостями!»

— «Куда же вы такъ рано!»

— «По вашему совету, писать Романъ современной любви!»

— № VI. —

ПИСЬМО КОПИСТА

**МИРОНА БУЛЬБУЛЬКИНА КЪ ИЗДАТЕ-
ЛЯМЪ СЪВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ.**

О премудрости и суетѣ міра сего.

Кто все плачетъ, все вздыхаетъ,
Вѣчно смотритъ Сентябрѣмъ,
Тотъ науки жить не знаетъ,
И не видитъ свѣта днемъ.

И. И. Дмитриевъ.

«Блаженъ ниже и скоты мигуесть,» ска-
зано въ Писаніи. На семь основаній смѣю

ласкать себя надеждою, что вы, Мм. Гг., не откажете мнѣ въ моей просьбѣ о напечатаніи сего письма въ вашей газетѣ*. Занимаясь сорокъ лѣтъ сряду переписываніемъ бумагъ различнаго содержанія, приказныхъ по службѣ, а частныхъ по охотѣ, за условленную цѣну, я наконецъ дошелъ до того, что смѣю могу сказать предъ вами и предъ цѣлымъ міромъ: все на свѣтѣ суета! — Когда я поступилъ на службу въ канцелярію, тогда былъ обычай пудриться и носить французскіе кафтаны яркихъ цвѣтовъ. Нарядъ этотъ, который показался бы теперь смѣшнымъ, придавалъ какую-то важность каждому, кто могъ принарядиться богато. Бѣлая голова, окриленная оттопыренными пухлями, надъ ушами, казалась летучею или высокопарною, подобно гению. Газетовый камзолъ, закрывая неблагородную часть зданія, кухню тѣла человѣческаго, т. е. брюхо, ослѣпляя зрѣніе блескомъ,

* На семь основаній мы также не гнѣваемся на глупыя критики, и не отвечаемъ на браши; печатаемъ мы противу насъ. *Изд. Северн. Пч.*

удалять мысли о бренности нашей породы. Казалось, что ни пышная слива, ни бд-ный огурецъ не смѣютъ упорствовать подѣ золотымъ глазомъ и противиться ищеваренію. Какая бы рука дерзнула прикоснуться къ спитѣ, облеченной дорогою шелковою тканью, или къ волосамъ, убраннымъ съ такимъ трудомъ и тщаніемъ? Большія металлическія пуговицы на кафтанѣ, граневныя или украшенныя стразами и бисеромъ, сіяли какъ звѣзды, и возбуждали во мнѣ чувство униженія, какъ предѣ фирмаментомъ! Ноги, облеченныя въ шелкъ съ верху до низу, казалось, не созданы были для унизительной роли топтать грязь или шаркать въ переднихъ, но подобно колоннамъ должны были только поддерживать великолѣпный фронтонъ. Такъ я думалъ тогда, сидя на скамьѣ въ канцеляріи, въ моей триповой курткѣ и пансвомъ исподнемъ платьѣ, поглаживая непудреную голову, украшенную длинными висками, и поправляя толстую косу, которая чрезвычайно безпокоила меня, ложась безпрестанно поперегъ между триповымъ твердымъ

коротикомъ и шеей, обвернутой кускомъ черной тафты! Поглядывая въ окно канцеляріи на улицу, по которой медленно разѣзжались, цугомъ въ шесть лошадей, огромныя раззолоченныя кареты, бросая взгляды на кины бумагъ, лежавшихъ на полкахъ и покрытыхъ пылью на три пальца, и взирая на униженность просителей, я воображалъ себѣ, что все премудрое, т. е. все для меня непостижимое, родится въ окриленныхъ и напудренныхъ головахъ, и что всѣ добродѣтели хранятся въ сердцахъ, прикрытыхъ глазомъ и шелкомъ! Частенько заглядывалъ я, сквозь замочную скважину, въ судебскую, чтобъ увидѣть, какъ работаютъ эти блистательные господа, но никогда не замѣтилъ, чтобъ они писали. Секретари, точно такъ какъ и нынѣ, скрипѣли перьями за особымъ столомъ, а блистательные господа понюхивали табакъ изъ золотыхъ табакерокъ, украшенныхъ живописью, растопыря пальцы, чтобъ каждый могъ видѣть огромныя перстни, словно хомуты. Когда Секретарь читалъ, тогда блистательные гос-

пода разговаривали вслухъ между собою и не обращали вниманія на чтеца. Я думалъ, что блистательные господа для того не пицутъ сами, чтобъ не измять дорогихъ кружевныхъ манжетовъ на рукавахъ, и не закапать свѣтлаго платья чернилами, и не слушаютъ чтеца потому, что все знаютъ, что было, есть и будетъ. — Долго, долго оставался я при семъ мнѣнїи!

Наконецъ, когда я, какъ говорится, укрѣпился въ перѣ, т. е. сталъ переписывать четко, красно и ровно, нѣкоторые изъ блистательныхъ господъ начали призывать меня въ домъ для переписки различныхъ бумагъ. Съ какимъ восторгомъ, съ какимъ подобострастіемъ принялъ я первую бумагу изъ рукъ блистательнаго господина, воображая себѣ, что тутъ заключается вся премудрость человѣческая! Но.... съ сей минуты я вступилъ на поприще, по которому дошелъ до той степени, что рѣшился сказать вамъ, господа Издатели: все въ мірѣ суета!

Отецъ мой былъ учителемъ Русской

грамоты въ малолѣтнемъ отдѣленіи одного изъ казенныхъ учебныхъ заведеній, пользовался библіотекой сего заведенія, и, любя чтеніе, возбуждалъ и во мнѣ охоту къ оному. Оставшись сиротою послѣ преждевременной кончины моихъ родителей, я былъ опредѣленъ копистомъ въ канцелярію, по ходатайству пріятеля отца моего, учителя чистописанія, и по его же милости продолжалъ пользоваться книгами той же библіотеки. Я находилъ неизъяснимое наслажденіе въ чтеніи твореній Ломоносова, Хераскова, Державина, Хемницера, фонъ Визина, Петрова, Богдановича, Княжнина; съ душевнымъ умиле-ніемъ читалъ проповѣди Платона и Леванды, и слѣдовательно понималъ сихъ сочинителей. Вообразите же себѣ мое удивленіе и мое горе, когда въ бумагъ, данной мнѣ для переписки блистательнымъ господиномъ, я не могъ найти ни какого смысла, и не нашелъ ни одной буквы (изъ трудныхъ въ правописаніи) на своемъ мѣстѣ! Суетность есть особая черта рода человѣческаго, почитаемые Издатели, и одинъ изъ васъ однажды

доказывалъ, что каждый человекъ почитаетъ себя умнымъ, и скорѣе согласится сознаться въ порокахъ, чѣмъ въ глупости. И я почиталъ себя не глупымъ между моими товарищами; но когда не могъ доискаться смысла въ бумагахъ блистательнаго господина, то усомнился въ этомъ, горько заплакалъ и списалъ, наскоро, копію для себя, пошелъ съ ней къ благодѣтелю моему учителю чистописанія, показалъ копію бумаги, и успѣшно просилъ растолковать мнѣ смыслъ оной. Учитель чистописанія прочелъ бумагу, улыбнулся и, возвративъ мнѣ ее, сказалъ со смѣхомъ: «это, братъ, не при мнѣ писано!» — полагая, что и мой благодѣтель не постигаетъ премудрости сей бумаги, я съ отчаяніемъ въ сердцѣ отправился въ мою канцелярію, помышляя о блаженствѣ премудрыхъ господъ, усыпающихъ голову нудрою, и прикрывающихъ наготу свою шелкомъ и газетомъ! Но вскорѣ я удивился гораздо болѣе прежняго, когда Секретарь, отозвавъ меня на стору, вручилъ мнѣ переписанную мною бумагу, (сочиненія блистательнаго человека) и

велѣлъ, переписать на дому отнести къ сему же господину. Переписанная мною бумага была вся исчерчена рукою Секретаря, такъ, что въ ней не осталось на мѣстѣ ни одного словечка. Перечитавъ ее снова, я понялъ совершенно содержаніе бумаги, и нашелъ смыслъ отъ первой до послѣдней строки. Но еще завѣса не спала съ глазъ моихъ, и я думалъ, что блистательные господа имѣютъ свой собственный языкъ, которому обязаны обучаться Секретари, а смыслъ бумагъ передавать намъ, профанамъ, на нашемъ общепонятномъ нарѣчій.

Секретарь часто заставлялъ меня переписывать у себя на дому доклады и копіи проектовъ рѣшеній. Однажды, когда онъ былъ доволенъ мною и веселъ необыкновенно, то потрепалъ меня по плечу и сказалъ: «Ну, Бульбулькинь, чего ты хочешь, скажи; я все для тебя сдѣлаю, разумѣется все, что можно сдѣлать для копіиста!» — «Ваше Высокоблагородіе, не смѣю вымолвить!» — «Говори, не бойся. Вѣдь я самъ началъ съ копіиста, и крещенъ въ чернилахъ. Мы кре-

стные братья.» — «Я бы осмѣлился просить Вашего Высокоблагородія... поучить меня...» Секретарь прервалъ рѣчь мою: «Чему поучить! подводить законы на всякій случай, чтобъ черное было бѣлымъ, а бѣлое чернымъ? Этому, братъ, нельзя скоро научиться! Надобно время, опытность...» — «Не то, Ваше Высокоблагородіе! Мнѣ бы хотѣлось понимать, что пишутъ наши господа!» Тутъ я изложилъ Секретарю мои мнѣнія на счетъ непонятой мною бумаги и проч. Онъ расхохотался и повалился на софу, держась за бока. «Дуракъ ты, братецъ, Бульбулькинь! Дуракъ!» — «Какъ прикажете, Ваше Высокоблагородіе!» — «Ты не нашелъ въ бумагъ смысла, потому, что въ ней смысла не было.» — «Такъ стало быть не я одинъ дуракъ, Ваше Высокоблагородіе?» — «Разумѣется, что семья ваша велика, хотя не всѣ сознаются въ родствѣ,» отвѣчалъ Секретарь. «Слушай ухомъ, что я тебѣ скажу.» — «Слушаю въ оба, Ваше Высокоблагородіе!» — «Что въ рыбѣ дорого, мясо или чешуя?» — «Разумѣется мясо.» — «Ну, такъ

и въ человѣкѣ дорогъ умъ, а не кафтанъ. Ты знаешь пословицу: по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ. Кому дорогъ золотой кафтанъ, а умнымъ людямъ, т. е. мнѣ и нашей братьѣ, дорогъ золотой карманъ. Всякому свое: коню ростъ, а павѣ хвостъ. Не будь золотыхъ кафтановъ, не было бы у насъ и золотыхъ кармановъ. Золотой кафтанъ охотнику, а золотой карманъ работнику. Не та хозяйка въ домѣ, что громко говорить, а та хозяйка, что щи варить. Кому мила честь, тотъ лезетъ въ первый уголъ сѣсть, а голоднаго станови хоть за порогъ, лишь дай ему пирогъ...» Секретарь еще наскзалъ мнѣ нѣсколько поговорокъ своего сочиненія, но я все таки не понималъ настоящаго смысла его рѣчи. Тогда онъ указалъ мнѣ пальцемъ на стѣнные часы и спросилъ: «Что здѣсь мудреѣе, стрѣлки, финифтевая доска съ цифирью, или пружина?» — «Безъ сомнѣнія, пружина, Ваше Высокоблагородіе?» — «Ну, а если не заводитъ пружины?» — «Такъ и часы останавливаются, Ваше Высокоблагородіе!» — Вотъ

въ томъ-то и вся сила, братецъ! Толпа смотреть на часы, удивляется, хвалить, и не помышляетъ ни о мастерѣ, ни о пружинѣ, ни о солнцѣ, которое управляетъ и мастеромъ и часами. Умный человѣкъ, напротивъ, покупая часы, сперва осматриваетъ пружину, хочетъ знать имя мастера, и повѣряетъ, хорошо ли идутъ часы по солнцу. Наблюдай тоже съ людьми, Бульбулькинь! Посматривай на пружину, гляди, кто заводить ее, какъ часто, и повѣрай, ровно ли идутъ часы съ теченіемъ солнца! Теперь ступай домой, раздумай о моихъ словахъ, и примись замѣчать: тогда удостовѣришься, что должно дивиться не часамъ, а часовому мастеру!»

Наблюдая нѣсколько лѣтъ сряду и безпрестанно переписывая бумаги, я совершенно удостовѣрился въ истинѣ словъ Секретаря, что люди заводятся какъ часы, и что весьма немногіе изъ нихъ ходятъ ровно съ солнцемъ. Пукли, коса, пудра, шелковый кафтанъ и глазетовый камзолъ потеряли въ глазахъ моихъ прежнюю волшебную силу,

и съ тѣхъ поръ мнѣ стало теплѣе зимою въ моей триповой курткѣ, а лѣтомъ прохладнѣе. Я началъ смѣлѣе и узористѣе писать заглавныя буквы, не слишкомъ заботился о перенесеніи слоговъ, не слѣпилъ глазъ надъ мелкою скорописью, и не утруждалъ груди на ребрѣ стола, въ той увѣренности, что не каждая пудренная голова въ состояніи замѣтить мою небрежность. Я возгордился, и увѣрилъ себя, что мнѣ не достаетъ только пудры, пуклей, шелкового кафтана и глазетоваго камзола, чтобы быть знатнымъ, и даже великимъ человѣкомъ! По несчастію, я привыкъ искать ошибокъ въ другихъ, а въ слѣдствіе этого не видалъ собственныхъ. Вотъ причина паденія ангеловъ и всѣхъ злыхъ, удручающихъ родъ человѣческій. Каждая занятая не на мѣсть, даже въ бумагахъ Секретаря, моего просвѣтителя, казалась мнѣ уголовнымъ преступленіемъ, и я не могъ воздержаться отъ критики. Я стремился къ явной гибели, ибо не зналъ тогда, что мудрому столь же смѣшно гордиться своимъ умомъ, какъ глуху чваниться своею силою

или знатностью, и что всякая похвальба, всякое желаніе блистать, превозноситься чѣмъ бы то ни было, есть не что иное, какъ суета суетъ!

Однажды, когда я, переписывая бумагу, остановился, чтобы отряхнуть перо, и въ это время сталъ доказывать товарищу моему, что бумага написана варварски, и еслибъ появилась въ печати, то возбудила бы всеобщій смѣхъ, вдругъ кто-то дернулъ меня за ухо. Оглядываюсь, и вижу одного изъ блистательныхъ господъ! Я затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, зная, что эта бумага его сочиненія. Онъ призвалъ Секретаря, вывелъ меня въ переднюю, ударилъ щелчкомъ въ носъ, толкнулъ ногой, и велѣлъ идти вонъ и не являться болѣе въ канцелярію. Въ три скачка я очутился винзу, и остановившись въ сѣняхъ, началъ раздумывать о моемъ приключеніи и настоящемъ положеніи. Толчокъ ногой и щелчокъ въ носъ возбудили во мнѣ прежнее уваженіе къ шелковому кафтану, газетовому камзолу и нудрѣ. Мнѣ

пришла на умъ притча Сумарокова, и я сталъ читать ее вслухъ:

Собака кошку съѣла;

Собаку съѣлъ медвѣдь,

Медвѣдя зѣвомъ левъ принудить умереть,

Сразити льва рука охотника умѣла.

Охотника ужалила змѣя,

Змѣю загрызла кошка, и т. д.

Меня сразилъ щелчокъ въ носъ! Покоримся силѣ, подумалъ я, когда все на свѣтѣ ей покоряется, и поелику шелковый кафтанъ и газетовый камзолъ сообщаютъ человѣку силу сгонять щелчкомъ со двора человека въ триповой курткѣ, пойдемъ туда, гдѣ триповая куртка играетъ роль шелковаго кафтана. Въ это время товарищ мой вынесъ оставленную мною треугольную мою шляпу. Я надѣлъ ее на глаза, вышелъ на улицу, и какъ встарину противу всѣхъ присутственныхъ мѣстъ были питейные дома, то я въ нѣсколько скачковъ очутился въ храмъ Бахуса.

Вероятно ни вы, Гг. Издатели, ни

одинъ изъ вашихъ подписчиковъ, не бывали въ питейномъ домѣ, разумеется, кромѣ подписчиковъ, служившихъ по питейной части. Но питейный домъ, во время официальныхъ визитовъ, не похожъ на себя, о чемъ вы можете справиться у своихъ печатниковъ, тередорщиковъ и разнощиковъ газеты. Тогда въ немъ водворяются благочиніе и важность, достойныя великаго его назначенія! Почти то же бываетъ и въ другихъ мѣстахъ, при посещеніяхъ начальниковъ. За сорокъ лѣтъ предъ симъ, т. е. когда я въ первый разъ переступилъ ногой чрезъ порогъ питейнаго дома, онъ былъ гораздо важнѣе, нежели теперь, ибо тогда не отвлекали отъ него народъ равными ему въ существѣ заведеніями, извѣстными нынѣ подъ названіемъ *Растерцій*, *Расторацій*, *Ростерацій* и т. п. Нынѣ ухарскій извозчикъ и ливрейный лакей уже стыдится просиживать въ питейномъ домѣ, и важно ломается на софѣ или въ креслахъ краснаго дерева, въ сихъ *растерціяхъ*, украшенныхъ люстрами изъ толкачаго рынка, и картинами, работы

доморощенныхъ геніевъ. Не то было прежде. Скромный писецъ, велерѣчивый приказный низшаго разряда, всѣ мелкотравчатые чиновники, отставные за *напраслину*, т. е. за взятки или плутовство, и даже, прошу извинить меня великодушно, и даже . . . нѣкоторые грамотѣи, сирѣчь Сочинители, изъ разряду семинаристовъ и подьячихъ, не стыдились прежде посѣщать питейные дома. Такъ было за сорокъ лѣтъ предъ симъ, Мг. Гг.! И я, грѣшный, рѣшился войти въ питейный домъ, не иначе однако жъ, какъ по совѣту Пить, утверждающихъ въ звучныхъ речахъ, что грусть можно залить виномъ, какъ пожаръ водою. Спасибо имъ за это! Не одного юношу они заставили заглянуть въ бокаль, воспѣвая счастье, хранящееся на днѣ его!

Здѣсь я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе отъ моего предмета, и сказать вамъ, что я слышалъ однажды отъ одного Сочинителя, у котораго я занимался на дому перепискою. «Удивительно,» сказалъ онъ своему товарищу: «до какой степени

мы, Русскіе, скромны *слухомъ и глазами!* У насъ почитается неблагопристойностью то, что на Французскомъ или на Нѣмецкомъ языкѣ можно не только печатать, но говорить предъ благовоспитанной, пятнадцатилѣтней дѣвицей, не навлекая на себя упрека въ забвеніи приличій или въ нескромности. Изъ человѣческаго тѣла намъ позволено только говорить о лицѣ и объ рукахъ. Рѣчь о ногахъ или пожатяхъ уже почитается нескромностью!! Изъ одежды, намъ позволено только упоминать о плащѣ и жилетѣ! Бѣлье почитается въ печатномъ и разговорномъ языкѣ, такъ же какъ и въ тарифѣ, контрабандою!! Не смѣшно ли это? — Недавно разругали безъ милосердія во всѣхъ журналахъ (и даже въ вашей Пчелѣ) одинъ Водевиль, за то, что въ немъ сказано: «гей человѣкъ, убери этотъ кабакъ!!» — Я не знаю этого Водвиля, но знаю, что одно это рѣченіе не есть еще доказательство, что онъ дурень, а господа Критики сослались на одно это выраженіе! Какъ мы должны судить о Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гете, Вал-

теръ-Скоттъ, если надобно оцѣнять достоинство ихъ произведеній по подобнымъ выраженіямъ! Герои Шекспира, Шиллера, Гете, Валтеръ - Скотта и другихъ великихъ Писателей столь же смѣло входятъ въ интимныя дома, какъ въ чертоги, употребляють всѣ слова, находящіяся въ Словарѣ, и занимають умъ, воображеніе и сердце, отъ того именно, что въ похожденияхъ сихъ героевъ мы видимъ настоящую жизнь, а въ рѣчахъ ихъ настоящую природу. У насъ слово *кабакъ* кажется низко, неблагопристойно, грубо, неприлично! Смѣхъ и только! Но можно ли описывать жизнь простаго народа, и исключить изъ ней *кабакъ*? Не все ли это равно, что описывая высшее общество, не упоминать о балахъ, вечерахъ, концертахъ, маскарадахъ! А если стоитъ описывать что либо на свѣтѣ, то лучше всего почерпнуть предметы изъ жизни простаго народа, и вообще людей, которые живутъ не по нотамъ и не по размѣру, подобно такъ называемому образованному классу. Я знаю людей, которые назовутъ

меня невѣждою, если я произнесу при нихъ слово *кабакъ*, и которые не почитаютъ за стыдъ упиться *до нелзя* въ обществѣ, такъ называемыхъ ими, *порядочныхъ* людей! Я знаю женщинъ, которыя потупили бы взо-
ры *ниже земли*, если бъ это было возможно, услышавъ наименованіе какой нибудь одежды, и которыя..... Но что говорить объ этомъ! Однимъ словомъ: всѣ наши сочиненія отъ того сухи, безжизненны, безхарактерны, что мы стараемся поддѣлываться подъ ладъ того круга, котораго характеръ есть *безхарактерность*, жизнь — цѣль приличій, языкъ — звукъ исходящій изъ головы, а не изъ сердца. Посмотрѣлъ бы я, какъ геній Шекспира или Шиллера справился съ героемъ нашего времени! Вотъ вся жизнь его, раздѣленная на главы или акты: Глава I. Воспитанъ Французомъ гувернеромъ, или Французомъ содержателемъ пансіона, и научился танцовать, говорить по-Французски, не зная Россіи и не уважать ни старшихъ, ни родителей, если отъ нихъ нельзя надѣяться повышенія или де-

негъ. Глава II. Записанъ въ службу и служить.... кое какъ! Карты, волокитство, завиральныя идеи, болтовство, скука, пресыщеніе, — одно и то же! Глава III. Путешествіе за границу. Трактиры, кофейныя дома, Пале-Рояль, долги, разстроенное здоровье. Глава IV. Женится на богатой невѣстѣ, воспитанницѣ какого нибудь вельможи, или дочери откупщика, вышедшаго въ чины, или на бѣдной, но знатной, для связей. Глава V. Повышеніе въ чинахъ. Гордость, обѣды, балы, вечера. Глава VI. Отставка, размолвка съ женою. Побѣдка въ вотчинѣ. Глава VII. Опеканіе или коммиссія для удовлетворенія заимодавцевъ, забвеніе, смерть, и

Только что въ газетахъ

Осталось: выѣхалъ въ Ростовъ*!

Прошу покорно тронуть этимъ, увлечь душу, заманить завязкой! Гдѣ же тутъ страсти, гдѣ сердце, гдѣ благородные порывы души, сін матеріалы для генія? Вся наша

* Стихи И. Н. Дмитріева.

жизнь есть ничто иное, какъ сказка *про блага быка!*» — *

Это разсужденіе Сочинителя показалось мнѣ совершенно справедливымъ, и я, возвратясь домой, записалъ оное, а въ слѣдствіе этого памфрентъ описать вамъ происшествіе, случившееся со мною въ питейномъ домѣ, и рѣшившее судьбу мою. — За длиннымъ сосновымъ столомъ, при огромной кружкѣ съ крѣпкимъ медомъ, сидѣли промотавшійся купецъ, банкротъ, мотающій купчикъ, кандидатъ въ банкроты, недоучившійся и выгнанный изъ школы семинаристъ и приказный безъ мѣста. Они разговаривали между собой о политикѣ! Да, Мм. Гг., о политикѣ! Банкротъ говорилъ о комерціи, выгнанный изъ школы семина-

* Безъ сомнѣнія всѣмъ извѣстная народная пѣснь. Одинъ спрашиваетъ: слыхалъ ли ты сказку про блага быка? — Если другой отвѣчаетъ: нѣтъ, то первый возражаетъ: ты говоришь нѣтъ, а говорю нѣтъ, слыхалъ ли ты сказку про блага быка? Положимъ, что другой замолчитъ, другой опять повторять: ты молчишь, я молчу, слыхалъ ли ты сказку про блага быка, и т. д. —

ристъ о просвѣщеніи, приказный о законодательствѣ, а мотающій купчикъ о благочиніи и полиціи вообще. Всѣ жестоко критиковали существующее, и дѣлали планы въ будущемъ. Переписывая, какъ я уже выше сказалъ, по разнымъ дѣламъ, я въ послѣдствіи наслушался, какъ господа разнаго калибра критикуютъ существующее и толкуютъ объ улучшеніяхъ, и удостовѣрился, что почти всѣ люди критикуютъ одинаково, точно такъ же, какъ вышеозначенные мудрецы питейнаго дома, т. е. осуждаютъ и браютъ то, въ чемъ не находятъ выгодъ *для себя*, а желаютъ ввести то, что могло бы *принести выгоды имъ!* Политики раздвинулись и уступили мнѣ почетное мѣсто за столомъ, что весьма меня утѣшило, и я почесалъ носъ, какъ будто для того, чтобъ изгладить навсегда пагубный щелчокъ, лишившій меня мѣста и оскорбившій мое честолюбіе. По угламъ сидѣли крестьяне и разночинцы, шли и толковали про себя, каждой о своемъ. Я хотѣлъ было вмѣшаться въ разговоръ, но меня не слушали, ибо

каждый хотѣлъ говорить, чтобъ сунуть горло и послѣ смачивать его медомъ. Когда они кончили свою кружку, я велѣлъ подать двѣ, и тогда собесѣдники уступили мнѣ право говорить одному. Воспаленный медомъ и гнѣвомъ, я заговорилъ безъ умолку, и не помню о чемъ, но видно что рѣчи мои казались всѣмъ весьма умными, потому что никто не возражалъ, а только попивали мой медъ и смотрѣли мнѣ въ глаза. Уставъ говорить и почувствовавъ тяжесть въ головѣ, я вышелъ за двери и хотѣлъ отправиться домой, но два мужика взяли меня за руки и остановили. «Послушай, баринъ,» сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ: «ты говорилъ что, у тебя нѣтъ мѣста.» «Точно такъ.» — «Вотъ изволишь видѣть, я староста, а вотъ это кумъ мой, сотской. Мы слышали, какъ ты изволилъ толковать о всякой всячинѣ, и хоть не поняли всего, да видно, что ты говоришь умно, потому что твои товарищи молчали да слушали. Коли ты такой же мастеръ на бумагѣ, какъ на словахъ, то не угодно ли къ намъ, въ волостные писари?

Нашъ писарь, вѣчая ему память, запишетъ на праздникахъ! Мы дадимъ тебѣ жалованье, избу, и въ хлѣбъ-соли, слава Господу, у насъ нѣтъ недостатка. По рукамъ что ли?» — Я хлопнулъ рукой въ руку, отправился съ крестьянами на квартиру, взялъ мои пожитки и къ вечеру уже былъ за заставой.

Проспавшись на телѣгѣ, я облокотился на кулъ муки, и при свѣтѣ луны сталъ разсуждать о случившемся со мною. За притязанія мои на премудрость меня лишили мѣста, а когда я вовсе не помышлялъ о премудрости, тогда получилъ мѣсто. Въ это время я почувствовалъ раздраженіе на концѣ носа, и почесалъ его, вспомнивъ о пагубномъ щелчкѣ. Кому судьба судила ходить въ триповой курткѣ, думалъ я, тотъ не долженъ превозноситься умомъ предъ облеченными фортуной въ шелковый кафтанъ и глазетовый камзолъ, чтобъ не получить щелчка, какъ я. Передъ равными нѣтъ пользы слыть умникомъ, ибо равные станутъ тогда только слушать твоей премудрости, когда ты будешь подбивать ихъ медомъ, какъ-то слу-

чилося со мною, И такъ, только между низшими можно блистать и отличаться премудростью, а моя триповая куртка то же между сырými кафтанами, что солнце между звѣздами! Возрадуйся, Миронъ Бульбулькинь! Судьба благосклонна къ тебѣ: она поставляетъ тебя нынѣ на поприще, на коемъ ты будешь подвизаться безъ соперниковъ, безъ равныхъ тебѣ и безъ старшихъ. Не этого ли желалъ Цесарь, говоря, что лучше быть *первымъ* въ деревушкѣ, чѣмъ *вторымъ* въ Римѣ! Вѣроятно Цесарь, согнавъ съ мѣста щелчками своихъ соперниковъ, также боялся получить щелчокъ отъ *перваго*, не желая быть *вторымъ*! Какое счастье для этихъ добрыхъ поселянъ, что они нашли меня въ питейномъ домѣ, и выбрали въ представители своей премудрости! Такъ находятъ алмазы въ тинѣ! Волость эта прославится, какъ Аонины или Пошехонье!.... Въ сихъ мысляхъ я въѣхалъ въ грязную улицу нашего села, гордо слѣзъ съ воза, важною поступью вошелъ въ избу старосты, и когда собравшіеся крестьяне, приветствуя меня

поклонами, разступились, а хозяинъ указать мѣсто въ первомъ углу, я забылъ прежнія мои правила о суетѣ міра сего, и повторялъ про себя извѣстные стихи Державина:

Сосѣдь, на свѣтъ все пустое!

Богатство, слава и чины! —

Волость наша находилась въ спорѣ съ сосѣднею вотчиною о лугахъ, и въ ожиданіи судейскаго рѣшенія, луга сіи, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, оглашались не блянїемъ овечекъ и пѣснями пастушковъ, но яростными воплями крестьянъ и эхомъ отъ ударовъ дубинъ по дюжимъ спинамъ похитителей спорнаго сѣна. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ тяжба о лугахъ, какъ насѣдка, высидѣла около пятисотъ другихъ тяжбъ о побояхъ, угрозахъ, похищеніяхъ, грабежахъ, воровствѣ, укрывательствѣ и т. п. Едва ли было на спорномъ лугу столько стеблей травы, сколько въ дѣлахъ, породившихся отъ этого луга, крючковъ, натяжекъ и вздоровъ, утучнявшихъ Засѣдателей, Секретарей, писцовъ, гораздо лучше, чѣмъ спорная трава утучня-

ла тельцовъ и овновъ спорящихся сторонъ.— Тяжба шла такимъ образомъ, какъ будто бы волость играла въ вистъ или бостонъ съ Земскимъ Судомъ, т. е. они отвѣчали другъ другу на *инвиты*. Лишь только волость отправляла въ городъ нѣсколько возовъ сѣна, нѣсколько кулей муки или овса, тотчасъ приходила изъ города благоприятная бумага, подававшая *надежду* къ выигрышу тяжбы. Въ промежутки времени между обменомъ бумагъ на земныя произведенія, волость не отдыхала, ибо то же повторялось между вотчиною и судомъ, и тогда изъ города приходили въ волость грозныя бумаги, а въ вотчину утѣшительныя. Въ это время наша волость была на очереди къ полученію грозныхъ бумагъ. Староста, рассказавъ мнѣ, въ чемъ состояло дѣло, просилъ меня отвѣчать на бумагу, какъ можно скорѣе, потому что уже возы, назначенные для акомпанимента отвѣту, нагружены, и завтра должны быть отправлены въ уѣздный городъ.

Прочитавъ нѣсколько бумагъ, писанныхъ моимъ предшественникомъ, который,

какъ выше сказано, записался на праздникахъ, я не нашелъ въ нихъ ни толку ни смысла, а потому и подумалъ, что отъ этого дѣла находится въ дурномъ положеніи, и такъ долго лежитъ подъ спудомъ. Я собралъ мірскую сходку, и объявилъ почтеннѣйшимъ жителямъ волости, что надѣюсь поправить дѣло однимъ моимъ перомъ, и совѣтовалъ послать отвѣтъ на легкѣ, безъ возовъ съ мукой и овсомъ. Люди всегда слушаются охотно тѣхъ совѣтовъ, которые достаются имъ даромъ и кромѣ того избавляютъ отъ издержекъ. Мой совѣтъ принять былъ единогласно, и положено отдать мнѣ половину того, что назначено для отправки въ городъ. Съ жаромъ принялся я за работу, и, скажу не хвалясь, написалъ отвѣтъ мастерски, а переписалъ вдвое лучше. Кратко и ясно изложилъ я существо дѣла, справедливыя требованія волости, доказательства нашей правоты, и все это упизалъ законами, какъ бисеромъ; объяснилъ, что ссылки нашихъ противниковъ на законы ложны, а слѣдовательно и вся переписка по сему предмету, продолжающая

ся около пятидесяти лѣтъ, вовсе излишняя, бесполезная и для насъ отяготительная. На другое утро, когда почтѣннѣйшіе мужи волости собрались ко мнѣ, я прочелъ имъ бумагу, какъ говорится въ *Горь отъ ума*: съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Слушатели мои поглаживали бороды, смотрѣли мнѣ въ глаза, молчали, зѣвали, а когда я кончилъ чтеніе, похвалили меня за громкій голосъ, и подписались собственноручно крестиками, вѣря мнѣ на слово, что въ бумагѣ то самое написано, что прочитано. Этому порядку при чтеніи и подписи бумагъ я присмотрѣлся въ канцеляріи, и такъ безъ дальнихъ объясненій запечаталъ отвѣтъ и отдалъ Сотскому, который немедленно отправился съ нимъ въ городъ.

Вы безъ сомнѣнія помните, почтенные Издатели, начало прекрасной повѣсти Карамзина, *Марфа Посадница*: «Раздался звукъ Вечеваго колокола, и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ». — Тѣми же словами я долженъ начать повѣствованіе моего несчастнаго приключенія: раздался звукъ почто-

ваго колокольчика, и вздрогнули сердца въ нашей деревнѣ. Звукъ почтоваго колокольчика на проселочной дорогѣ, ведущей въ казенныя или экономическія вотчины, въ *старицу* былъ предвѣстникомъ грозы, какъ карканье хищныхъ врановъ. — Звукъ этотъ означалъ посѣщеніе почтенныхъ членовъ великаго Суда, которые, въ *старицу*, не ѣзжали по деревнямъ для добрыхъ вѣстей, но для взысканій и экзекуцій. Уже, съ четверть часа гремѣлъ колокольчикъ, но ничего не видно было на дорогѣ. Тщетно мы съ кровель вперяли взоры въ туманную даль, но гроза звенѣла невидимо. Наконецъ изъ загиба рѣки показалась лодка. Два гребца работали веслами; въ срединѣ сидѣлъ засѣдатель съ огромной трубкой, а на руль нашъ сотской, который въ то же время звонилъ въ колокольчикъ, привязанный къ ручкѣ руля. — Въ одно мгновеніе все засуетилось въ деревнѣ: старостиха поставила самоваръ; староста побѣжалъ въ питейной домъ за Кизлярской водкой; десятскіе разбѣжались по деревнѣ искать яницъ и жирныхъ куръ и

Ч. II.

гусей. Сноха и дочери старосты стали чистить избу, покрыли столъ бѣлою узорчатой скатертью, поставили хлѣбъ-соль, усыпали сѣни и крыльцо пескомъ и ельникомъ, и принялись варить и жарить, а лодка между тѣмъ приближалась, колокольчикъ звенѣлъ все громче, громче..... Староста, выборные и десятскіе, собравшись въ кружокъ, въ безмолвіи шевелили плечами, какъ будто морозъ подиралъ ихъ по кожѣ, и съ беспокойствомъ поглядывали на меня. Лодка остановилась, и застѣдатель медленными шагами приближался къ селенію. Староста, выборные и десятскіе встрѣтили его съ поклонами, и безъ шапокъ слѣдовали за нимъ гурьбою. Онъ молчалъ и только бросалъ вокругъ грозные взгляды; наконецъ, остановясь передъ воротами дома старосты, громко воскликнулъ: «А гдѣ здѣсь вашъ *мудрецъ*, господинъ писака! Подавай его сюда!» — Я стоялъ неподвижно въ толпѣ; но она раздалась какъ бездна морская отъ дуповенія вихря, и извергла меня предъ грозное лицо застѣдателя. «Руки назадъ!» закричалъ еще

громче застѣдатель. «Извините, ваше благородіе, я изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, и уволенъ отъ службы съ правомъ 14 класса», сказалъ я: «а указами воспрещено....» — «Хорошо, хорошо!» примолвилъ улыбаясь застѣдатель: «такъ мы спровадимъ тебя отсюда съ распростертыми руками. Заприте его въ мірскую избу, а завтра чтобъ были готовы двѣ тройки.» Крестьяне поклонились и повели меня въ мірскую избу, а застѣдатель пошелъ въ домъ старосты, сказавъ мнѣ въ слѣдъ: «мы тебя проучимъ, мудрая голова! Вишь проявился какой законникъ! Намъ, брать, не надобно здѣсь краснобаевъ и красношницевъ; убирайся откуда пришелъ!» —

Не стану распространяться въ описаніи непріятностей, претерпѣнныхъ мною. Скажу только, что меня отправили изъ уѣзднаго города по пересылкѣ, на мѣсто моего жительства, т. е. въ Петербургъ, съ поученіемъ, не являться болѣе въ уѣздъ, если не желаю побывать въ дальнихъ мѣстахъ. Я не могъ постигнуть, чѣмъ заслужилъ я такую немилость и наказаніе, и прибывъ въ Петер-

бургъ, явился къ покровителю моему, учителю чистописанія, показалъ ему конію отвѣта, посланнаго мною въ судъ, и просилъ истолковать мнѣ, что онъ находитъ тутъ дурнаго. Учитель чистописанія, прочитавъ бумагу, покачалъ головою и сказалъ: «бумага твоя дурна потому, что обвиняетъ не тѣхъ, которые судятся, а тѣхъ которые судятъ. Изъ твоего изложенія дѣла видно, что оно могло кончиться въ 50 дней, между тѣмъ тянется 50 лѣтъ. Нравственные сентенціи, которыми ты напѣниговалъ отвѣтъ, я выпишу для *прилипрова чистописанія*; выписки изъ законовъ ты можешь сберечь на случай, если кому прійдетъ въ голову употребить ихъ въ пользу, а изъ цѣлаго ты долженъ извлечь для себя урокъ, что умъ есть то же, что *заглавная буква*, которую какъ ни напиши, но она будетъ всегда не на мѣстѣ и лишнею, если поставлена не въ собственныхъ именахъ и не въ началѣ періода, послѣ точки. Мы же съ тобою, братецъ, значимъ въ свѣтъ то же самое что *пръ* въ грамотѣ, слѣдовательно никогда не можемъ и не должны высовы-

ваться впередъ, изъ опасенія, чтобъ насъ не выскоблили или не перечеркнули. Кому не суждено быть ни *собственнымъ именемъ* ни *первыми словами въ періодѣ*, чтобъ красоваться *заглавною буквою* и смѣло ее выказывать, тотъ сиди смирно, какъ *пръ*, въ концѣ азбуки, и плетись за другими буквами, утѣшаясь тѣмъ, что *пръ* есть также буква, какъ и всякая другая, что *прова* много, и что они означаютъ твердость въ произношеніи и стоять рядомъ съ другими буквами на общемъ мѣстѣ. Грамота, братецъ, тяжелая ноша, которая раздавитъ тебя, если въ тебѣ нѣтъ особенной силы, чтобъ съ этой ношей пробраться къ цѣли, сквозь завистливую и себялюбивую толпу. Послѣдуй моему примѣру. Я учу писать вздоры, а ты возмись переписывать ихъ, ибо гораздо легче и безопаснѣе жить чужою глупостью, нежели своимъ умомъ. Поселись пока у меня; я тебѣ доставлю работу!»

Я послушался совѣта моего благодѣтеля, и вотъ уже около сорока лѣтъ занимаюсь перепискою. Сколько видѣлъ я чу-

дестъ въ это время! Сперва я сердился, когда взяточники писали о безкорыстїи, пьяницы о трезвости, себялюбцы о любви къ отечеству, безграмотные о грамматикѣ, сказочники объ исторїи, сребролюбцы и честолюбцы о любви къ человѣчеству, люди, неумѣющіе распорядится своимъ жалованьемъ или доходомъ и начальствовать надъ сторожами или лакеями, о финансахъ и администраціи и проч. и проч. Наконецъ опытною я сдѣлался терпѣливъ, *какъ бумага*, и теперь смѣюсь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прежде гнѣвался! — Ничего нѣтъ забавнѣе, какъ видѣть людей, которые ссорятся, бранятся между собою, терзаютъ другъ друга, чтобъ убѣдить другихъ, что они умнѣе прочихъ, когда этимъ - то именно и доказываютъ, что они безумны! Если смѣшно видѣть кичливаго глупца, который, вѣсившись трудами умныхъ людей, почитаетъ себя великимъ челоѣкомъ, то еще смѣшнѣе смотрѣть на умныхъ людей, жертвующихъ умомъ, спокойствіемъ, независимостью, и работающихъ для кичливаго глупца ради мелочей, надъ

которыми они сами издѣваются! — Надобно видѣть Автора, когда онъ переписываетъ на блѣдъ свою рукопись, и послѣ, когда книга вышла въ свѣтъ, чтобъ удостовѣриться, что нѣтъ несчастїе творенїя, какъ Авторъ! Слава, почести, богатство выглядываютъ изъ каждой буквы рукописнаго сочиненїя, и раздавленные типографскимъ станкомъ, пробуждаютъ Автора свистомъ, шумомъ, бранью и — дымомъ! — Бѣдные люди, изъ чего они бьются! А просители! Посмотрите на нихъ, когда они пишутъ свои просьбы, аппеляціи, записки по дѣлу. Тутъ все прибрано: правосудіе, законы, совѣсть, челоѣколюбїе, и всѣмъ этимъ, какъ дробью, заряжены просьбы для смягченїя сердецъ и убѣжденїя умовъ судейскихъ. Просьба подана, выстрѣлили! Дичи много у всѣхъ, и у судей и у тяжущихся, но тяжущіеся лягутъ спать на тощакъ! — Каждый, принимаясь за перо, берется писать *во имя ума и справедливости*, а гдѣ же умъ и справедливость? Тамъ, гдѣ объ нихъ не говорятъ. Кто, живя въ трактирѣ твердить безпрестанно, что у него много де-

летъ, тотъ вѣрно голъ какъ соколъ, и хочетъ обмануть хозяина! Мудрость и справедливость молчать и дѣйствуютъ, а невѣжество и плутовство вопять ихъ именемъ! Тѣмъ я заключаю письмо мое о мудрости и суетѣ міра сего, и принимаюсь снова за переписку чужихъ глупостей и суетности, желая вамъ, господа Издатели, добраго здоровья, а вашимъ читателямъ такого же терпѣнья, какимъ снабженъ я, что необходимо для вашего блага и ихъ удовольствія.

Вашъ покорный слуга

Миронъ Бульбулыгинъ.

— № VII. —

САЛОПНИЦА.

Vrais ou faux, j'aime ce passage de marbre à l'humus, de l'humus au règne végétal, et du règne végétal au règne animal, à la chair. D'Alembert.

Кто бѣденъ и кто богатъ? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ понятій каждаго и его образа жизни. Крестьянинъ богатъ, когда имѣть въ кубышкѣ тысячу рублей, а баринъ, имѣющій двадцать пять тысячъ рублей дохода, бѣденъ, когда войдетъ въ кругъ богачей, проживающихъ по нѣскольку сотъ тысячъ рублей въ годъ, и если захочетъ тянуться за ними. — На этомъ

основаніи моральность повторить вамъ обвѣщенное правило: «что богатство и бѣдность суть вещи условныя, и зависятъ единственно отъ размѣренія желаній со средствами къ ихъ удовлетворенію, и отъ подчиненія прихотей разсудку.» — Все это правда, но все это теорія, а не практика. По моему мнѣнію, бѣденъ не тотъ, кто не имѣетъ ни гроша доходу, но тотъ, кто, имѣя способности и трудолюбіе, не имѣетъ работы, или не находитъ достойнаго возмездія за свои труды. Богатъ не тотъ, кто имѣетъ капиталы, корабли, земли и замки, ибо фортуна такъ хитра на выдумки, что умѣетъ въ одно мгновеніе ока превратить миллионы въ нули, отдавъ другому цифру, стоящую предъ пулями. По моему мнѣнію, на Земномъ Шарѣ богатъ только — нищій. Да, нищій! Вы думаете, что я хочу объясняться фигурами, метафорами? Нѣтъ. Я говорю вамъ о нищемъ въ настоящемъ значеніи сего слова, т. е. о человѣкѣ, который проситъ милостыни на паперти церкви, на улицахъ, у торговыхъ бабъ, или у дверей дома.

Я не хвастаю глубокими познаніями въ любомудріи, и откровенно признаюсь, что обозрѣвъ всѣ философскія секты и мнѣнія, нахожу, что истинная премудрость заключается въ одномъ Евангеліи. Въ немъ только истинная пища души, а все прочее роскошь ума и воображенія. Прошу замѣтить присемь, что я не врагъ роскоши ни въ какомъ отношеніи, и не гонитель Философін, (сохрани меня отъ этого Богъ)! Напротивъ того, я увѣренъ и убѣжденъ, что истинное просвѣщеніе ведетъ къ истинной, чистой Вѣрѣ, а полупросвѣщеніе и невѣжество ведутъ къ заблужденіямъ, ко тмѣ, и предають человека въ руки шарлотановъ, которые дѣлають изъ него, по своей волѣ, или змѣю, или тигра, или дойную корову. Но обратимся къ моему предмету, къ нищему, т. е. къ первому богачу на землѣ. Первая потребность человека изложена весьма ясно въ ежедневной молитвѣ: «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.» Это значить, что главное въ жизни есть дневное пропитаніе. Прошу покорнѣе сказать мнѣ, какой доходъ можно назвать

вѣрными? Вещественный капиталъ, т. е. имѣніе и деньги, и капиталъ невещественный, т. е. умъ и трудъ, требуя непрерывныхъ попеченій и заботъ для извлеченія изъ нихъ *доходовъ*, весьма часто обманываютъ наши надежды. Прочтенъ только доходъ *нищаго*, ибо онъ основанъ на величайшей изъ нравственныхъ истинъ, изложенной вкратцѣ въ Евангеліи: *«полюбите и отверзется вамъ»*.^{*} — Изъ десяти дверей, въ которыя стучится нищій, вѣрно пять отворятся ему, во имя страждущаго челоѣчества, и изъ десяти сердецъ, къ которымъ онъ промолвить о своей нуждѣ, и будетъ просить помощи, ради Христа, вѣрно пять сердецъ отверзнутся чувствомъ состраданія. Разумѣется, что за отворенными дверьми и разверзытымъ сердцемъ приходитъ очередь на развертіе кармановъ и коншельковъ въ пользу нищаго. Притомъ нищій спокоенъ, ибо, не имѣя ничего, не стра-

^{*} Для людей, мало знакомыхъ съ Славянскимъ библейскимъ языкомъ, мы должны пояснить сіи слова. Они означаютъ: постучитесь и вамъ отворятъ. «*Frappez et on vous ouvrira.*»

шится потерь, а доходъ его хотя и не определенъ, но *вѣренъ* во сто кратъ вѣрнѣе кораблей, возвращающихся изъ Индіи и Америки съ колоніальными товарами!

Разбирая это, я долго почиталъ нищаго не только богатѣйшимъ, но даже счастливейшимъ челоѣкомъ въ мірѣ, потому именно, что онъ не страшится потерь, и не имѣетъ несбыточныхъ желаній, ограничиваясь дневнымъ пропитаніемъ. Но опытъ удостоѣрилъ меня, что какъ между нищими, такъ и между миллионщиками счастливъ только тотъ, кто безъ упрека совѣсти можетъ оглянуться на прошедшее. Послушайте, и вы убѣдитесь во всемъ, что я сказалъ выше.

Безумцы и изверги проповѣдывали равенство между людьми, не подумавъ, что и между нищими нѣтъ и не можетъ быть равенства! Между нищими есть своя аристократія, свое среднее состояніе и своя чернь. Аристократію нищихъ составляютъ тѣ двусмысленныя особы, въ «ризovýchъ шинеляхъ, засаженныхъ фуражкахъ или изодранныхъ шляпахъ, которыя, подвязавъ лохмотьями не

бритое лицо, останавливаютъ прохожихъ на улицахъ, и тихимъ голосомъ умоляютъ о помощи: яко бы разстроенному болѣзною или напастю бѣдному чиновнику, или купцу. Нѣкоторые изъ сихъ промышленниковъ смѣло звонятъ въ колокольчикъ, входятъ въ переднюю, просятъ доложить о себѣ, и добравшись до хозяина просятъ помощи, представляя на видъ засаленные документы. Другіе не являются сами на лице, но посылаютъ съ письмами и документами мальчиковъ, которыхъ называютъ своими неизрѣнными дѣтками. Женскій полъ сей аристократіи разгуливаетъ обыкновенно въ старыхъ, нѣкогда чернаго цвѣта, а отъ времени превратившагося въ бурый цвѣтъ, салонахъ, въ черныхъ чепцахъ или бѣлыхъ съ черными лентами, во всей вдовьей формѣ. Однѣ изъ нихъ также останавливаютъ на улицахъ прохожихъ, и тихо-пискливымъ голосомъ просятъ подаванія для разореннаго и всегда *многочисленнаго* семейства. Другія также ходятъ по домамъ съ свидѣтельствами и документами, кои составляютъ отставными писцами

и подьячими. Третьи продаютъ кошечки, манишки и коробочки, купленные ими въ Гостиномъ дворѣ, выдавая ихъ за свою работу, и просятъ купить, для прокормленія больной дочери и малолѣтнихъ внучатъ. Эти попрошайки вазываются *салопницами*. Онѣ получили прозваніе свое отъ одежды, такъ какъ въ первыя наши войны съ Французами, кирасеры ихъ были прозваны *латниками*, отъ вооруженія. — Между салопницами есть и молодыя дѣвушки, которыхъ старыя практикантки дрессируютъ съ дѣтства къ ремеслу, какъ пуделей, и обучаютъ испрашивать подаванія именемъ небывалой больной матери или престарѣлаго отца. — Къ среднему сословію нищихъ принадлежатъ настоящіе колъки, старики, пьяницы и празднолюбы среднихъ лѣтъ, изъ простаго званія, притворяющіеся хворыми и колъками, и собирающіе подаваніе яко бы *на погорѣлыхъ*; также бабы, проведенія цвѣтуція лѣта въ забвеніи всѣхъ обязанностей, средній возрастъ въ кухаркахъ и придверницахъ у безсемейныхъ щеголихъ, а въ слѣдствіе этого принужденныя прово-

дять старость на улицахъ и въ питейныхъ домахъ. Нищенскую чернь составляютъ оборванные мальчишки и дѣвчонки, которые терзають прогуливающихся по тротуарамъ своимъ визгомъ, дергаютъ ихъ за полы, бѣгутъ съ версту съ пискомъ за молчаливымъ прохожимъ, крадутъ платки изъ кармановъ и покупки изъ саней, и дерутся между собою за орѣхи и пряники. Нищія обоого пола и всякаго возраста, храбро и бодро дѣйствующіе на улицахъ въ виду знатнѣйшихъ чиновниковъ, прячутся въ ворота или бѣгутъ въ сторону, завидѣвъ издали шляпу полицейскаго чиновника или фуражку городского, подобно стаѣ хищныхъ воробьевъ разлетающихся изъ гороха при появленіи охотника съ ружьемъ, чуя порохъ. Видя, съ какою быстротою разбѣгаются нищія, когда блюститель благочинія покажется на улицахъ, я не разъ думалъ: вотъ Русская пословица въ превратномъ смыслѣ: здѣсь не на ловца звѣрь бѣжитъ, а отъ ловца! — Разборъ жизни и наблюденіе уловокъ нищихъ всѣхъ разрядовъ представили бы, хотя не привлекатель-

ное, но поучительное для челоѣчества зрѣлище. Это родъ операціи въ больномъ членѣ гражданственнаго тѣла. Оставляю, на сей разъ, въ покоѣ всѣхъ другихъ сочленовъ нищенства, и, по законамъ вѣжливости, отдаю предпочтеніе дамамъ. *Place aux dames, messieurs!*

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, прогуливаясь подъ арками Гостинаго двора, встрѣтилъ я друга моего, и замѣтилъ на лицѣ его какое-то безпокойство. «Что съ тобой случилось?» спросилъ я. — «Ахъ, любезнѣйшій! я разстроено и растроганъ! Вообрази себѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, возлѣ воротъ, женщина уже пожилая, въ черномъ изношенномъ салонѣ, останавливаетъ меня и проситъ, ради Христа, купить у нее кошелекъ работы ея дочери, лежащей теперь на смертномъ одрѣ безъ нищи и лекарства. Кошелекъ стоилъ гривенъ восемь, но я далъ ей пять рублей, для помощи страждущей. Женщина схвативъ пять рублей, задрожала, устремляла глаза къ небу, и подбѣжавъ къ образу, бросилась на колѣни и зарыдала.

Сердце мое обилилось кровью — я прибавилъ къ пяти рублямъ еще двадцать пять, и бѣгу отъ этой сцены, которая навела на меня грусть и тоску.» — «Постой, любезный другъ,» возразилъ я: «ты удовлетворишь потребности твоего добраго сердца, но надобно исполнить долгъ челоуѣчества. Пойдемъ въ домъ, гдѣ живетъ эта женщина; посмотримъ что ей нужно, и положимъ ей ежемѣсячный пенсіонъ изъ трудовой нашей копейки.» — Другъ мой пожалъ мнѣ руку, и мы догнали старуху, которая рысцой бѣжала по улицѣ, припрыгивала и частенько поглядывала на ассигнаціи. «Послушай, матушка!» сказала я: «мы хотимъ помочь тебѣ.» — «Ахъ благодѣтели, отцы родные! вѣчно буду Бога молить!» — «Много ли у тебя дѣтей?» — «Одна взрослая дочь и трое малолѣтнихъ, отцы родные! Мы съ дочерью добывали кое-какъ скудный кусокъ хлѣба рабетаю, да вишь дочь та захворала, а я одна не смогу, такъ вотъ и пришлось умирать съ голоду!» — «Утѣшься, матушка! Богъ милостивъ, и въ Россіи съ голоду не умираютъ. Мы пойдемъ

съ тобой, увидимъ твое житіе бытіе, а потомъ дадимъ тебѣ содержаніе, а дѣтокъ приэримъ» Высказавъ сіе, я отступилъ нѣсколько шаговъ, чтобы избѣгнуть живаго изъясненія благодарности, какъ я предполагалъ, судя по происшедшему съ моимъ другомъ. Но старуха изумилась, остановилась, смѣшалась и стала заикаться. «Ахъ батюшки! куда вамъ, такимъ господамъ, итти со мной! я живу далеко! Да притомъ же мнѣ должно сходить теперь за дѣломъ въ Колонну . . .» Я тотчасъ понялъ промышленицу! «Дѣло ты исправишь послѣ, а теперь пойдемъ къ тебѣ. Мы помоложе тебя и не боимся дальняго пути.» Старуха ничего не отвѣчала, шла впереди и безпрестанно поглядывала съ безпокойствомъ на всѣ стороны. Наконецъ поровнявшись съ однимъ домомъ въ Гороховой улицѣ, она попросила насъ подождать, и вошла въ ворота. Прошло четверть часа — нѣтъ старухи! Я вошелъ во дворъ и увидѣлъ что онъ сквозной! Старуха отретировалась! — Посмѣявшись нашей простотѣ мы разстались съ другомъ, и я, нища аппетита въ

движеніи, пошелъ куда глаза глядятъ, и очутился въ Ямской.

Очнувшись, такъ сказать, отъ размышленій, я увидѣлъ нѣсколько старухъ въ черныхъ изношенныхъ салонахъ разговаривающихъ громко передъ дверьми питейнаго дома. Всматриваюсь, и узнаю между ними ту самую, которая растрогала моего друга, выманила у него тридцать рублей и бѣжала отъ насъ. Она стояла ко мнѣ бокомъ. Я тихонько пробрался въ ворота сосѣдняго дома и сталъ прислушиваться къ ихъ разговору.

«Ну ужъ набѣгалась я сего дня за моими пенсіонами,» сказала одна. «Плательщицъ моихъ, какъ будто чортъ порастаскалъ по всѣмъ частямъ города!» — «Ужъ и мнѣ эти пенсіоны надоѣдаютъ,» возразила наша старуха. «Таскайся да кланяйся лакеямъ, пока доложить барынь! А что, не слыхали ли, есть ли больные изъ богатыхъ Русскихъ купцевъ?» — «Завтра трое похоронъ, а про большихъ не слышно.» — «А какія похороны?» — «Однѣ господскія, однѣ чиновничьи, однѣ купече-

скія». — «Моя очередь на купеческія», сказала наша старуха. «Нѣтъ голубушка, ты ступай на чиновничьи!» — «Спасибо, мать моя! А можетъ быть, и чиновникъ-то изъ Нѣмце въ? — Я не йду на господскія.» — «Нельзя тебѣ, голубушка» примолвила одна пискуня: «вѣдь на очереди Маланьинъ десятокъ, да къ тому жъ ты размѣняла сего дня бѣленькую, а мы прожились.» — «Да теперь скоро проживешься! — Съ Невскаго проспекта гонять, похоронъ мало, посты далеко, а съ тѣхъ поръ, какъ эта дурища Аксинья дала пойма себя въ кражъ, въ магазен не пускаютъ, такъ промыселъ идетъ плохо.» — «Я примкну къ Маланьину десятку, и не хочу слушать!» — «Заупрямись, такъ стоимъ со стоянки. Вѣдь ты ужъ третье утро очередная на Гостиномъ дворѣ, такъ вѣрно понабила карманъ порядочно, а еще другимъ завидуешь. Экая непамятная, прости Господи!» — «Вы всему завидуете, а не я!» отвѣчала наша старуха. «Вѣдь ты знаешь, что я потеряла мои аттестаты, такъ теперь мнѣ нельзя ходить по трактирамъ къ пріѣзжимъ,

а вѣдь тутъ лучшая и вѣрная добыча». — «Потеряла аттестаты—ну что за бѣда! купи, у меня есть лишній. Я продамъ за пять рублей.» — «А печати есть? — «Три.» — «Дамъ два съ полтиной.» — «Мнѣ самой стоитъ четыре рубля.» — «Ну, давай, вотъ тебѣ пять рублей.» — «Со мной итъ, а отдамъ дома....» Въ это время подошла къ толпѣ новая салонница напѣвая: Какъ у нашихъ у воротъ. «Что вы тутъ толкуете пустое!» сказала она: «а я съ славныхъ похоронъ! Чудесный покойникъ, давай Богъ больше такихъ! Накормили, напоили и обдарили. Пойдемъ-ка я васъ поподчую!» — Всѣ бабы затянули: Какъ у нашихъ у воротъ, и скрылись въ дверяхъ питейнаго дома. — Я посмѣялся и пошелъ домой, въ первый разъ сожалѣя о деньгахъ, которые выманили у меня салонницы на улицахъ и по домамъ.

Прошелъ мѣсяцъ. Въ одно утро я провожалъ домой въ передней почтеннаго старика, который пришелъ навѣстить меня. Вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ. Лакей отперъ двери

— и явилась наша старуха, просить подаянiя, для умирающей дочери! Она не узнала меня, но я припомнилъ ей наше знакомство. Она хотѣла бѣжать, но взглянувъ на моего гостя, перемѣнилась въ лицѣ и остановилась, какъ вкопаная. «А, ты еще здравствуешь, Акулина Власьевна!» сказалъ мой гость, и обращаясь ко мнѣ, примолвилъ: «за тридцать пять лѣтъ предъ симъ, эта женищина ѣздила въ каретѣ, одѣвалась какъ куколка, имѣла брилліанты и шали, въ театрѣ являлась не иначе какъ въ бенефисы, въ ложѣ 1-го яруса, и жила въ богатоубранныхъ комнатахъ. Своими прихотями она разорила богатаго купца, который застрѣлился отъ отчаянiя, и разстроила семейство моего двоюроднаго брата. Но вотъ слѣдствіе порока и разврата! Этотъ бурый салонъ, ливрея нищеты, есть изображеніе жизни и характера несчастной. Такъ увала ея красота, въ такой цѣнь ея душа, не знавшая чистыхъ радостей. Жена бѣднаго поденщика, окруженная дѣтками и внуками, возбуждаетъ уваженіе къ себѣ, и есть тоже, въ сравненіи съ

щеголихами, которыя роскошью думаютъ прикрыть развратъ, что опрятная душегрейка въ сравненіи съ этимъ грязнымъ самопомъ»..... Старуха поблѣднѣла, губы ея тряслись; казалось, будто воспоминаніе прошедшаго возбудило въ ней ужасъ. Она забилась, хотѣла что-то сказать, и въ разсѣяніи произнесла обыкновенную свою формулу: «батюшки помогите!».... Сцена эта произвела во мнѣ непріятное впечатлѣніе, и я увлекъ гостя обратно въ комнаты, а старуха опрометью бросилась изъ передней на лѣстницу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія, я опять встрѣтилъ, и уже въ послѣдній разъ, знакомую салопницу, въ честной компаніи, провожаемой четырьмя полицейскими служителями. Конецъ достойный начала! —

Пріятель мой, старичокъ, разсказалъ мнѣ исторію этой салопницы, и съ тѣхъ поръ каждый бурый салонъ кажется мнѣ избитымъ переплетомъ романа, занимательнаго и поучительнаго, но въ подробностяхъ

противнаго литературнымъ и свѣтскимъ приличіямъ, а потому и остающагося въ рукописи.

— N° VIII. —

ФИЛОСОФСКАЯ МЕДИЦИНА.

(*Письмо къ сочинителю статьи: Слово Медика къ больнымъ и здоровымъ, напечатанной въ Сѣв. Пчелѣ, Г. Владиміру Луганскому, отставному флота Лейтенанту и Доктору Медицины*).

Pars sanitatis, velle sanari, fuit.

Seneca.

Признаюсь откровенно, съ неудовольствіемъ прочелъ я вашу статью, въ которой вы совѣтуете Медикамъ какъ можно менѣе прописывать лекарствъ, большимъ остерегаться рецептовъ, предоставляя излеченіе матери природѣ, а здоровымъ предписываете болѣе воздержности, нежели довѣренности къ Медицинѣ. Все это одна теорія! Врачъ также не можетъ отказать въ рецептъ страждущему, хотя бы и чувствовалъ, что Медицина не поможетъ ему, какъ страждущій

не можетъ отказаться отъ пособія Врача, будучи убѣжденъ въ его способности излечить его; а здоровому столь же не возможно избѣжать разстройства здоровья, среди всеобщаго искушенія. Человѣкъ, Милостивый Государь, не корабль, которымъ можно управлять рулемъ и парусами. Правда, человѣкъ есть также машина, но эта машина управляется *волею*, которая подчиняется только *разсудку* и *воображенію*. Но какъ разсудокъ человѣческій есть самое упрямое существо изъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ существъ, потому что каждый человѣкъ думаетъ, что онъ умнѣ всѣхъ, то гораздо лучше имѣть дѣло съ воображеніемъ, которое легче подчиняется вѣшнимъ впечатлѣніямъ, и притомъ, какъ кокетка, управлять самовольно разсудкомъ и волею. Вамъ, какъ Медіку, должно быть извѣстно, что во Франціи дѣлали опыты надъ осужденными на смерть преступниками, и лишали жизни однимъ дѣйствіемъ разгоряченнаго воображенія. И такъ, если воображеніе имѣетъ силу лишать жизни, то почему же оно не можетъ

изцѣлять отъ недуга? — Если человѣкъ *воображаетъ*, что онъ боленъ, то хотя бы онъ былъ крѣпокъ, какъ стопушечный корабль, на стапеляхъ, онъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, и его должно лечить, хотя бы ключевою водичей, точно съ такою же предосторожностью, какъ человѣка, одержимаго нервическою горячкою, при помощи цѣлой Аптеки. — Объявить человѣку, призвавшему врача, что онъ здоровъ и не имѣетъ нужды въ лекарствѣ, есть тоже, что назвать его дуракомъ и попросить, притомъ, вытолкать себя за двери и послать за другимъ Медикомъ! Нѣтъ, Милостивый Государь, вы напрасно называете шарлатанствомъ докторское *savoir faire* и *savoir vivre*! Это важнѣйшая часть Медицины и преподается публично, во всѣхъ Университетахъ, въ отдѣленіи Терапіи, что вамъ, учившемуся Медицинѣ, должно быть извѣстно. На *savoir faire* и *savoir vivre* Медика основано не только здравіе, но даже и благоденствіе рода человѣческаго; ибо иногда стаканъ лимонаду или хлѣбныя, позолоченныя пилюли, данныя

кстати, производить болѣе пользы, нежели самая знаменитая операція или чудесное изцѣленіе, для каждаго, кто только знаетъ устройство человѣческаго тѣла и свойство аптекарскихъ матеріаловъ, ибо человѣкъ есть машина, въ физическомъ смыслѣ, или, лучше сказать, ящикъ на пружинахъ, который только надобно въ пору вычищать, когда засорится, да подмазывать и укрѣплять пружины, когда ослабѣютъ. Но въ этомъ ящикѣ находится закупоренная стекляночка со спиртомъ, который безпрестанно бурлитъ, кипитъ и угрожаетъ разорвать стеклянку и сжечь ящикъ. Съ той-то стекляночкой надобно весьма осторожно обходиться — и называется она: *душа*, хозяйка воли, разума, страстей — и здорѣвья!

Практикуя болѣе тридцати лѣтъ въ большихъ городахъ, я составилъ собственную теорію медицины, и примѣняя теорію мою къ практикѣ, пріобрѣлъ полную довѣренность моихъ пациентовъ, которыхъ имѣю множество, по милости Божіей. Всѣ они довольны мною, хотя я прописываю имъ

лекарство при первой их жалобѣ на нездоровье, и увѣренъ, что самые покойники отдадутъ мнѣ справедливость, на Иосафатовой долинь, и скажутъ, что я лечилъ ихъ пріятно и даже пособилъ имъ отправиться *ad patres* въ полномъ удовольствіи, при надеждѣ на долготѣіе до послѣдняго издыханія. — Со временемъ, для пользы рода человѣческаго, я выдамъ въ свѣтъ мою теорію Медицины; но теперь намѣренъ объявить вамъ нѣкоторыя мои правила и способы леченія разныхъ болѣзней, на которыя другіе Врачи не обратили, но нынѣ, вниманія. Благоволите послушать терпѣливо.

Во-первыхъ, я весь родъ человѣскій почитаю больнымъ и смотрю на свѣтъ, какъ на обширный госпиталь безъ крыши. Если не вѣрите мнѣ, извольте прочесть Всемирную Исторію и загляните въ новѣйшія газеты. Во-вторыхъ, я полагаю обязанностью Врача не только не избѣгать случаевъ прописать рецептъ, напротивъ того, искать ихъ случаевъ, и каждаго, кто только попадется ему въ руки, сажать на діету и подчивать лекарствомъ, хотя

бы насильно. Лечение физическихъ болѣзней — есть *черная работа*, о которой я не намѣренъ вовсе распространяться. Я занимаюсь психологическими или нравственными болѣзнями, и по этой-то части я сдѣлалъ, важныя открытія и усовершенія. По моему мнѣнію всѣ люди больны: 1) отъ ума; 2) отъ чувства; 3) отъ глупости. Я лечу по болѣйшей части по Броуновой системѣ, то есть, умъ глупостью, чувство безчувствіемъ, а глупость умомъ, иногда смѣшивая все вмѣстѣ, а иногда давая пріемы отдѣльно, смотря по состоянію больного. Изъ многихъ опытовъ я составилъ родъ афоризмовъ или непремѣнныхъ правилъ при леченіи каждой изъ психологическихъ болѣзней. Представляю вамъ образчики.

Болѣзнь: *Политическая горячка*. При-
знаки: филантропическія воззванія къ разрушенію существующаго порядка. Философскій бредъ. Общанія нищимъ и лѣнивымъ доволства безъ труда. Ненависть къ грамотнымъ, ко всѣмъ высшимъ и старшимъ etc. *Леченіе*: пустить кровь изъ мягкихъ

частей тѣла. Діета — хлѣбъ и вода. Лимонадъ изъ кремортарти.

Болезнь: *Обманутое честолюбіе*. Признаки: больной жалуется на дурный ходъ дѣлъ подъ чужимъ управленіемъ, на безпокойства городской жизни и трудности неблагодарной службы. Восхваляетъ природу и безпечную жизнь, и т. п. *Леченіе*: Путешествіе на теплыя воды или въ деревню. Чтеніе сатирическихъ Писателей, вооружающихся противу злоупотребленій знатности и богатствъ. Вистъ. Вкусный столъ, шампанское вино и толпа собесѣдниковъ, которые за обѣдъ станутъ бранить всѣхъ высшихъ чиновниковъ, для утѣшенія пациента; противужелчныя нилули.

Болезнь: *Чиноманія*. Признаки: Частое чтеніе Приказовъ и Сенатскихъ вѣдомостей. Безпрерывныя толки о повышеніяхъ. Появленіе во всѣ праздники въ полной формѣ на улицъ. Похвалы всѣмъ занимающимъ высшія мѣста и хула оставшимъ и проч. *Леченіе*: Воздухъ переднихъ. Сильное тѣлодвиженіе стибаніемъ спины. Безмолвіе при

старшихъ и товарищахъ по службѣ. Слабительные порошки и теплыя ванны для пониженія организаціи, или уменьшенія энергіи.

Болезнь: *Женскія спазмы и нервные припадки*. Признаки: брань съ мужемъ. Битье служанокъ при туалетѣ. Размолвка съ пріятельницами, получившими богатыя обновки. Пересуды. *Леченіе*: Турецкая шаль, для предохраненія отъ простуды. Бриліантовые вещи, для очищенія зрѣнія. Нѣсколько дюжинъ картоновъ изъ модныхъ магазиновъ, для развлеченія. Уплата предлиннаго счета въ Англійскомъ магазинѣ, для свободнаго возобновленія утреннихъ прогулокъ въ семь магазиновъ. Новый экипажъ и четверка заводскихъ лошадей, для моціона. Балъ въ собственномъ домѣ и четыре пригласительныя билета на чужіе балы. Eau d'orange.

Болезнь: *Деньголюбіе*. Признаки: жадобы на дурныя времена. Дружба съ подрядчиками и откупщиками и залогодателями. *Леченіе*: Частыя посѣщенія Гражданской палаты и проч. Частыя угощенія, изученіе

арифметическаго правила *дѣленія*, пошеніе на груди бумажника, набитаго ассигнаціями или банковыми билетами, для предохраненія себя отъ біенія сердца. *Asa foetida* въ ма- деръ.

Я бы могъ представить вамъ еще сот- ню болѣзней, съ средствами для ихъ поль- зованія — но листъ исписался, и я не хочу утруждать болѣе вашего вниманія. Заклю- чаю просьбою: не отказывайте никому въ рецептъ и не почитайте никого здоровымъ, вѣря пульсу и языку. Человѣкъ, почитаю- щій себя больнымъ и требующій вашего совѣта, самъ не знаетъ, чѣмъ онъ боленъ. Вамъ дѣло изслѣдовать причину и качество болѣзни, и совѣтовать то, что можетъ облег- чить недугъ или успокоить духъ, разстрои- вающій нервную систему. Повторяю: весь свѣтъ боленъ, а самые трудные тѣ, которые не вѣрятъ тому, что они больны.

Докторъ Хандреусъ.

— N° IX. —

УѢЗДНЫЙ ВОЛЬНОПРАКТИКУЮ-

ЩІЙ УЧИТЕЛЬ.

ДѢЛО ВЪ ВЕЗДѢЛКѢ.

(Письмо къ Издателямъ Свв. Писемъ изъ заштатнаго города Захолустья NN. Гу- берніи NN. Уѣзда.)

Мы, т. е. читатели Русскихъ Журна- ловъ, слышимъ безпрестанныя повторенія жалобъ на незнаніе Русскаго языка при- родными Русскими, и нѣкоторые изъ насъ (боюсь сказать, многіе) находятъ даже, что самые ретивые Критики знаютъ свой языкъ

*

не лучше критикуемыхъ. Предоставляю другимъ насмѣхаться надъ этимъ, а мнѣ горько и грустно, когда подумаю, что рѣдкій печатный листъ, въ Россіи, (о рукописныхъ ни полсловечка) появляется въ свѣтъ безъ галлицизмовъ и жестокихъ грамматическихъ промаховъ. — Не говорю о тѣхъ отцахъ и матеряхъ, которые полагаютъ, что обучать дѣтей Русскому языку есть дѣло излишнее, потому, что въ теченіе ихъ жизни имъ придется говорить по-Русски только съ лакеями, кучерами, поставщиками и подрядчиками, а по письменной части будетъ труда только подписать вексель или дѣловую бумагу. Сии почтенные родители, по моему мнѣнію, не только нестоятъ чернилъ и бумаги, употребляемыхъ для порицанія ихъ за дикую безчувственность къ родному языку, но не стоятъ даже песку, которымъ засыпаютъ написанныя для нихъ правоученія, ибо горбатаго исправить одна могила, а глутому сыну не въ прокъ богатство. Я хочу побесѣдовать съ вами о тѣхъ благомыслящихъ родителяхъ изъ дворянскаго со-

словія и высшаго купечества, которые постигаютъ, что основаніемъ, началомъ и концемъ хорошаго воспитанія должно быть совершенное познаніе Русскаго языка, отечественной Исторіи, Географіи, Статистики и отечественнаго Законодательства, но не имѣютъ удобства исполнить свои желанія въ пользу ихъ дѣтей. Само по себѣ разумѣется, что Вѣра и нравственность суть предметы столь же необходимые; но они нужны всемъ народамъ вообще, а я говорю только о Русскихъ, у которыхъ, при воспитаніи, все отечественное стоитъ въ задней шеренгѣ. — Къ одному изъ сихъ благомыслящихъ родителей, моему старому приятелю и сослуживцу, заѣхалъ я погостить, послѣ пятнадцатилѣтней разлуки. Онъ живетъ въ смежномъ съ его деревней заштатномъ городѣ, имѣетъ порядочное состояніе, женатъ, отецъ трехъ сыновей и двухъ дочерей, человекъ добрый и не глупый, бороду брѣветъ, въ штрахахъ и подъ судомъ не бывалъ, ко всякой должности способенъ и штабъ-офицерскаго чина достоинъ.

Въ первые три дня, я не могъ пользоваться ни одною изъ умственныхъ моихъ способностей, потому, что, какъ водится въ гостяхъ по Уѣздамъ, долженъ былъ безпрѣстанно ѣсть, пить и слушать рассказы моего пріятеля объ его пятнадцатилѣтнихъ подвигахъ въ Уѣздѣ, послѣ отставки, т. е. тяжбахъ, хозяйствѣ, псовой охотѣ и т. п. По вечерамъ, послѣ чаю, когда мой пріятель принимался за вистъ, чтобъ дать отдохновеніе своему языку, супруга его, моя почтенная кумушка (мы крестили съ ней дочь курьера того Департамента, въ которомъ служили вмѣстѣ съ ея мужемъ), жертвовала для меня своей партіей бостона и, для занятія меня, рассказывала о женахъ, дочеряхъ, матеряхъ, бабкахъ и теткахъ всѣхъ уѣздныхъ чиновниковъ и всѣхъ окрестныхъ дворянъ, на семьдесятъ квадратныхъ верстѣ вокругъ города. — На четвертый день хозяева мои, хотя не утомились столько рассказываніемъ, какъ я слушаніемъ, но предметы ихъ повѣствованія истощились, и мнѣ данъ отдыхъ. — На пятый день, послѣ завтрака, въсомъ

съ мои три обѣда и въ четыре ужина, пріятель, отъ нечего дѣлать, повелъ меня въ комнату, называемую классомъ. Тамъ сидѣли за столомъ всѣ дѣти его, и перебирали тетрадки и книги, въ ожиданіи учителя. Я провелъ около четверти часа въ разговорахъ съ дѣтьми; вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и вошелъ учитель.

Я взглянулъ на него, и не могъ налюбоваться. Онъ былъ средняго роста, и имѣлъ на плечахъ голову исполина. На широкое, мясистое лицо торчали пирамидальный носъ, наклоненный на сторону, какъ Болонская башня, и украшенный цвѣтами, называемыми въ Медицинѣ *gutta rosacea*. Длинные волосы, сѣропепельнаго цвѣта, исключены были на головѣ, какъ грива у рабочей лошади. На немъ былъ препширокій и длинный, до пятъ, спортукъ съ карманами на полахъ, имѣвшій нѣкогда оливковый цвѣтъ. Одинъ сапогъ былъ гораздо больше другаго и тупоносый, а другой востроносый. Г. учитель приблизился къ столу,

шаркнулъ передъ нами большимъ тупоносимъ сапогомъ, и повернувшись проворно на меньшомъ, востроносомъ, съѣлъ переважно на свое мѣсто. Сперва онъ вынулъ изъ кармана весь свой инструментъ: жестяной футлярецъ, въ которомъ хранились перья, карандашъ и кусокъ изломанной бритвы, укрѣпленный въ деревяшкѣ сапожною драгою, отломокъ линейки и книгу въ жирномъ переплетѣ. Потомъ принялся преспокойно чинить перья учениковъ бритвеннымъ отломкомъ, и поглядывалъ на меня изъ подлобья. «Чему вы обучаете дѣтей моего пріятеля?» спросилъ я. — «Здѣсь я преподаю Русскую Грамматику, и, связанныя нераздѣльно съ званіемъ учителя Русскаго языка, Науки: Русскую Исторію и Географію, Ариметтику и Числописаніе. Но я имѣю въ городѣ двухъ учениковъ, которымъ преподаю Греческій и Латинскій языки.» — «Гдѣ вы обучались?» — «Началъ въ здѣшней Семинаріи, — но будучи принужденъ удалиться изъ оной, кончилъ размышленіемъ и чтеніемъ полезныхъ книгъ.» — «Служили ли

гдѣ нибудь?» — «Пробовалъ, но не посчастливилось, такъ снова обратился къ *ученому* званію.» Я развернулъ книгу учителя: это была Русская Грамматика, изданная Михайломъ Меморскимъ; заглянулъ въ дѣтскія тетрадки, и нашелъ въ нихъ равное число ошибокъ въ работѣ учениковъ, какъ и въ поправкахъ Учителя. Не будучи въ состояніи вытерпѣть такого варварства, я отвелъ на сторону учителя, и замѣтилъ ему нѣсколько важныхъ погрѣшностей противу языка. «Милостивый Государь!» сказалъ онъ, шаркнувъ большимъ тупоносимъ сапогомъ и склонивъ исполинскую голову: «Я во всемъ основываюсь на *печатномъ*, и могу доказать вамъ, что называемое вами ошибочнымъ находится въ книгахъ, издаваемыхъ въ столичныхъ городахъ Москвѣ, при рѣкѣ Москвѣ, и С. Петербургѣ, при рѣкѣ Невѣ.» — «И печатная и писанная ошибка все таки ошибка,» возразилъ я. «Въ столицахъ издаются книги, написанныя людьми знающими свой языкъ и невѣждами, ибо страсть къ Авторству не есть еще доказа-

тельство дарованія и познаній. Вамъ, какъ учителю, слѣдовало бы отличать хорошее отъ дурнаго, и пользоваться однимъ только хорошимъ.» — «Не мое дѣло судить о различныхъ писателяхъ;» отвѣчалъ учитель: «на то есть старшіе. Я питаюсь только отъ обученія юношества, и иду твердымъ шагомъ по слѣдамъ моихъ предшественниковъ. За успѣхи же моего обученія вамъ могутъ поручиться мои ученики, изъ которыхъ нѣкоторые уже Полковники и Статскіе Совѣтники, а одинъ недавно получилъ Губернаторское мѣсто!» — «Все это не доказательство, что ваши ошибки не суть ошибки,» возразилъ я: «вѣроятно ваши ученики, въ послѣдствіи, исправили то, что вы начали.» — «Это также не мое дѣло,» отвѣчалъ учитель, и посмотрѣвъ на стѣнные часы, шаркнулъ опять своимъ большимъ сапогомъ, повернулся на меньшомъ, снова сѣлъ за столъ, и громкимъ однозвучнымъ голосомъ возгласилъ къ ученикамъ: «И такъ мы вчера уже говорили, что въ Россійской Имперіи двѣ столицы: Москва при рѣкѣ

Москвѣ, и С. Петербургъ при рѣкѣ Невѣ. Теперь нечислимъ, сколько губерскихъ и областныхъ городовъ въ сорока девяти Губерніяхъ и восьми Областяхъ, на которыя раздѣлена Россійская Имперія, по Мѣсяцеслову, изданному на лѣто Господне 1852-е, не включая въ сіе раздѣленіе Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, присоединенныхъ къ оной . . .» Я не любопытствовалъ слушать урока, и вышелъ въ другую комнату съ своимъ пріятелемъ.

— «Ну, братецъ, убилъ ты бобра!» сказалъ я пріятелю: «Какъ ты могъ поручить образованіе дѣтей твоихъ этому чудаку?» — «А откуда жъ прикажешь взять лучшаго!» возразилъ пріятель. «Желая воспитывать дѣтей дома, до развитія ихъ умственныхъ способностей, я никакъ не хотѣлъ повѣрить ихъ надзору иностранца, а старался сыскать Русскаго гувернера, который бы могъ обучать ихъ отечественному языку, и съ дѣтства вселять любовь ко всему отечественному. Но всѣ поиски и старанія мои

остались безъ успѣха: Французовъ у насъ въ Губерніи столько, что изъ нихъ можно было бы сформировать комплектную роту вольтижеровъ, но Русскихъ воспитателей вовсе нѣтъ. Человѣкъ грамотный не иначе согласится занять мѣсто гувернера, какъ съ условіемъ, чтобъ считаться въ государственной службѣ и получать чины, по крайней мѣрѣ въ узаконенное время. Если же такого мѣста нѣтъ, то каждый грамотный предпочитаетъ государственную службу съ малымъ жалованьемъ, частнымъ занятіямъ при большей платѣ, ибо надѣется достигнуть службою до высшихъ степеней, пріобрѣсти дворянство, если его не имѣетъ, и со временемъ занять важныя мѣста въ Государствѣ, а съ этимъ вмѣстѣ и составить состояніе. — Я было самъ хотѣлъ заняться обученіемъ дѣтей моихъ, и для этого выписалъ множество учебныхъ дѣтскихъ книгъ. Но пересмотрѣвъ ихъ съ пріятелемъ моимъ, ученымъ Архимандритомъ ближняго монастыря, мы удостовѣрились, что эта часть Литературы находится у насъ въ самомъ

бѣдственномъ состояніи, и что у насъ очень мало порядочныхъ сочиненій въ этомъ родѣ. Учебныя книги, изданныя при Императрицѣ Екатеринѣ Великой для Народныхъ Училищъ, были въ свое время совершенствомъ, но нынѣ устарѣли, а то, что издается теперь книжными спекуляторами, вовсе никуда не годится. И такъ, любезный другъ, народное воспитаніе наше до тѣхъ поръ будетъ недостаточно, пока у насъ не образуется сословіе частныхъ учителей и гувернеровъ изъ Русскихъ, и пока наши Литераторы и Ученые, вмѣсто того, чтобъ писать вздоръ или ничего не дѣлать, пользуясь званіемъ *ученаго*, не примутся усердно за составленіе учебныхъ дѣтскихъ книгъ. Въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ есть хорошіе учителя и наставники, но не каждый отецъ семейства можетъ охотно разстаться съ малолѣтними дѣтьми, и многіе убѣждены, что лучшее первоначальное воспитаніе можетъ быть только въ семьѣ, подъ надзоромъ родителей. — Вѣроятно дѣти мои будутъ счастливѣе меня, и когда сами бу-

дуть отцами семейства, тогда уже будутъ въ Россіи и частные Русскіе учителя, и гувернеры, и хорошія учебныя книги; но пока это сбудется, я долженъ довольствоваться этимъ чудакомъ, который, скажу мимоходомъ, почитается у насъ первымъ Ученымъ въ околodкѣ! — Съ полученія № 16 Сенатскихъ Вѣдомостей 1832 года, я ожилъ духомъ! Высочайшій Манифестъ объ учрежденіи новаго сословія *Почетныхъ Гражданъ* породилъ во мнѣ надежду, что у насъ образуется наконецъ необходимое въ благоустроенномъ Государствѣ *среднее состояніе*. Званіе *почетнаго гражданина*, избавляя полезнаго и отличнаго члена общества отъ тѣлеснаго наказанія, подушнаго оклада и рекрутской повинности, истребить страсть лѣзть въ чины и въ дворянство, размножившееся до безконечности, и обратить умныхъ, ученыхъ и трудолюбивыхъ людей къ другимъ занятіямъ. Въ семъ-то почетномъ гражданствѣ образуются гувернеры, частные учителя, художники, управители, начальники фабрикъ, и займутъ мѣста, которыми пользуются нынѣ

иностранцы, на пашенныя мѣста въ своемъ отечествѣ. Самъ Богъ, пекущійся о благѣ Россіи, внушилъ нашему народолюбивому Царю эту великую мысль, которая, какъ здравое зерно, произраститъ плодovitое дерево!»

Не стану утруждать васъ, Гр. Издатели, нашими дальнѣйшими разсужденіями объ этомъ предметѣ. Сами вы люди смѣтливые, и знаете, чему должно радоваться, а объ чемъ сожалѣть. Погоревавъ о недостаткѣ у насъ хорошихъ учителей и учебныхъ книгъ, порадуемся, что уже положено начало къ лучшему, и станемъ общими силами способствовать благимъ начинаніямъ Привительства. У насъ много дѣла для дѣятельнаго ума и Русскаго сердца, и безъ пустословія Германской философіи и сумасбродной политики. Нынѣшніе скороспѣлые мудрецы хотятъ сѣять, не вспахавъ пашни, и пожнать недозрѣлую жатву, а повторяя чужое не къ стати и не у мѣста, походить на моего вольнопрактикующаго учителя заштат-

наго города, который почитаетъ себя безошибочнымъ, потому, что повторяетъ печатное вранье. — Вашъ и проч.

Иванъ Русонетовъ.

— № X. —

СВѢТСКАЯ ИЗВѢСТНОСТЬ.

—

Я сиѣлъ поутру въ кабинетъ стараго моего знакома, Ивана Ивановича Абдеритова, къ которому хожу для разсѣянiя, какъ въ кукольную комедiю, когда черныя мысли начинаютъ омрачать мой рассудокъ. Абдеритовъ есть одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ массѣ, подобно винтамъ и пружинамъ, составляютъ многосложную машину, называемую большимъ свѣтомъ. Иванъ Ивановичъ долговременнымъ упражненiемъ при-

Ч. II.

7*

обрѣлъ великое искусство мыслить чужимъ умомъ, чувствовать чужимъ сердцемъ, а брать собственными руками. Онъ своимъ существованіемъ разрѣшилъ великую философическую задачу, а именно, что человекъ, одаренный душою безсмертною, можетъ жить въ свѣтъ, не подозревая даже, чтобъ имъ управляла какая нибудь другая сила, кромѣ силы пищеваренія. Будучи одною изъ пружинъ большого свѣта, какъ выше сказано, Абдеритовъ во всю жизнь не зналъ другаго дѣла, какъ гнуться и вытягиваться по мѣрѣ движенія машины, и за то его чистили, полировали и подмазывали, какъ пружину. По обязанности своей, онъ игралъ роль *старика вездѣ и нигдѣ*, т. е., бывалъ во всѣхъ обществахъ, и нигдѣ не составлялъ замѣчательнаго явленія, хотя вездѣ былъ нуженъ для счету, по званію и мѣсту, занимаемому имъ въ свѣтъ. Безъ него вездѣ можно было бы обойтись, но нигдѣ нельзя было ему отказать, или не пригласить его, чтобъ не обидѣть званія и сословія, къ которому онъ принадлежить. Изучая безпре-

рывно фizioноміи людей *въ слугахъ*, и принимая всѣ впечатлѣнія, Абдеритовъ сдѣлался чѣмъ-то похожимъ на Брюсовъ Календарь. По его словамъ, можно догадываться, кто выйдетъ въ отставку, и кто займетъ вакантное мѣсто, разумѣется значительное. Фрейтеръ Абдеритова есть родъ магнитной стрѣлки, указывающей путь къ возникающему величію. Передъ чѣмъ домомъ стоять чаще его карета, тотъ восходитъ, а мимо чѣмъ воротъ пронесется нѣсколько разъ въ галопъ, знакъ, что тотъ нисходитъ. Абдеритовъ хвалить и хулить по одной формулѣ, всегда нѣсколько двусмысленно, чтобъ не ошибиться въ расчетъ, но всегда во время, т. е., хвалить, когда человекъ въ силѣ, и хулить когда ослабѣваетъ. Я захожу къ нему, чтобъ узнать иногда, какое мнѣніе распространилось въ свѣтъ о новой книгѣ и Авторѣ, и хотя Абдеритовъ самъ никогда ничего не читаетъ, но онъ всегда покупаетъ книгу, о которой говорятъ съ похвалою знатные люди, и хвалить безъ памяти. Абдеритовъ, не имѣя никакой постоянной цѣ-

ли въ жизни; рѣшился идти впередъ до тѣхъ поръ, пока не ударится лбомъ въ стѣну, а какъ онъ человѣкъ неопасный, услужливый, никогда не спорить и всегда соглашается съ мнѣніемъ тѣхъ, которые имѣютъ право приказывать, всегда на ногахъ и еще на такихъ, которыя хорошо шаркаютъ по паркету, притомъ умѣетъ плакать и смѣяться кстати и по востребованію, и, что главное, никого не обременяетъ просьбами за другихъ, а только напоминаетъ о себѣ, то онъ ушелъ далеко на поприщѣ почестей, и пынь даже достигъ того, что начинаетъ сквозь зубы роптать и жаловаться, что не имѣетъ одного изъ важныхъ мѣстъ, на которое онъ объявляетъ право *по лтамъ*. Таковъ знакомецъ мой, Иванъ Ивановичъ Абдеритовъ, котораго сужденія услышать читатели.

Въ то самое время, когда Абдеритовъ, оглядываясь на всѣ стороны, шепталъ мнѣ о своемъ неудовольствіи на то, что его *забываютъ*, приговаривая часто: *между нами* *будь сказано*, лакей доложилъ, что какой-то молодой человѣкъ пришелъ къ нему съ

письмомъ. Вѣрно впустить. Вошелъ молодой человѣкъ пріятной наружности, одѣтый чисто, но безъ вымысловъ, и поклонившись вручилъ письмо. «Кто вы таковы и зачѣмъ пожаловали?» спросилъ Абдеритовъ, не распечатывая письма. — «Я сынъ двоюроднаго брата вашего, Никиты Петровича Абдеритова.» — Лице моего знакомаго скривилось, лобъ наморщился. «Вашъ отецъ былъ въ какихъ-то непріятныхъ исторіяхъ,» сказала дядя: «не помню по откупамъ, что ли; кажется, онъ былъ подъ судомъ, разорился...» — «Дѣло кончилось въ нашу пользу, и папенька не только не разорился, но прикупилъ еще лежащее къ нашему имѣнію Князя Рюмкина, которое продавалось съ публичнаго торгу.» — «А, а, вашъ отецъ не разорился! Прошу садиться! поближе, вотъ здѣсь.» — Абдеритовъ распечаталъ письмо и сталъ читать въ полголоса. «Я не жалѣлъ ничего на воспитаніе сына моего Петра, и родительское сердце говорить мнѣ, что онъ можетъ быть полезенъ отечеству. Введи его въ свѣтъ, братецъ, и

принци ему видное мѣстечко. Богъ благословилъ меня : состояніе мое порядочное , и я ничего не пожалѣю , чтобъ сынъ мой попалъ на поприще , на которомъ бы могъ отличиться . У меня только одинъ сынъ и одна дочь , а для нихъ три тысячи *густыхъ* (т. е. незаложенныхъ) душъ и при томъ изрядный капиталецъ . Пожалуйста , будь его руководителемъ и покровителемъ . . . » Абдеритовъ положилъ бережно письмо на столъ , нѣжно улыбнулся , подавъ руку молодому человѣку и сказалъ : « Дай же обнять себя , племянничекъ ! какой молодецъ ! точь въ точь папенька . А мы старые истинные друзья съ твоимъ отцемъ . Добрый , почтенный человѣкъ ! По какой же части ты хочешь служить , любезный племянничекъ ? Разумѣется , что какъ опредѣлишься куда нибудь , то надобно подумать о Камеръ-Юнкерствѣ , не правда ли ? » — « Извините , дядюшка ! » — « Что , что , ты не хочешь быть Камеръ - Юнкеромъ ! » — « Я еще не рѣшился , гдѣ служить : я имѣю страсть — къ авторству ! » — возразилъ племянникъ , потупя взоры . — « Страсть къ

авторству ! » сказалъ дядя , улыбувшись , и посмотрѣлъ на меня значительно . « И это ремесло не дурно , при случаѣ , » продолжалъ онъ : « Стишки въ альбомъ , надпись къ портрету , элегія на смерть собачки , куплеты къ празднику , могутъ обратить вниманіе на Автора , и доставить покровителей . А ты , племянничекъ , силенъ ли во Французскомъ языкѣ ? Можешь ли писать на немъ стишки ? » — « Во-первыхъ , я не стихотворецъ , дядюшка , во-вторыхъ , если бъ и былъ имъ , то не писалъ бы такихъ пустяковъ , а въ третьихъ я Русскій , и хочу писать по-Русски . » — Дядя снова наморщился . « Объ чемъ же ты хочешь писать ! » — « Теперь еще не знаю , но я имѣю склонность къ прозѣ . » — Дядя задумался . « Какая цѣль твоя въ авторствѣ ? » сказалъ онъ , горько улыбувшись . « Быть полезнымъ отечеству , стараться , чтобъ Слава наша возвысилась , сдѣлалась болѣе извѣстною . » — « Понимаю , понимаю ! » — возразилъ дядя : « ты хочешь сдѣлаться извѣстнымъ въ свѣтъ своимъ авторствомъ ! Дурную дорогу выбралъ ты , племянничекъ ,

и вѣрно не посовѣтовался съ отцемъ.» — «Отецъ предоставилъ мнѣ на волю избрать поприще.» — «Такъ стало быть онъ дурно сдѣлалъ,» возразилъ дядя. «Подумалъ ли ты, племянничекъ, что затѣваешь? Ты хочешь быть Авторомъ! что значить у насъ Авторъ! Загляни-ка въ табель о рангахъ и въ Адресъ Календарь: есть ли тамъ статья объ Авторахъ? Какая у насъ извѣстность! Кто тебя будетъ знать, кто станетъ читать? Кто захочетъ знаться съ тобою? Въ нашихъ обществахъ, любезнѣйшій, не нужны Авторы и грамотные умники. Бѣда съ ними! Что бы стали дѣлать тогда наши свѣтскіе умники, какую бы цѣну имѣли ихъ каламбуры и остроты, повторяемыя со времени пребыванія здѣсь Графа Сегюра?» — «Но развѣ въ обществахъ нѣтъ Авторовъ, дядюшка?» — «Есть, ни слова; но они вошли туда не по авторскому таланту, а по своему гражданскому значенію: понимаешь ли? по связямъ, по родству, по рекомендаціи, по занимаемому ими мѣсту. Но какая роль тѣхъ, которые не въ роднѣ? Забавлять ста-

рыхъ дѣвицъ, пожилыхъ вдовушекъ, играть съ дѣтьми, ласкать собачекъ, или смѣшить своею цѣловкостью. Повѣрь, племянничекъ: они играютъ жалкія лица, хотя никакъ о томъ сами не догадываются. Впрочемъ я похваляю твое желаніе, племянничекъ, сдѣлаться извѣстнымъ; только совѣтую избрать другое средство, а у тебя для этого есть способы. Играешь ли ты въ кребсы?» — «Что это такое?» — «О, сушая бездѣлица! Вотъ видишь ли эти косточки съ очками. Вотъ я бросаю: кто бросилъ болѣе очковъ, тотъ выигралъ. Это нынѣ модная игра, и кто можетъ играть на большіе куши, обращаетъ на себя вниманіе, дѣлается извѣстнымъ. Танцовать ты вѣрно умѣешь?» — «Да, но не охотникъ.» — «Напрасно! Надобно танцовать до упаду; это также заставитъ замѣтить тебя, сдѣлаетъ извѣстнымъ. Но что много толковать! У тебя есть деньги, племянничекъ, а съ деньгами ты можешь достигнуть, чего самъ захочешь. Пусть отецъ твой броситъ на первый случай, сотни двѣ тысячъ рублей на экипажъ, на игру и на ссуду,

разумѣется, безъ отдачи, и ты увидишь, какъ легко пріобрѣтается въ свѣтъ извѣстность. Ты будешь на счету. Безъ тебя не обойдется ни одинъ балъ, ни одинъ праздникъ. Нынѣ множество полуразорившихся фамилій, которыя держатся въ свѣтъ однимъ именемъ, а ради событь дочекъ. Богатый юноша, дворянинъ — кладъ нынѣ! Тебя будутъ ловить, какъ райскую птичку. После, когда ты пріобрѣтешь въ свѣтъ извѣстность — дѣлай что хочешь, слова не скажу. Пиши, сочиняй не только по-Русски, но хоть по-Мордовски, прозою и стихами, все будетъ прекрасно! Правда, до сихъ поръ я не знаю еще ни одного богатаго юноши, который бы пустился на авторское поприще; но довольно имѣть нѣкоторое значеніе въ свѣтъ, чтобъ пріобрѣсть дружбу знаменитыхъ Писателей, имѣть свою партію и быть прославляему въ Журналахъ. А тебѣ, при богатствѣ это будетъ вдвое легче. Я не знатокъ въ этомъ дѣлѣ, но вижу, чѣмъ знаменитые Сочинители, тѣмъ болѣе стараются скрывать въ свѣтъ, что онѣ Писатели,

и водится не съ Сочинителями, а съ нашей братьей, съ профанами.» — «Вы говорите вещи, не весьма для меня утѣшительныя, дядюшка. Я люблю Словесность для ней самой, и хотѣлъ бы знаться съ людьми, которые преданы ей исключительно.» — «Все это легче будетъ сдѣлать послѣ: но прежде вступи въ свѣтъ. Я введу тебя: познакомлю въ пятидесяти домахъ, научу въ часъ, какъ должно вести себя цѣлый вѣкъ, чтобъ успѣть. Наука легкая! Играть во всѣ игры, танцовать всѣ танцы, появляться на всѣхъ балахъ и вечерахъ, не имѣть собственного образа мыслей, не говорить никогда о серьезныхъ дѣлахъ, какъ напримѣръ: о книгахъ и газетахъ, но уметь объясняться разнообразно о четырехъ предметахъ, а именно: о погодѣ, о спектакляхъ и балахъ, о повышеніяхъ въ чины, о жилетахъ, фракахъ, экипажахъ и лошадяхъ. Съ этимъ, дорогой племянничекъ, ты уйдешь далеко, а съ своимъ авторствомъ сидишь какъ ракъ на мели, а сверхъ того наживешь враговъ. Посмотри на меня: меня всѣ знаютъ, всѣ при

нимають, вездѣ честять, а я отъ роду не имѣлъ притязаній на умъ...» Молодой человекъ покраснѣлъ, всталъ съ мѣста и сталъ раскланиваться. — «Куда ты, племянничекъ? Остаешься у меня обѣдать» — «Извините, дядюшка, мнѣ некогда.» — «У меня будутъ сегодня важные люди, мои пріатели. Ты сдѣлаешь первый шагъ къ извѣстности.» — «Благодарю покорно: но я имѣю свой образъ мыслей на этотъ счетъ, и низостью не хочу искать знаменитости.» Съ симъ словомъ юноша вышелъ за двери, а Иванъ Ивановичъ воскликнулъ: «Это безумецъ! Отказываюсь отъ родства. Осрамить родъ мой! Но не надобно отчаяваться. У меня есть знаменитые писатели, которые страдаютъ желтухой отъ честолюбия: отдамъ имъ на руки племянника, авось они сдѣлають изъ него человека похожаго на себя — и на меня!»

— N° XI. —

НЕДОРОСЛЬ XIX-го ВѢКА.

(Сцена изъ свѣтской жизни.)

Биби или Бастіенъ (по просту Севастьянъ) Пузырьковъ, юноша лѣтъ осьмнадцати, сидитъ перевалившись въ креслахъ, въ шелковомъ халатѣ, въ красной фескѣ; шея окутана Турецкимъ платкомъ. На столѣ лежить нѣсколько книгъ, агатовая чаша съ сигарами, и разбросано множество галантерейныхъ вещей и бронзовыхъ игрушекъ. Въ серебряномъ подевичникѣ горитъ

свѣча. На софѣ сидитъ бывшій губернёръ, а нынѣ другъ дома и повѣренный юноши, мосье Комплезанъ. Возлѣ стола сидитъ отставный, за ранами, артиллерійскій Поручикъ Благовъ, небогатый дворянинъ, родственникъ Пузырькова, и разрѣзываетъ книгу.

Бибѣ звонитъ, является Французъ, камердинеръ. Бибѣ говорить. « Жермень, подай мнѣ круглое зеркало. » — Смотрится въ зеркало, высовываетъ языкъ и послѣ говорить Благову: « Mon cousin! Не правда ли, что я сегодня очень блѣденъ, и что глаза у меня мутны? Вчера мы неосторожно позавтракали съ Княземъ Пьеромъ и Графомъ Полемъ. Не правда ли, мосье Комплезанъ? »

Мосье Комплезанъ. Да, да, немножко позволили себѣ. Но когда же и веселиться, какъ не въ молодыхъ лѣтахъ? А устрицы были превосходныя, Страсбургскій паштетъ съ гусиною печенкою — прелесть; и Перигорскихъ паштетовъ давно не было въ при-

возѣ такихъ славныхъ, какъ теперь! Я предпочитаю шампанское Жакобъ, почтенной, мадамъ Кликъ — но вы, господа, уже слишкомъ развеселились. Но это пройдетъ: скушайте нѣсколько прицеварительныхъ лепешекъ. (*Подаетъ лепешекъ, и Бибѣ пьтъ лепешки*).

Благовъ. Какъ, ужъ и Князь Пьеръ и Графъ Поль пьютъ шампанское! Помилуй, да это еще дѣти!

Бибѣ. У васъ все дѣти! Я думаю, Князю Пьеру уже семнадцатой годъ, а Графу Полно ровнехонько кончилось вчера семнадцать. Чудесные ребята! Послушала бы ты, cousin, когда Князь Пьеръ, развеселившись, запоетъ куплеты Grivois! Чудо! При немъ былъ лихой Французикъ, въ родѣ дядьки, только для разговоровъ. Какъ бишь звали его, мосье Комплезанъ?

М. Комплезанъ. Мосье Гальяръ.

Бибѣ. Да, да, Гальяръ. Этотъ Гальяръ былъ капраломъ или гренадеромъ, и научилъ Князя Пьера прелестнымъ пѣсенкамъ.

Умора! Помнишь ли, мосье Комплезанъ, какъ онъ вчера надѣлъ шляпу на бекрень и съ бутылкой въ рукахъ представлялъ пьянаго Французскаго солдата? — Прелесть!

М. Комплезанъ. О! Князь Пьеръ исполненъ дарованій! Beaucoup de talents! beaucoup de talents!

Биби. Ребеночекъ Графъ Поль! Ха, ха, ха! Да онъ еще въ пансіонѣ у мосье Лебрильяна дѣлалъ такіа чудеса, что тебѣ и не выдумать, cousin! — Онъ въ пять минутъ проигралъ пять тысячъ рублей!

Благовъ. Въ пансіонѣ?

Биби. Спроси у мосье Комплезанъ, если не вѣришь.

М. Комплезанъ. Да, да, такъ.... для препровожденія времени!... Вѣдь надобно же разсѣяться чѣмъ нибудь, при сильномъ напряженіи ума.

Благовъ. Милое и невинное разсѣянье!

Биби. То ли еще водится за Графомъ Полемъ! Онъ тебѣ по пальцамъ пересчитетъ

всѣхъ красавицъ въ городѣ. Удалецъ! Видаль ли ты, cousin, оперу красная шапочка?

Благовъ. Видаль.

Биби. Ну, такъ Графъ Поль похожъ на того волка - помѣщика, который терзалъ пастушекъ, какъ овецъ.

Благовъ. А я почиталъ Графа Поля звѣремъ, не столь опаснымъ.

Биби. Шутн, шутн, cousin, а этотъ проклятый Графъ Поль и меня проучилъ порядкомъ. Знаешь ли, что онъ вчера, за завтракомъ, выигралъ у меня на узелки пять тысячъ рублей! Спроси у мосье Комплезанъ.

Благовъ. Наличными деньгами?

Биби. На честное слово; но это все равно.

Благовъ. Я не сомнѣваюсь въ твоей честности, любезный Севастьянъ; но не худо было бы, еслибъ ты отдалъ деньги за купленную тобою лошадь. Вѣдь отецъ далъ тебѣ деньги на уплату, а ты водишь моего пріятеля за носъ, честнымъ словомъ: вотъ уже полгода.—

Биби. Ахъ, виновать, mon cher, pardon! Право, все забываю. Но при первомъ случаѣ отдамъ съ благодарностью.

Благовъ. Если бъ у тебя не было денегъ, другое дѣло. Но ты бросаешь ихъ...

Биби. Для своего удовольствія, не правда ли? Это значить сѣять розы на пути жизни. Кажется, такъ сказано въ песенкѣ, М. Комплезанъ?

М. Комплезанъ. Именно въ пѣснѣ Беранже.

Благовъ. Послунай, братъ! бросилъ бы ты общество повѣст, да вырвавшись изъ подъ крылышка нѣжныхъ твоихъ родителей, пошелъ бы въ службу, такъ по крайней мѣрѣ, авось нашелъ бы какое нибудь разсѣяніе. Вѣдь служить же надобно.

Биби. А зачѣмъ надобно! Неужели ты думаешь, что матушка не промыслить для меня чина и званія? Я ужъ записанъ въ Канцеляріи дядюшки, Губернскаго Предводителя.

Благовъ. А о пользѣ, которую можешь принести занявшись службою, какъ должно, ты видно не думаешь, братъ Севастьянъ!

Биби. Мнѣ надобно думать о диче-стѣ, cousin; а о дѣлахъ моихъ пусть думаютъ другіе (вѣстъ лепешки). Вѣдь папенькѣ и маменькѣ хочется видѣть меня въ нинто-мундирѣ — такъ пусть и стараются. Я хочу побывать прежде въ Парижѣ.

Благовъ. Зачѣмъ?

Биби. Развѣ ты не знаешь, зачѣмъ ѣздить въ Парижъ — съ деньгами? Пожить, повеселиться, попить. Славу Богу, что я уговорилъ матушку продать Саратовскую деревню!

Благовъ. Такъ ты хочешь перевезть Саратовскую деревню на берега Сены? Похвально!

Биби. Вѣдь надобно жѣ заплатить дань молодости. Не правда ли, М. Комплезанъ?

М. Комплезанъ. Конечно. Это правило, безъ котораго нельзя пріобрѣсть эссенціи мудрости — опытности.

Благовъ. Драгоценная эссенція! — Скажи по совѣсти, братъ, что случилось бы съ

Россіей, если бѣ всѣ богатые юноши покупали опытность такую цѣною?

Биби. Ты все пускаешься въ философію, cousin; а забываешь, что всѣ философы — космополиты. Какъ родственникъ твой, совѣтую тебѣ не повторять вздору, которымъ пугаютъ народъ наши старовѣры. Эти упреки въ привязанности нашей къ Французскому языку, въ любви ко всему иностранному и прочее — все это принадлежитъ къ дурному тону и — къ Древней Исторіи! Ну скажи, пожалуйста, слыхалъ ли ты, чтобъ порядочный молодой человѣкъ, или Русскія дамы говорили между собою по-Русски. По Русски говорить въ гостиномъ дворѣ и съ слугами. Наши моды, обычаи, образъ жизни — Французскіе. Какъ же не побывать въ общей столицѣ, въ Парижѣ?

Благовъ. Я не порицаю ни Французскаго языка, ни обычаевъ, но хотѣлъ бы, чтобъ мы, пользуясь плодами образованности современной, сохранили неприкосновенными нашу вѣру и языкъ, подпоры любви къ отечеству. Но не въ томъ дѣло, братъ. Вы, бо-

гатые юноши, берете за образецъ не почтенныхъ Французовъ, дѣлающихъ честь своему отечеству, но фанфароновъ, мелкихъ бульварныхъ щеголей, повѣсь

Биби. Перестань, cousin, на тебя опять наша меланхолія.

Благовъ. М. Комплезанъ! тяжело вы будете отвѣчать передъ Богомъ за своего питомца.

М. Комплезанъ. А я за что? Мосье Бастіенъ говорить по-Французски прекрасно. Мы прошли съ нимъ Грамматику, курсъ Лагарпа, Французскую Исторію и часть Всеобщей, Географію, Миеологію и... чего же болѣе? Много ли насчитаете молодыхъ людей, которые бы знали болѣе? Правда, что другіе хоть менѣе знаютъ, но громче обо всемъ судятъ; но мосье Бастіенъ скромнѣе, какъ я. А что онъ любитъ повеселиться, и не хочетъ служить — это не мое дѣло. У всякаго свой вкусъ. Онъ держится секты Эпикуровой.

Камерднiererъ входитъ и подаетъ записку Биби, который читаетъ вслухъ. Въ 5

часовъ обѣдать по холостому (en garçon); въ 8 часовъ во Французскій спектакль, въ 10 на вечеръ.... къ кому? Хотѣлъ бы ты знать, cousin? — Не скажу.

Ка. пердидеръ. Маманъ проситъ васъ къ себѣ.

Биби. Скажи, что боленъ, и что Докторъ велѣлъ мнѣ выхвать со двора въ пять часовъ — для разсыянія.

Благовъ. Ай да семнадцатилѣтніе юноши! Радуйтесь, папенька и маменька!

Биби. Да полно быть медвѣдемъ! ты все упрямя какъ твоя пушка.

— № XII. —

Ч И С Т О Т А .

ПИСЬМО СТАРАГО ПОДЪЯЧАГО, ФИЛИП-
ПА ЗАМАРАШКИНА, КЪ ПРЕЖНЕМУ ТО-
ВАРИЩУ, КУЗЬМЪ ХАПУНОВУ.

О времена, о времена!

Собака, выходя изъ кухни, горько выла.

И. И. Дмитріевъ.

Наконецъ и азъ грѣшный помышляю, какъ бы пристойно выбратъ изъ службы, и подобно тебѣ, любезный кумонекъ, копчить жизнь въ тишинѣ, питаюсь остатками благостыни, благопріобрѣтенной женою моею въ теченіе моего служенія. Нѣтъ силъ терпѣть долѣе. Мало того, что не велѣть брать съ просителей даже добровольныхъ прино-

шений изъ благодарности, и мздоимство под-
водятъ подъ одну статью съ лихоимствомъ;
недовольно, что велать писать бумаги не-
правно и чистописаніемъ, а притомъ, крат-
ко и гладко, и Богъ вѣсть по-каковски; но,
кромѣ того, требуютъ отъ насъ чистоты,
какъ отъ мамзелей, и хотять, чтобъ канце-
лярій похожи были на жилыя барскія ком-
наты! Ужъ это тяжеле всякаго покаянiя,
прости Господи. Помнишь ли блаженные
времена, любезный куманекъ, когда на кан-
целярскихъ столахъ столько лежало сала и
песку, что можно было изъ одного присут-
ственнаго мѣста нагрузить цѣлый корабль
Русскимъ товаромъ * и балластомъ. По-
мнишь ли эти безсмертныя чернилицы, си-
ръчь помадныя банки, кѣторыя не боялись
ни паденiя на полъ, ни ударовъ объ стѣну и
объ головы товарищей? Помнишь ли эти
бумажныя коробочки, въ которыхъ хранил-
ся крупный песокъ, съ табакомъ и сигароч-
ною золою? Увы все это исчезло, и самая

* Русскимъ товаромъ называется въ торговлѣ
деготь, смола, сало пенъка, и проч.

память объ нихъ истребляется! Нѣкогда, по
грудамъ песку, конимъ усыпанъ былъ полъ
канцелярiи, чернѣлись высокія дорожки, на-
топтанныя просителями отъ стола до стола,
отъ повѣтя до регистратуры, и изъ секре-
тарской въ присутствіе. По этимъ тропин-
камъ проситель разгуливалъ, какъ въ звѣ-
ринцѣ, и безъ распросовъ находилъ, что ему
было нужно. А нынѣ такъ вымыли, выскре-
бли и вычистили полы, что самое грязное
мѣсто въ канцелярiи — мой карманъ! Сто-
лы такъ чисты, что писать на нихъ нельзя,
ибо скользить рука, а въ блестящую чер-
нилицу страшно обмочить перо, чтобъ не
загорѣлось. Вмѣсто прежней толстой, плот-
ной синей бумаги, по которой можно было
чертить безопасно съ притискомъ не только
перомъ, но даже шиломъ, нынѣ даютъ та-
кую бѣленькую и топенькую, что человекъ
пишетъ и боится, чтобъ цѣлое дѣло не уле-
тѣло отъ чиханья или кашлянья. Древнiя,
почтенныя стѣны, забрызганныя чернилами,
и другими жидкостями, размазаны нынѣ
росписью, какъ шаль моей жены. Но то ли

еще у насъ! Вспомни пріятную пестроту въ одеждѣ чиновниковъ! Бывало каждый изъ насъ надѣвалъ на себя къ должности что похуже, чтобъ не замараться въ канцеляріи, и сверхъ того, сберегалъ рукава накладными коленкоровыми мышками, служившими также для отличія чиновниковъ отъ просителей. Нынѣ не то, любезный кумъ! Изволька нарядиться въ чистый вицъ-мундиръ, и сиди, разряженный какъ куколка, да пописывай. Ужъ теперь нельзя толпиться при окнахъ и по угламъ, и сказывать или слушать всякія балясы, и отговариваться тѣмъ, что пѣтъ мѣста для работы. Не тутъ-то было! Теперь начальники не занимаютъ цѣлаго дома подъ свою квартиру, удѣляя три комнатки на канцелярію; напротивъ, канцеляріи помѣщены въ обширныхъ палатахъ и такъ просторно, что никакъ нельзя въ тѣснотѣ сжать руку просителю или увернуться отъ работы. Бѣдовое дѣло! Завелись между нами отставные изъ военной службы, сочинители, разные ученые, механики, филантропы, грамматники, философы, каллиграфы, и, Богъ вѣсть, какія

разныя секты. Они-то принесли къ намъ эту заразу, которая называется чистотой. Послушай ихъ—такъ уши вянуть! Одинъ изъ нихъ недавно сказалъ мнѣ: «Филиппъ Трофимовичъ! Чиновникъ, проводящій половину жизни въ канцеляріи, долженъ трудиться въ свѣтлой, чистой, и благообразной комнатѣ, на просторѣ, со всеми житейскими удобствами. Это поддерживаетъ здоровье, располагаетъ пріятно душу, освѣжаетъ умъ и не отрываетъ отъ работы. Кромѣ того, чистая и прилично убранная канцелярія, наполненная чиновниками, одѣтыми пристойно, возвышаетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ и удерживаетъ просителя въ предѣлахъ уваженія. Если въ богадѣльняхъ чистота соблюдается со всею строгостью, какъ же вы хотите, чтобъ канцеляріи похожи были на конюшни?»... Онъ хотѣлъ продолжать свою мораль, но я съ досады такъ скрипнулъ перомъ, что моего ритора морозъ подернулъ по кожѣ. Онъ отходя отъ меня, проворчалъ сквозь зубы: «Видно старые подьячіе любить нечистоту по пословицѣ, что въ мут-

ной водѣ лучше ловить рыбу!» Извольшь видѣть, каковы нынѣшніе! Сиди въ чистотѣ, какъ ракъ на мели, да и рыбки не изволь ловить. Окаянные!

Поминишь ли ты, есть книга, не вспомню заглавія, но знаю только, что въ ней описано, какъ отъ малыхъ причинъ бывають великія дѣла. Вотъ и отъ этой чистоты вышло великое дѣло. Какъ побымели соръ изъ канцеляріи да завели чистоту, такъ и навалило къ намъ народу, Богъ вѣсть, откуда, и всякой хочетъ заниматься дѣломъ изъ чести. Подѣлали шкафы для бумагъ, разложили дѣла порядкомъ, по описи, завели регистратуру, рѣшенія дѣла стали сносить въ архивъ, да замѣчать, у кого долго лежатъ дѣла на столѣ; строжайше приказали, чтобъ кипы не валялись въ канцеляріи,—и все пошло вверхъ дномъ! Мы все посмѣивались, думая, что это дѣлается для чистоты и простору, анъ вышло напротивъ, на бѣду нашу! Придетъ проситель справиться о дѣлѣ, — посмотришь — въ мигъ готово. Дѣла летать одно за другимъ, и проволочки и справ-

ки, эти урожайныя нивы, для насъ заглохли. Новички работаютъ одинъ за десятерыхъ, а все изъ чести, и намъ, старымъ дѣльцамъ, придется грызть красивыя чернилицы и песочницы. Вотъ что вышло изъ этой чистоты и простору? Когда прежде дѣла лежали кучами среди пыли и сору, а чиновникамъ негдѣ было работать по причинѣ тѣсноты, такъ было чѣмъ и отговориться передъ начальникомъ и просителемъ. Проклятая чистота подѣла насъ жестоко! Мы думали, что это однѣ шутки, анъ теперь плачемъ, а не смѣемся отъ этихъ шутокъ.

Наконецъ пришло намъ не въ терпѣжъ. Собрались мы, старые дѣльцы, къ Прокофію Пантелеевичу, выпили порядочную красоулю, да общимъ совѣтомъ и сварганили статью про наше житіе бытіе и тяжкое горе, переписали, да и махнули по почтѣ въ Москву, въ печать яко бы письмомъ къ Живописцу, который съ недавняго времени сталъ пописывать о подъячихъ въ Московскомъ Телеграфѣ. Издатель, какъ слышно, человекъ и умный да видно не заглядывалъ

въ канцеляріи, не съялъ крапивнаго сѣмени, такъ и не догадался нашей штуки, да по добру по здорову и тиснулъ наше сочиненьице въ 14 нумеръ своего Журнала. Намъ-то радость! Пришли въ канцелярію, да и поглядываемъ изъ-подлѣбья на начальника и на ученыхъ новичковъ, а тѣ и въ усь себѣ не дуютъ! Я не вытерпѣлъ и спросилъ у одного изъ нихъ: какова вамъ кажется статья въ 14 № Московскаго Телеграфа, на стр. 252, подъ заглавіемъ: *Письмо къ Живописцу?* А мой чиновникъ изъ ученыхъ на отръзъ отвѣтъ: «Ни смѣшно, ни умно, ни забавно! Порядочные люди должны благословлять пачальство, которое печется о водвореніи чистоты и устройства въ канцеляріяхъ. Удобраго хозяина и конюшня содержится въ чистотѣ. Смѣшонъ не тотъ, кто велитъ выметать соръ, а тотъ, которому лучше правится жить въ грязи нежели въ чистотѣ. Статья эта отзывается Азіятскимъ варварствомъ, ибо ни одинъ образованный Европеецъ не вздумаетъ насмѣхаться надъ тѣмъ, что полезно, честно, благопристойно. Въ ино-

странныхъ Государствахъ давно уже заведено, что присутственное мѣсто самое чистое въ цѣломъ городѣ, и намъ, Русскимъ чиновникамъ, стыдно валяться въ грязи, подобно Мордвѣ или Якутамъ. Но зачѣмъ обвинять Русскихъ? Статья эта написана какимънибудь озлобленнымъ подъячимъ, которому новый порядокъ укоротилъ пальчики! Мнѣ жаль только, что добрый и умный Издатель М. Телеграфа попался въ просакъ и далъ себя обмануть подъячему. Но при журнальныхъ хлопотахъ не мудрено просмотрѣть кое-что.»

Ахъ, онъ окаляный: догадался, что это наше дѣло! Но ужъ мы отплатимъ порядкомъ за эту чистоту. Между нами есть такіе доки, что потрафять состряпать и стишки! Прощай и пожалѣй о другъ своемъ Филиппъ Замарашкинъ.

— N° XII. —

БУКНИСТЪ,

или

РАЗНОЩИКЪ КНИГЪ.

Изъ чего вы бьетесь, добрые люди, не досыпаете ночей, суетитесь днемъ, бѣгаете, ѣздите, плаваете изъ одного конца свѣта въ другой, или корпите надъ бумагами; мучитесь, терзаетесь ссоритесь, а иногда и деретесь между собою? Слышу отвѣтъ: *чтобъ жить!* Хороша жизнь! Спрашиваю: развѣ у васъ есть въ занасѣ другая земная жизнь, чтобъ наслаждаться въ одной тѣмъ, что вы приоб- рѣтете, жертвуя спокойствіемъ и счастіемъ въ этой жизни? Нѣтъ! Такъ изъ чего же вы бьетесь добрые люди!

Каждый человѣкъ, отъ малаго до великаго, долженъ непременно и ежедневно удовлетворить голодъ, жажду, позывъ ко сну, и прикрыться отъ дѣйствія атмосферы. Что ѣсть и пить; гдѣ спать и чѣмъ прикрыться, вотъ великіе предметы раздоровъ искательства, связей и трудовъ. Это называется *жить!* Кто какъ живетъ, тому такая и честь идетъ, говорили старики. Чтобъ удовлетворить голодъ самаго сильнаго человѣка, довольно четьрехъ или пяти фунтовъ съѣстныхъ припасовъ, а чтобъ отдохнуть — сажень мѣста. Изъ чего же вы бьетесь добрые люди!

Хотите ли жить спокойно и счастливо? Не хлопчите о томъ, объ чемъ всѣ хлопочутъ. У насъ, на Руси, есть поговорка: «за что намъ ссориться, вѣдь намъ нечего дѣлать?» Если міръ сравниваютъ съ книгой, то эта поговорка должна служить къ ней *эпиграфомъ*.

Диогенъ одинъ изъ первыхъ постигнулъ, что надобно сдѣлать, чтобъ быть спокойнымъ. Онъ засылъ въ бочку, которую перекатывалъ съ мѣста на мѣсто, чтобъ не имѣть

сосѣдей, и роздалъ даромъ свое имущество, чтобъ не было чѣмъ дѣлаться. У меня есть знакомый букинистъ, который по той же причинѣ не хочетъ сидѣть въ лавочкѣ, и носить на себѣ свою лавку, т. е. мѣшокъ съ книгами. Діогенъ могъ бесплатно питаться плодами, въ Атикѣ, слѣдовательно ему не надобно было заботиться чѣмъ жить. Но какъ наши торговцы въ Милотинныхъ лавкахъ и на Щукинѣмъ дворѣ не даютъ плодовъ даромъ, а мы, люди, повыше торговцевъ, гораздо просвѣщеннѣе Грековъ, и кормимъ даромъ тѣхъ только, которые намъ нужны или могутъ отплатить тѣмъ же, то бѣдный букинистъ долженъ, при всей своей философіи, снискивать обѣдъ трудомъ, которымъ такъ гнушался Діогенъ. Вся разница въ образѣ жизни сихъ мудрецовъ отъ того, что другія времена, другіе нравы. Однако жъ мой букинистъ едва ли не умнѣе Діогена, торгуя человѣческою мудростью, которая тогда только кормитъ, когда ее умѣютъ перенести изъ головы — въ мѣшокъ. Мудрость

въ головѣ — не товаръ, и за нее не дадутъ даже квасу напиться!

Разношники книгъ дѣлятся на два рода. Одни разносятъ книги по внутренности Россіи, по ярмаркамъ и господскимъ домамъ, и замѣняютъ собою книжныя лавки, которыхъ у насъ нѣтъ еще по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ. Думаю однако жъ, что скоро не будетъ сихъ разношниковъ: въ трактирахъ нѣтъ недостатка по городамъ, и такъ должно надѣяться, что скоро заведутся тамъ и книжныя лавки, ибо Бахусъ изстари былъ всегда великій другъ Аполлону. Умолчу о разношикахъ или развошикахъ книгъ по Россіи, ибо они купцы, или коммиссіонеры купцовъ, и не входятъ въ разрядъ философовъ. Истинный философъ есть букинистъ, который хочетъ быть лучше хозяиномъ своего мѣшка, чѣмъ слугою въ чужой богатой лавкѣ, носить весь свой скарбъ на плечахъ, наблюдать фizioноміи на булеварахъ, и знаетъ съ перваго взгляда, кому нужны книги, а кому игорныя карты. Букинистъ есть мужъ въ области Литературы, идя плохихъ сочини-

телей то же, что щедрый благодѣтель для бѣдныхъ, стыдящихся просить милостыни. Въ книжной торговлѣ есть свои техническія выраженія. О книгѣ, которую раскупаютъ, говорить: она *идетъ* хорошо; о книгѣ, которой не покупаютъ, говорить: она *застыла*. Первую держать въ лавкѣ книгопродавецъ, а вторую разносить на плечахъ букинистъ. Точно также бываетъ въ свѣтѣ съ дарованіемъ и бездарностью. Первое должно само *интти*, если хочетъ подвинуться впередъ, а вторую выносить въ гору на плечахъ. Бываетъ иногда, что и произведенія дарованія попадаютъ въ мышокъ букиниста. Это случается тогда только, когда хорошая книга достанется по наслѣдству или за долгъ невѣжды, который спышитъ сбыть ее съ рукъ. Не то ли бываетъ въ свѣтѣ съ дарованіемъ, когда оно попадетъ подъ власть чловѣка, неумѣющаго цѣнить его!

Побѣдитель Дарія сказалъ: «если бъ я не былъ Александромъ, то желалъ бы быть Діогеномъ,» а я скажу: «если бъ я не былъ Журналистомъ, то желалъ бы быть букини-

стомъ.» Сколько мучился, трудился Александръ Великій, чтобы лучше жить, т. е. слаще ѣсть и пить и быть болѣе извѣстнымъ, нежели Діогенъ! Сколько терпитъ Журналистъ изъ этого же! Послѣдствія однѣ и тѣ же. Діогенъ умеръ не съ голоду, и мой букинистъ точно также всякой день сытъ, въ добавокъ не страдаетъ отъ разстройства желудка, и спокоенъ потому только, что довольствуется малымъ и, переносясь съ мѣста на мѣсто, не имѣетъ сосѣдей, ни соперниковъ. Ни отъ бочки Діогена, ни отъ Имперіи, основанной Александромъ, не осталось ни отломковъ, ни слѣдовъ, точно также какъ не останется слѣдовъ ни отъ Журналовъ ни отъ мышка букиниста. Изъ чего же вы бьетесь, добрые люди!

Когда Александръ посѣтилъ Діогена и спросилъ у него: чѣмъ онъ можетъ быть ему полезенъ, Діогенъ отвѣчалъ: «посторонись и не заслоняй солнца.» Когда я спросилъ у букиниста, чѣмъ могу услужить ему, онъ отвѣчалъ: «купите мои книги.» — Въ отвѣтъ Діогена видѣнъ эгоизмъ, а въ отвѣтъ буки-

ниста я вижу желаніе распространить прасвѣщеніе, т. е., первый хотѣлъ свѣта и теплоты для *себя*, а другой для *меня*. Надобно было заглянуть въ мѣшокъ. Боже мой! Да тутъ цѣлый міръ, предметъ для тысячи и одного философическаго трактата! Въ мѣшкѣ, какъ будто на свѣтѣ! Вотъ безсмысленный стихотворецъ въ сафьянномъ переплетѣ и золотомъ обрѣзѣ, а вотъ Тацитъ и Ювеналъ оборваны и замараны! Здѣсь Букварь придавилъ Логикѣ. Вотъ Математика, изъ которой вырваны доказательства, а вотъ книги законовъ съ припискою на поляхъ двусмысленныхъ толкованій. Къ Россійской Исторіи, не помню чьего сочиненія, приклеенъ заглавный листокъ изъ какого-то Романа, а нѣсколько вырванныхъ листовъ изъ Исторіи, безъ всякой цѣли и связи спиты вмѣстѣ, въ оберткѣ романтической Драммы. Листки какой-то Газеты безъ заглавія, разбросаны небрежно въ мѣшкѣ, и на одномъ изъ нихъ, не знаю почему, написано краснымъ карандашемъ: *Экстремадура*... Я не могъ удержаться отъ смѣха. Буккинистъ хла-

днокровно сложилъ свой товаръ, взвалилъ на плечи мѣшокъ, и хотѣлъ итти далѣе. «Послушай-ка, пріятель!» сказалъ я: «врядъ ли ты найдешь купцевъ, если станешь такъ перелистывать листы и заглавія!» — «Не бойтесь за меня, сударь,» отвѣчалъ буккинистъ: «Не все такъ прихотливый, какъ вы, чтобъ заглядывать внутрь книгъ. Большая часть господъ покупаетъ по заглавію, по переплету и по журнальнымъ отзывамъ! Былъ бы товаръ, а купцы будутъ!» — Не то ли въ свѣтѣ? подумалъ я. Имя, богатство и рекомендація — вотъ средства къ достиженію всего. Рѣдкій заглянетъ во внутренность книги, т. е., въ сердце и въ голову, да они едва ли нужны тамъ, гдѣ ихъ не ищутъ!

— № XIV. —

ПИСЬМА ПРОВИНЦІАЛКИ

ИЗЪ СТОЛИЦЫ.

Письмо первое.

—

Наконецъ, я собралась написать къ тебѣ, любезная Полина! Воспитанныя вмѣстѣ, мы думали, что не разлучимся никогда, но вотъ судьбѣ угодно было сдѣлать иначе. Ахъ, какъ бы я хотѣла, чтобъ ты была со мною въ Петербургъ! Все, что намъ рассказывали о столицѣ, вовсе не походить на правду: это не городъ, но очарованный міръ,

въ которомъ все дѣлается иначе, нежели у насъ; жизнь и обычай въ нашемъ губернскомъ городѣ не иное что, какъ отраженіе сего солнца въ стаканъ воды.

Въ первый мѣсяцъ послѣ нашего приѣзда въ Петербургъ мнѣ было довольно скучно. Маманъ не вывозила меня съ собою, а папá возобновлялъ свои знакомства, послѣ долговременнаго отсутствія изъ столицы, и устраивалъ, какъ говорится, домъ, т. е. заводился городскимъ хозяйствомъ. Оба были скучны, угрюмы и всѣмъ недовольны. Папá сердился, что не взирая на то, что всякой годъ стронется по нѣскольку десятковъ новыхъ домовъ, квартиры чрезвычайно дороги, и что цѣна съѣстныхъ припасовъ не соответствуетъ провинціальнымъ цѣнамъ. Каждый разъ за чаемъ, взявъ булку въ руки, онъ полчаса толковалъ съ гнѣвомъ, что хлѣбъ у булочниковъ остался въ прежней цѣнѣ, не взирая на то, что хлѣбъ въ анбарахъ понизился въ-четверо. Послѣ того, онъ переходилъ отъ хлѣба къ своимъ родственникамъ и друзьямъ юности, и снова жало-

вазся, что они, вошедъ въ чины, сдѣлались эгоистами, гордыми и холодными ко всему, кромѣ личныхъ своихъ выгодъ. Словомъ, все не нравилось ему въ Петербургѣ. Маманъ жаловалась также на холодность своихъ кузинъ и прежнихъ подругъ, и досадовала, что въ столицѣ гораздо менѣе вѣстей и анекдотовъ, нежели въ губернскомъ городѣ, и что каждая дама здѣсь болѣе занимается собою, нежели другими. Наконецъ, слава Богу, кончилось это мученье! Наша квартира меблирована, экипажъ нанятъ по-мѣсячно, заведено полное хозяйство, мы принимаемъ гостей однажды въ недѣлю на вечеръ и однажды къ обѣду, и меня стали вывозить съ визитами и въ гости. Кругъ нашего знакомства составленъ, и у меня тѣмъ пріятельницъ — изъ которыхъ, однакожъ, ни одна не замѣнить тебя, любезная Полина!

Мы принадлежали къ высшему обществу въ нашемъ губернскомъ городѣ и были въ числѣ первыхъ; но здѣсь, не взирая на то, что отецъ мой столбовой дворянинъ и имѣетъ полторы тысячи родовыхъ душъ,

мы не можемъ принадлежать къ высшему обществу. Я плачу отъ досады, когда подумаю объ этомъ! Отецъ мой только отставной Поручикъ; мы не были представлены ко Двору, и говорятъ, что и не можемъ быть представлены, следовательно должны довольствоваться второю степенью въ обществѣ, или, какъ здѣсь говорятъ, *среднимъ состояніемъ*! Подумай, милая Полина, я принадлежу къ *среднему состоянію*! Маманъ горько плачетъ, что не можетъ быть на придворныхъ балахъ, занимавъ одно изъ почетныхъ мѣстъ на балахъ Губернаторскихъ; а папá утѣшаетъ насъ тѣмъ, что здѣсь и Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, которые не принадлежатъ ко Двору, не держатъ открытаго дома, и не связаны родствомъ съ первыми вельможами, принадлежатъ также къ *среднему состоянію*, когда, напротивъ, Коллежскіе Регистраторы, по связямъ и родству, входятъ въ составъ высшаго общества. Онъ увѣряетъ насъ, будто среднее состояніе перевѣшиваетъ умомъ, дарованіями и заслугами; но это не утѣшаетъ ни меня, ни ма-

мань. Папà хотѣлъ войти въ службу, въ угодность намъ; но говорятъ, что по его чину, онъ не можетъ занимать другаго званія при Дворѣ, какъ Камеръ-Юнкера. Вообрази, Полина, Камеръ-Юнкера въ пятьдесятъ шесть лѣтъ отъ рожденія! Папà отказался отъ этого намѣренія! Насъ принимаютъ въ нѣкоторыхъ изъ первыхъ домовъ, и приглашали нѣсколько на вечера, запросто... по съ приглашеніями на балъ, *bal рагэ*, здѣсь довольно скуны съ новоприбывшими въ столицу... Я не могу продолжать... мнѣ грустно!

Впрочемъ у насъ собирается прекрасное общество, и въ нашемъ губернскомъ городѣ оно было бы *выше* первостепеннаго! Какал у васъ суматоха, когда заѣдетъ въ отпускъ гвардейскій офицеръ, а здѣсь, милая, цѣлые кадрили у насъ составлены изъ гвардейскихъ офицеровъ, и въ нихъ такое изобиліе, что мы еще сортируемъ по полкамъ. Въ модѣ *бѣлые султаны*!... т. е. конные офицеры! Правду сказать, очень ловки и всѣ хорошіе танцоры. Только здѣсь

совсѣмъ не такъ танцуютъ, какъ у насъ въ губернскомъ городѣ. Посовѣтуй своему кузену, Пьерру, чтобъ онъ не прыгалъ и не дѣлалъ антрша: это *mauvais ton*! — Да намекни моему кузену, Жаку, чтобъ онъ обрилъ усы и не топалъ такъ ужасно ногами въ мазуркѣ, какъ онъ говоритъ, *по-Варшавски*: это также *suprême mauvais ton*. Здѣсь ни одинъ штатскій не носитъ усовъ, а въ танцахъ не прыгаютъ и не топаютъ ногами. Главное въ томъ, чтобъ знать фигуры. Модный танецъ Французскій кадрилъ, а подъ конецъ бала — котильонъ. Вальсъ и мазурка изрѣдка, а нашихъ экосезовъ, тампетовъ, матрадуровъ я здѣсь вовсе не видала, да многіе про нихъ и не слышали... Это древность, *antiquité*! Французскій кадрилъ у насъ еще рѣдкость въ провинціяхъ, а здѣсь я думаю и служанки танцуютъ его. — Въ десять уроковъ я выучилась совершенно; ничего нѣтъ легче, особенно кто хорошо танцуетъ гавоть. — Еще прошу тебя, посовѣтуй нашимъ подругамъ, чтобъ онѣ въ разговорахъ не смѣшивали Русскаго языка съ Фран-

цузскимъ! Это провинціализмъ! надобно говорить чисто по-Французски или по-Русски, однимъ какимъ нибудь языкомъ: такъ здѣсь водится. Да пожалуйста, милая Полина, брось свою застычивость и не потупляй глазъ, когда съ тобой заговорить молодой мужчина, и не отвѣчай ему *да н'importe*. Это смѣшно, странно и, извини меня, деревенщина, *mauvais ton!* Надобно съ каждымъ говорить смѣло, громко, смотрѣть прямо въ глаза, а иногда даже самой *агасировать*, т. е. самой заводить разговоръ съ мужчиной, особенно въ танцахъ. Это показываетъ лобкость, умъ и познаніе свѣта. Ты бы удивилась, посмотрѣвъ на меня теперь: я болтаю со всякимъ, что мнѣ прійдетъ въ голову, и всѣ находятъ меня весьма любезною. Этого не боюсь говорить мнѣ въ глаза! Мужчины здѣсь вообще чрезвычайно вѣжливы и любезны. Здѣсь молодые люди, взявшись подъ руки, не ходятъ посреди залы, не шепчутся, не посмѣиваются, посматривая на рядъ дѣвицъ, сидящихъ кругомъ стѣнъ, какъ то бываетъ на нашихъ губернскихъ балахъ. На-

противъ того, здѣсь кавалеръ почитаетъ обязанностью занимать разговорами дѣвицу, даже послѣ танцевъ, и если онъ остановится при ея стулѣ и говорить съ ней, то изъ этого не заключаютъ, что онъ въ нее влюбленъ и женится, какъ бываетъ у насъ. — Въ провинціи, если дѣвица броситъ три раза платокъ одному мужчине, въ котильонѣ, и если мужчина три раза сряду возьметъ одну дѣвицу въ танецъ, то на другой день въ цѣломъ городѣ провозглашаютъ свадьбу. А здѣсь объ этомъ и не думаютъ! Вольность въ обхожденіи удивительная, и отъ того въ собраніяхъ чрезвычайно весело. Здѣшнія дѣвицы чрезвычайно ласковы, но не такъ скоро дружатся, какъ у насъ. Съ нѣкоторыми однако жъ я успѣла подружиться, и одна изъ нихъ сказала мнѣ, что мои розовыя щеки подверглись критикѣ, и что это называется *деревенскій цвѣтъ*. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь дѣвицы все такія блѣдныя и такія тоненькія, что имъ бы нельзя было прогуливаться въ чистомъ полѣ, отъ страху, чтобъ вѣтеръ не унесъ ихъ подъ обла-

ка. Здѣсь въ модѣ томность, *langueur*. Новая подруга моя учила меня поднимать глаза къверху и послѣ, прищурясь нѣсколько, смотреть на вѣсхъ, повертывая медленно головою, и преклоняя ее на одну сторону. Это, говорятъ, придаетъ фizioномiи значительность, особенно когда дѣвица сидитъ одна и ни съ кѣмъ не разговариваетъ. Я пробовала это передъ зеркаломъ, но опытъ не удался, и моя новая горничная, которая служила у нѣсколькихъ щеголихъ, говорить, что я дѣлаю гримасы... Я посмѣялась и бросила это! — Папá хотѣлъ непременно, чтобъ я брала уроки на фортепиано у Мейера или Рейнгарда, и училась пѣть новыя Италiянскiя арiи. Хотя здѣсь совсѣмъ не въ модѣ, заставлятъ дѣвицъ играть и пѣть, что говорится, *на показъ*, какъ бываетъ у насъ, но какъ знать музыку непременно надобно, а познанiе опредѣляется искусствомъ учителей, то я беру уроки, и учителя говорятъ, что я имѣю очень хорошия начала. Начала!... Милая Полина! я играла и пѣла въ нашемъ горо-

дѣ въ концертахъ и заглушена была рукоплесканiями, — а здѣсь меня называютъ ученицею! Папá предполагалъ провестъ здѣсь одну зиму, но кажется, что мы останемся и другую. Ему поправилось здѣсь тѣмъ, что онъ всегда можетъ имѣть свою партiю въ вистъ, и что не обязанъ принимать каждаго въ каждую пору. Это помнило его съ дороговизною, а новыя знакомства вознаградили за холодность прежнихъ. Маманъ имѣетъ свой бостонъ — и также довольна, а кромѣ того она утѣшается тѣмъ, что надѣваетъ новомодныя чепцы прежде Губернаторши и Губернской Предводительши, и чтобъ бѣсить ихъ, нарочно пишеть къ нимъ о новыхъ модахъ. Прости, милая Полина, несвязность этого письма. Голова моя такъ полна, что я не знаю, съ чего начать и на чемъ остановиться; обещаюсь акуратно писать къ тебѣ, и увѣдомлю, по твоему желанiю, какъ я провожу время, съ кѣмъ, гдѣ бываю, и расскажу нѣсколько анекдотовъ, безъ которыхъ нельзя жить у васъ. О модахъ также не забуду!

Дай собраться съ мыслями — я право какъ въ чаду! Твоя вѣрная *Тоанста*.

Р. S. Поклонись всѣмъ подругамъ, но мужчинамъ ни одному не говори, что ты получила мое письмо, ни одному изъ нихъ не кланяйся..... даже и *ему*.... понимаешь?... Я имѣю на то свои причины.

Письмо второе.

Поклонись отъ меня, любезная Полина, Замосковному солнцу, которое мы съ тобою такъ часто встрѣчали и провожали. Здѣсь, въ Петербургѣ, оно такой рѣдкій гость, что я цѣлую осень едва нѣсколько разъ его видѣла. Ахъ, какъ грустно, милая, привыкнувъ къ открытому небу, проводить почти восемь мѣсяцевъ въ году въ заперти, то въ комнатахъ, то въ каретѣ, и дышать воздухомъ только у подъездовъ! Ты не можешь себѣ представить, что значить Петербургская осень! Небо безпрерывно покрыто сѣрыми облаками; воздухъ такъ сыръ, что въ немъ должны жить одиѣ рыбы, а на мостовой камни движутся

подъ колесами, какъ клавиши на фортепiano. Если бы не было выдуманно фальшивыхъ причесокъ, то пукли распустились бы при переездѣ чрезъ улицу. Но Петербургскіе жители умѣли вознаградить себя за всѣ неблагоклонности природы: превратили день въ ночь, замѣнили искусственнымъ свѣтомъ, и всѣ произрастенія цѣлаго міра собрали въ своихъ оранжереяхъ и гостининыхъ. Я нигдѣ не видала такихъ прелестныхъ миртовыхъ, померанцевыхъ, лимонныхъ деревъ, какъ здѣсь; нигдѣ не видала такихъ рѣдкихъ и такихъ раннихъ цвѣтовъ, и никогда не ѣла такихъ драгоценныхъ и вкусныхъ плодовъ, какъ въ Петербургѣ. Я уже сказала тебѣ, что Петербургъ есть другой, очарованный міръ, и чѣмъ долѣе живу здѣсь, тѣмъ болѣе утверждаюсь въ этой мысли. Здѣсь только два времени года, трехмѣсячное лѣто, и девятимѣсячная зима съ желтымъ *Предисловіемъ* и зеленоватымъ *эпilogомъ*. Въ круглый годъ можно достать всѣ произведенія природы, все, что цвѣтеть, расти и созрѣваетъ въ четыре времени года во всѣхъ

климатахъ Свѣта! Папа морщится, когда говорить объ этомъ, и утверждаетъ, что эта роскошь поглощаетъ всѣ дворянскія имѣнія, и порождая прихоти, заставляетъ многихъ добывать деньги непозволенными средствами. Я не вхожу въ эти разсужденія, ибо не очень понимаю глубокую мудрость моего папѣ, и напротивъ, восхищаюсь этою возможностью имѣть все по одному слову. Это точно, какъ въ волшебныхъ сказкахъ! Но ничто не можетъ сравниться съ богатствомъ здѣшнихъ магазиновъ! Здѣсь собрано все, что вкусъ и мода изобрѣли въ Парижѣ и Лондонѣ, все, что можетъ удовлетворить желаніямъ, прихотямъ.... Я право не умѣю описать тебѣ того впечатлѣнія, которое произвело во мнѣ первое посѣщеніе магазиновъ! Вотъ я уже отъ осени до половины зимы почти ежедневно бываю въ нихъ, и все еще не могу наѣшиться. Надобно тебѣ знать, что здѣсь обыкновенъ разѣзжаться по утру по магазинамъ, хотя бы безъ дѣла, но только, чтобъ приглядѣться къ новостямъ, встрѣтить знако-

мыхъ, потолковать, узнать что нибудь.... Это родъ прогулки въ дурное время, т. е. три четверти года. Я говорю тебѣ что ѣздить въ магазины безъ дѣла; но можно ли удержаться, чтобъ не купить чего нибудь, когда вездѣ такъ много прелестныхъ вещей! Мои карманные деньги никакъ не держатся отъ этого искушенія; и капиталъ, собранный маманъ отъ женскаго хозяйства, давно уже съѣлъ въ магазинахъ. Право, пельзя воздержаться, милая Полина! Кажется, еслибъ, у меня было столько ассигнацій, сколько листьевъ въ нашей дубовой рошѣ, я бы промѣняла ихъ на милыя бездѣлки, которыми завалены здѣшніе магазины, и жила бы, посреди ихъ, какъ въ раю! — Прелесть! чудо! — Лучшіе магазины — на Невскомъ проспектѣ и въ прилежащихъ къ нему улицахъ. Англійскій магазинъ есть столица всѣхъ магазиновъ. Не знаю, почему онъ называется *Англійскимъ*, ибо въ немъ продаются Русскіе, Французскіе, Нѣмецкіе и всякіе товары, брилліанты и глиняная посуда, золото, серебро, бронза, сталь, же-

льзо, посуда, всё возможные ткани для женскихъ уборовъ и платья, всё принадлежности дамскаго и мужскаго туалета, и вообще, милая, вмѣстѣ съ духами, помадою и кружевами, виномъ, ликёры, горчица и даже салатъ въ банкахъ! Въ нѣсколько посѣщеній, я припоминала всё вещи, видѣнныя мною въ жизни, и все въ немъ находила, Тутъ охотничье ружье, тамъ хлыстикъ, здѣсь рабочій ящикъ, тамъ хрусталь, тутъ кисель, ситцы, тамъ шелковыя ткани, здѣсь мужскія шляпы, тутъ дамскія Италіянскія, здѣсь кожаные чемоданы, ковры, тутъ брилліантовыя вещи и ордена, а тамъ иглы, здѣсь готовое платье, плащи, шинели.... Непостижимое дѣло! Мнѣ кажется, что этотъ магазинъ долженъ называться не Англійскимъ, а *универсальнымъ*. Здѣсь не торгуются въ магазинахъ: сказано слово, и должно платить. Впрочемъ купцы въ магазинахъ всё такіе въжливые, услужливые, такъ хорошо одѣты, и кажется такіе образованные, что торговаться право стыдно, и я всегда краснѣю, когда маманъ, по старой привычкѣ, начинать торговаться. Одинъ изъ

старыхъ знакомыхъ папѣ, который слыветъ большимъ патріотомъ, потому, что не говорить по-Французски, нюхаетъ Русскій табакъ и пьетъ кислыя щи, ужасно сердится за то, что лучшее общество рѣдко посѣщаетъ Гостиный дворъ, а покупаетъ все въ магазинахъ. Онъ говоритъ, что бѣлая часть товаровъ въ магазинахъ все Русскія произведенія, или работа Русскихъ мастеровыхъ. Можетъ быть и такъ, но признаюсь, милая, что я хотя и патріотка, но не люблю покупать въ Гостиномъ дворѣ. Для меня несносенъ этотъ гостинодворскій обычай, зазывать въ лавку. Чуть взглянешь на двери, тотчасъ и заикали: чего прикажите-съ, чего угодно-съ, есть лучшіе товары-съ, мериность-съ, петинеты-съ, шелковыя матеріи-съ, кружева-съ. Войдешь въ лавку, спросишь чего нибудь, начинается раскладка товаровъ, сперва самой низкой доброты, а потомъ постепенно все лучше и лучше, если примѣтять, что знаютъ на товарахъ. Бѣда неопытнымъ! Къ цѣнѣ никакъ нельзя примѣняться; запрашиваютъ въдесятеро и болѣе, торгуются, скла-

дываютъ товары, опять раскладываютъ, то выпускаютъ изъ лавки, то удерживаютъ, то просятъ возвратиться! Настоящая комедія! И точно надобно уметь сыграть свою роль, не показать ни голосомъ, ни движеніемъ, что вещь нравится, — а не то, тотчасъ запросить въ двадцать разъ болѣе настоящей цѣны. А между тѣмъ, пока торгуешься, холодный вѣтеръ продуваетъ насквозь, сырость падаетъ на грудь, и часто должно возвратиться домой съ кускомъ матеріи съ прорѣхами, и съ простудой. Въ магазинъ, напротивъ, никто тебя не беспокоитъ. Товары лежатъ: смотри, любуйся, хочешь купи, не хочешь сядь и отдохни, и не опасайся ни простуды, ни непріятности. Недавно случилось съ одною моею знакомою странное происшествіе. Она присѣла въ лавкѣ, и раздавила бѣлину, который положилъ на стулѣ въ торопяхъ, завтракавшій сидѣлецъ. Другой моей знакомой при выходѣ изъ лавки, икорникъ провѣлъ черту лоткомъ по бѣлому салону! Нѣтъ спора, что въ Гостиномъ дворѣ несмѣтные богатства и множество превосходныхъ това-

ровъ, которые покупаютъ сами магазинщики, и продаютъ дороже. Это истинная правда. Но какая мнѣ до этого нужда! Кто не знатокъ, тотъ въ Гостиномъ дворѣ заплатить дороже нежели въ магазинъ, и притомъ долженъ рыться, какъ на днѣ морскомъ, чтобъ отыскать хорошій товаръ по своему вкусу. Въ магазинъ же все на виду, и вы можете быть увѣрены, что съ васъ не возьмутъ дороже, какъ съ другаго. Нѣтъ! пока наши кунцы не перестанутъ зазывать въ лавку, пока не отучатся подбивать посетителей сначала самыми дурными товарами, и пока не бросятъ привычки запрашивать въ-десятеро, я, при всемъ моемъ патріотизмѣ, не буду ѣздить въ Гостиный дворъ. У меня, послѣ каждаго посѣщенія, цѣлый день раздается въ ушахъ это несносное шиканье; чего угодно - съ, пожалуйста - съ, съ, съ, съ, и наконецъ, это ссссссъ, — такъ мнѣ опротивѣло, что я — ни ногой въ Гостиный дворъ.

Между модными магазинами, есть магазины *въ модѣ*. Магазины вводятъ въ мо-

ду придворныя дамы и вообще высшее общество. Гдѣ болѣе останавливается каретъ, и чье имя чаще слышишь въ разговорахъ о нарядахъ, кто шьетъ на первыхъ особъ, къ тому или къ той всѣ спѣшать. Повернись ли, милая, что надобно имѣть протекцію, чтобъ получить что нибудь изъ моднаго магазина въ модѣ; во время придворныхъ баловъ или вообще, когда много баловъ въ городѣ, тогда нѣтъ и приступу къ моднымъ модисткамъ! Какая спѣсь! что за тонъ! Но за то, въ другое время онѣ смиренхоны, какъ овечки.... Но я расскажу тебѣ это въ другомъ письмѣ. Папѣ кричить, что пора посылать на почту. Должно кончить письмо.... Adieu, ma chère Pauline!

Письмо третье.

Ты вѣрно думаешь, милая, что я, какъ любительница музыки, плаваю здѣсь въ морѣ гармоній, по выраженію модныхъ поэтовъ. Нѣтъ! здѣсь болѣе музыкальнаго шума, нежели истиннаго наслажденія. Въ по-

сту каждый день концертъ, а иногда и по два на день; но мы, побывавъ въ нѣсколькихъ концертахъ, вовсе перестали ѣздить. Все один и тѣ же артисты, которыхъ слышишь въ театрахъ и въ театральномъ оркестрѣ, являются въ концертахъ, поютъ и играютъ старое, давно всемъ извѣстное, или, что гораздо хуже, свои сочиненія (отъ чего Боже упаси!). Къ тому жѣ въ здѣшнихъ концертахъ музыка, кажется, послѣднее дѣло. Артистъ старается о томъ единственно, чтобъ продать какъ можно болѣе билетовъ, а публика посѣщаетъ концерты только тѣхъ артистовъ, которые умѣютъ привлекать болѣе посѣтителей. Въ концертное время во всѣхъ почти домахъ лежитъ куча билетовъ, которые стараются какъ нибудь сбыть съ рукъ. Извѣстно впередъ, въ чьемъ концертѣ будетъ много дамъ изъ высшаго общества, и когда будетъ много мужчинъ. Все это дѣло расчета! Учители музыки, виртуозы, играющіе въ знатныхъ домахъ, покровительствуемые актеры и актрисы имѣютъ свои складочныя мѣста для продажи биле-

товъ, и каждое семейство почитаетъ обязанностью посѣтить концертъ домашняго учителя или концертиста. Родня, знакомые покровителей артиста, также ѣдутъ въ концертъ изъ *лилости*, и всѣ думаютъ о парядахъ, о томъ кто будетъ въ концертъ, а не о музыкѣ. Начало бываетъ въ семь и восемь часѣвъ, а наконецъ иногда въ 11 часовъ. Зала въ домѣ Г. Энгельгардта, о которой я поговорю послѣ, великолѣпная; для публики поставлены кресла безъ номеровъ. Ты думаешь, что кто пришелъ прежде въ залу, тотъ и сѣлъ въ первомъ ряду? Нѣтъ! здѣсь въ концертахъ, говоритъ папá, сбываются слова Писанія: послѣдніе будутъ первыми. Это въ точномъ смыслѣ справедливо. Мы, однажды, пріѣхали въ концертъ рано, и сѣли въ первомъ ряду. Мало по малу всѣ ряды за нами наполнились посѣтителями, и въ залѣ сдѣлалось тѣсно. Передъ нами и эстрадою, гдѣ находится оркестръ, было пространство, по которому расхаживали взадъ и впередъ молодые офицеры и статскіе щеголи, посматривая на всѣхъ въ лорнеты съ

большою храбростію. Стали настраивать инструменты, и мы думали, что уже начинается концертъ, но нѣтъ, вышло не то. Является толпа дамъ, и вотъ бѣжитъ артистъ, который давалъ концертъ, и ставитъ стулья примехонько передъ нами; выступаетъ другая, третья, четвертая, пятая и десятая толпа дамъ; офицеры, музыканты суетятся (правда не кстати), несутъ кресла, и вдругъ мы, бывшіе въ первомъ ряду, очутились въ осьмомомъ! Сперва я думала, что эти дамы болѣе платятъ за мѣста, но послѣ мнѣ растолковали, что это *bon ton* пріѣзжать поздно и что знатная дама именно для того пріѣзжаетъ поздно, чтобъ, обезпокоивъ другихъ и лишивъ мѣста, показать этимъ, что къ ней имѣютъ уваженіе. Досадно до крайности! Однажды мы, не для тону, но будучи задержаны гостями, пріѣхали въ концертъ поздно, и — вообрази себѣ наше отчаяніе, — не только не достали мѣста, но должны были простоять возлѣ молодыхъ мужчинъ, которые преспокойно сидѣли въ креслахъ, и не догадались уступить намъ мѣсть. Это

противорѣчить тому, что я сказала тебѣ прежде о вѣжливости Петербургскихъ кавалеровъ; но я теперь увѣрилась, что они вѣжливы только съ знакомыми и въ частныхъ домахъ. — Право, мы не много потеряли, отказавшись отъ концертовъ! Придворные пѣвчіе не поютъ въ частныхъ концертахъ, и для хоровъ берутъ какихъ-то пискуновъ и крикуновъ. Въ ушахъ шумитъ, какъ вспомню объ нихъ! Это точно пѣсепники сѣзда нашего, судьи, или еще хуже. Между артистами ввелось въ моду играть въ концертахъ непременно свои собственные сочиненія, а что это за галиматья, не могу ни разобрать, ни рассказать тебѣ, хотя играю *à livre ouvert* Гуммеля, Бетговена и Калькбреннера! Ахъ, господа Петербургскіе композиторы! скажитесь надъ нами грѣшными! — Сюда пріѣзжаютъ, однако жъ, всегда почти въ концѣ своего музыкальнаго поприща, лучшіе Европейскіе виртуозы, проводятъ юность въ Италіи, Парижѣ или Лондонѣ. Но Петербургскіе жители, начитавшись въ газетахъ о долговременной славѣ сихъ ар-

тистовъ, весьма хорошо принимаютъ ихъ и платятъ щедро. Это конечно дѣлаетъ болѣе чести сердцу Петербуржцевъ, нежели ихъ слуху; но одно стоитъ другаго.

Другая публичная забава есть Театръ; но кто не имѣетъ абонированной ложы, или знакомыхъ чиновниковъ, тому мудрено попасть въ представленіе хорошей пьесы, особенно въ первый и второй разъ, если дають не въ бенсфисъ, ибо тогда, кто болѣе заплатитъ, тотъ и получитъ ложу. Люди высшаго общества вѣздятъ обыкновенно во Французскіе спектакли и въ первыя представленія Италіянскихъ Оперъ, а въ Русскій Театръ посылають только дѣтей съ няньками, смотрѣть чертей и летающихъ духовъ. Объ Нѣмецкомъ Театрѣ ни слуху, ни духу въ обществахъ! Какъ будто не бывало его *. Но вообще здѣсь болѣе занимаютъ собою и другими посѣтителями Театра, нежели пьесой. Мы съ тобой сами играва-

* Статья эта писана въ 1830 году.

ли на домашних театрахъ, и какъ блаженства жаждали увидѣть столичный Театръ. Вотъ я теперь вполне наслаждаюсь имъ, и до сихъ поръ онъ мнѣ не наскучилъ, можетъ быть отъ того, что балы и вечера часто отъ него отвлекаютъ. Здѣсь же такъ равнодушны къ Театру, что восхищаться имъ почитается ребячествомъ. Тогда только должно хвалить пьесу, когда она понравилась знатнѣйшимъ особамъ: это условіе высшаго общества въ похвалахъ и хуль. Я хотя не смѣю объявлять гласно моего мнѣнія объ актерахъ, но тебѣ признаюсь, что мнѣ кажется сужденіе высшаго общества объ Русскихъ актерахъ несправедливымъ. Русская комическая труппа превосходная, и даже Драмы разыгрываются отменно хорошо, что подтверждаютъ люди просвѣщенные, видѣвшіе лучшіе Театры въ Европѣ. Но, по несчастію хорошіе актеры рѣдко играютъ вмѣстѣ, и отъ того, какъ говорить папá, выходитъ ни рыба, ни мясо. Сравненіе, можетъ быть, нѣсколько грубое, но справедливое. Одинъ хорошій Ак-

теръ, между нѣсколькими учениками безталанными, не только не покрываетъ дурной игры другихъ, но и самъ много теряетъ, а большая часть спектаклей Русскихъ изговлается, точно такъ, какъ хозяйственный обѣдъ: хорошее берегутъ, а щедры на обыкновенное и дурное. Ничего нѣтъ неспоснѣе, какъ игра школьниковъ! Одинъ умный человекъ говорилъ у насъ однажды за столомъ, что вообще всѣ школы Изящныхъ Искусствъ приносятъ мало пользы, отъ того именно, что принимаютъ въ нихъ дѣтей, какъ въ каждую народную школу, и вмѣсто того, чтобы справляться, есть ли у нихъ дарованіе и охота къ искусству, спрашиваютъ объ оспенномъ атестатѣ! Если бѣ изъ всѣхъ училищъ выбрать дѣтей съ особенными дарованіями къ живописи, ваянію или декламации, тогда образовались бы таланты, а не простые *питомцы*, которые питаются казеннымъ хлѣбомъ, для того только, чтобъ научиться посредственно Русской грамотѣ. Примѣръ сказанному Пѣвческій Корпусъ, куда принимаютъ только

тѣхъ дѣтей, которые имѣютъ хорошій голосъ, и отъ того мы имѣемъ хорошихъ пѣвчихъ. — Мнѣ кажется, что это разсужденіе весьма справедливо, и я для того повторяю его передъ тобою, что знаю, какъ тебя занимаетъ все, что относится къ Театру. Французская труппа очень не дурна для Водевилей и малыхъ Комедій, но за то она и не берется за большое, и разыгрываетъ хорошо піески, отъ того, что понимаетъ ихъ. Ахъ, милая, что я должна иногда слышать во Французскомъ Театрѣ! Красиво, горю, не знаю, куда дѣваться, а другія дамы сидятъ преспокойно и какъ будто не слышатъ! Я не понимаю, смѣшны ли эти эквивоки, забавны ли, только они возмущаютъ мою душу... Спросить ни у кого не смѣю, но слышу, что говорятъ, будто Французскій языкъ все терпитъ, и что по-Русски было бы гнусно и нестерпимо, то по-Французски забавно и пріятно. Чудеса! — Должна я молчать и слушать, глядя на другихъ! Въ Италійской труппѣ дѣвицы раздѣляютъ мнѣнія знатоковъ. Мнѣ

кажется, что обѣ они очень хороши, каждая въ своемъ родѣ. Между мужчинами, кромѣ одного баса, нѣтъ отличныхъ талантовъ, но Италійцы вообще мастера своего дѣла, и въ цѣломъ разыгрываютъ Оперы съ большимъ искусствомъ.

Въ утренніе концерты ѣздить въ шляпкахъ, въ вечерніе въ простоволосыхъ уборкахъ, а замужнія въ чепцахъ и беретахъ, точно такъ же, какъ въ спектакли. Платье комнатное-гостинное (*habit du salon*), то есть не домашнее и не бальное, а середина на половинѣ, какъ говорится. На плечахъ хвосты, или эшарпъ, или блондовая косынка. Дѣвицы не носятъ брилліантовъ въ концертахъ, такъ какъ у насъ, въ губернскомъ городѣ. Серьги, пряжка, браслеты должны быть простые, т. е. изъ золота или бронзы, только бѣ по послѣдней модѣ, брелочками (*breloques*) или готической формы. Нѣсколько тяжело, но довольно мило! — Ахъ, душа моя, если бѣ ты взглянула на мою Китайскую прическу! Ужасъ! Вообрази себѣ, что на маковкѣ у меня приколоты подѣ

гребенкой три фальшивые плоскіе шиньона, вышиной съ мою голову, а при этомъ лобъ открыть, пукли взбиты по сторонамъ: смѣшно до крайности, но мило! Въ каретѣ никакъ нельзя сидѣть прямо, и въ дверяхъ магазиновъ я всякой разъ задѣваю моимъ шиньономъ. У васъ вѣрно этого нѣтъ еще въ губерніи, ибо не вездѣ и здѣсь можно достать хорошихъ волосъ. Пожалуйста, милая Полина, не покупай болѣе духовъ па ярмаркѣ. Опрыскиваться духами, mauvais ton, провинциализмъ! Только l'eau de Cologne, eau des Alpes и mille fleurs, позволенные вещи за дамскимъ туалетомъ, но этимъ моются съ водою, а не напрыскиваются, какъ у насъ. Ты знаешь, что я нѣсколько близорука. Папá купилъ мнѣ двойной лорнетъ, и я всегда ношу его. У насъ это почитается фанфаронствомъ, а здѣсь этого даже не примѣчаютъ. Да! я и позабыла сказать о маскарадахъ.... Но вотъ учитель музыки.... до другаго письма — adieu!

Письмо четвертое.

Я бы должна была писать къ тебѣ павлинымъ перомъ, обмакивая въ радугу, чтобъ изобразить разнообразныя ощущенія, которыя восхищаютъ душу мою, любезная Полина! Наконецъ я была на *нарядномъ балѣ*, гдѣ были Министры, Послы, цѣлыя толпы Камергерровъ и Камеръ-юнкеровъ, цѣлые полки офицеровъ, и, какъ говорится *весь городъ*, т. е. все лучшее въ городѣ. Воспоминанія тѣснятся въ головѣ моей, какъ Китайскія тѣни. Прелесть, милая, прелесть! Но сколько было хлопотъ, неудовольствій! Я расскажу тебѣ это.

За три дня впередъ, я поѣхала къ моему Шарлю, знаменитому Парижскому парикмахеру, чтобъ упросить его причесать мнѣ голову въ день бала. Но время было распродано впередъ, по часамъ, и онъ никакъ не соглашался пріѣхать ко мнѣ, хотя я обѣщала заплатить ему втрое, въ четверо! Слезы навернулись у меня на глазахъ, и онъ сжался. Ахъ, какъ добры Французы! Онъ обѣщаль причесать мнѣ

голову въ 4 часа по полудни, т. е., въ то время, когда другія дамы будутъ обѣдать. Тѣ же трудности должна я была преодолѣть въ магазинѣ Сихлеръ: едва, едва упростила ее спить мнѣ бальное платье, и то съ условіемъ, чтобъ я дожидалась до семи часовъ вечера, въ самый день бала. Наконецъ наступилъ этотъ день! Ударило 4 часа — нѣтъ мосе Шарля. Я не отхожу отъ окна, жду полчаса — нѣтъ! Еще четверть часа — нѣтъ! Сердце мое стало сильно биться, слезы невольно лились изъ глазъ. Что будетъ, если мосе Шарль позабылъ, если онъ заболѣлъ, если онъ измѣнилъ слову! Между тѣмъ три посланца уже были отправлены, и въ послѣднюю четверть часа послана была за нимъ наша карета. Наконецъ прекрасная чужая карета подъѣхала къ крыльцу: папѣ засуетился и не вѣлъ принимать безвременныхъ гостей: вдругъ входитъ въ комнату щеголь, передъ которымъ папѣ расшаркался: я не могла удержаться отъ смѣха, это былъ мосе Шарль! Милый, добрый мосе Шарль! Онъ не забылъ меня. Лакей

его внесъ цѣлый коробъ головъ, бантовъ, цвѣтовъ, колосьевъ и проч. и проч. Началась прическа. Подъ пальцами мосе Шарля, волосы мои и чужіе влились въ живописныя формы, какъ развиваются цвѣты въ рукахъ Природы. Три букета, à la trois Grâces на маковкѣ, по три глухія пукли на вискахъ и нѣсколько серебряныхъ цвѣтовъ и колосьевъ, вотъ и вся прическа! Но какъ все это сдѣлано ловко, мило, какъ къ лицу!... Ахъ, любезная Полина, нашему Русскому парикмахеру никакъ бы ни выдумать, ни исполнить половины всего этого, хотя бъ его учили въ какой нибудь Академіи! Даже папѣ полюбили мосе Шарля за его ловкость и вѣжливость. Отъ пяти часовъ я должна была почти не двигаться съ мѣста, чтобъ какъ нибудь не разстроить прически. Ударило семь часовъ — нѣтъ платья! посылаю человека въ магазинъ — отвѣтъ: дошивають; чрезъ полчаса посылаю другаго: отвѣтъ тотъ же; чрезъ часъ, тотъ же! Добрый папѣ идетъ самъ въ магазинъ, и чрезъ часъ привозитъ платье и швею изъ

магазина. Примѣриваемъ, слишкомъ длинно; рукава, которыя должны стоять на плечахъ — опадаютъ: бѣда, сущая бѣда! Посылаемъ карету еще за двумя швеями; начинается работа, и чрезъ два часа, т. е. ровно въ 10 часовъ, я одѣта. Гляжусь въ трюмо: все хорошо, все мило, все на своемъ мѣстѣ. Платье изъ бѣлаго крепа, на бѣломъ атласѣ, убранный газомъ *лисе*, съ бантами изъ газовыхъ одноцвѣтныхъ лентъ съ лоснящеюся и темною полосою. Рукава подняты и сморщены зигзагами, — прелесть! При свѣчахъ, отливается какъ матовое серебро. Перчатки изъ Италіанскаго магазина, шитыя шелками; башмаки отъ Мадамъ Катринъ, милой, ловкой Француженки, которая работаетъ совершенно въ Парижскомъ вкусѣ. Не могу налюбоваться своимъ нарядомъ! Просто, мило и со вкусомъ. Наконецъ ѣдемъ! Вообрази себѣ, добрая моя Полина, что на дворѣ двадцать градусовъ мороза: входимъ на лѣстницу, и, что бы ты думала? вступаемъ въ садъ, цвѣтущій какъ въ Іюль. Тутъ вѣется плющь, тамъ

блестятъ цвѣты сквозь густую зелень..... Вотъ ужъ слышны звуки музыки.... входимъ въ залу..... Какая пестрота, какой блескъ, какое сіяніе! Не это ли Елисейскія поля, или по крайней мѣрѣ, Елисейскія комнаты! Позолота рамъ, карнизовъ, блеститъ сквозь густыя вѣтви миртовыхъ, лимонныхъ, померанцовыхъ деревьевъ; яркія краски гобеленовыхъ обоевъ привлекаютъ зрѣніе, разноцвѣтныя ткани составляютъ своды палатки... Но я не хочу описывать тебѣ ни комнатъ, ни мебели.... Вообрази себѣ что нибудь въ этомъ родѣ изъ Тассова Иерусалима или изъ Тысячи и одной ночи, и ты будешь имѣть понятіе о великолѣпнѣйшихъ комнатахъ. О вкусѣ ни слова! Ни поэтъ, описавшій жилище Армиды, ни Султанша Шехеразада не были въ Парижѣ, следовательно не могли пріобрѣсти изысканаго вкуса въ этомъ дѣлѣ; прибавь къ этому, вкуса XIX столѣтія. Оркестръ прелестьный. Въ нашемъ губернскомъ городѣ мы никогда не слыхивали такихъ музыкантовъ въ концертахъ! Я думала, что буду немного танцовать, не

имѣя никого знакомыхъ кавалеровъ, и приготовилась къ роли зрительницы. Вышло напротивъ. Я была такъ счастлива, что меня безпрестанно приглашали и я наконецъ должна была отказывать. Угадаешь ли ты, Полина, съ кѣмъ я танцовама нѣсколько кадрили? Съ Французомъ! Не подумай однако жъ, чтобъ съ какимъ нибудь гувернеромъ, потому что у насъ въ провинціи, кромѣ гувернеровъ, мы не видали Французовъ въ обществахъ. Нѣтъ, милая, съ Французскимъ Графомъ, съ путешественникомъ, и, какъ мнѣ еще сказали, un voyageur distingué. Онъ хотѣлъ знать, кто я такова, и ему сказали, что я провинціалка. Послѣ этого онъ почти не отставалъ отъ меня, и при всей любезности своей, чрезвычайно смѣшилъ меня своею наивностью. Онъ хотѣлъ вытвердить наизусть названіе нашего города, но никакъ не могъ выговорить. Я обещалась написать ему. Онъ наставлялъ мнѣ тысячу комплиментовъ на счетъ моего Французскаго языка и ловкости въ танцахъ, и клялся, что никогда бъ не повѣрилъ, что

въ отдаленныхъ нашихъ провинціяхъ говорить, одѣваются и танцуютъ, какъ въ Парижѣ! Кажется мнѣ изъ словъ его, что онъ считалъ насъ какими-то медведями, и вѣрилъ, будто въ одномъ только Петербургѣ сосредоточено все Европейское образованіе Россіи. Чудные люди эти Французы! природа создала ихъ любезными, какъ Негровъ черными, а Европейцевъ бѣлыми. Если я разберу все, что этотъ Графъ наговорилъ мнѣ, то признаюсь, что сколько словъ, столько пулей, а все вмѣстѣ одинъ большой пуль: но при всемъ этомъ, разговоръ его былъ заманивъ и пріятеленъ, всѣ фразы такъ круглы, комплименты такъ изъжны!.. Я думаю, если бъ перевести рчи его на Русскій языкъ, то вышла бы суцая глупость. Но Французскимъ языкомъ говорить въ цѣломъ мірѣ тогда именно, когда надобно блеснуть умомъ или не сказать ничего, издержавъ много словъ: такъ мудро ли, что его обработали, выгладили и покрыли лакомъ! Съ кѣмъ и объ чемъ говорятъ по-Русски! Съ мужиками, лакеями, мастера-

выми, а много, много что съ подъячими о дѣлахъ; такъ разумѣется, что изъ него нельзя вытачивать этихъ миленькихъ пулей, и составлять гремучихъ фразъ, которыя такъ пріятно раздаются въ ушахъ. Графъ хочетъ поѣздить по - Россіи и даже побывать въ нашемъ городѣ. Я дамъ ему письмо отъ моего папѣ, къ твоему отцу. Держи крѣпко сердечко, Полина, не влюбись! Графъ похожъ на тѣхъ героевъ-прельстителей, которыми мы восхищались въ Романахъ. Онъ хотя не очень хорошъ лицомъ, но такъ забавенъ, откровененъ, веселъ!... Говорятъ, будто наши Русскіе во всемъ подражаютъ Французамъ. Воля твоя, но наши молодые люди вовсе не похожи на этого Графа. Правда, они такъ же шаркаютъ, такъ же поднимаютъ голову, кланяются, но наши Французики слишкомъ чванны, слишкомъ холодны и поглядываютъ на бѣдный родъ человѣческій съ такимъ презрѣніемъ, какъ будто сами они созданы изъ особой, фарфоровой глины. Нѣтъ, милая! когда я хвалила тебѣ любезность здѣшнихъ кавалеровъ,

то я тогда не видала еще молодыхъ людей высокаго тона, и — не знала Французовъ! Въ такъ называемомъ среднемъ состояніи, молодые люди гораздо любезнѣе, и говорятъ, что они даже образованнѣе, т. е. основательнѣе учились и болѣе читаютъ, хотя многіе изъ нихъ не говорятъ по-Французски Парижскимъ выговоромъ, *avec grasseyement*, но какъ въ полуденной Франціи, не произнося въ носъ буквы *n*. У меня сердце замираетъ, когда *suprême bon ton* подходит ко мнѣ и отпускаетъ фразу, въ родъ комплимента, похожую на гнилое яблоко, упавшее съ верхушки дерева. Кажется, что онъ думаетъ сдѣлать вамъ милость, одолженіе, подаркомъ двухъ, трехъ словъ! Теперь я понимаю, почему такъ дорого платятъ за оригинальныя картины. Рѣшено: съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣла настоящаго Француза, наши Французы мнѣ не нравятся, и по мнѣ, такъ ужъ лучше нашъ кузень Жакъ, съ небритыми усами и топаніемъ въ мазурку по-Варшавски, чѣмъ эти блѣдные конин

Французскихъ Маркизовъ и Графовъ, съ своимъ чваннымъ видомъ!

Я бы хотѣла тебѣ разсказать подробности о балѣ, но не могу. Я была не зрительницею, а дѣйствующимъ лицомъ. Въ промежуткахъ между танцами, я расхаживала по комнатамъ съ нѣкоторыми изъ знакомыхъ дѣвицъ или сидѣла и болтала съ кавалерами о пустякахъ. За длиннымъ ужиномъ я ничего не ѣла кромѣ зелени и плодовъ, и безпрестанно разговаривала съ Французскимъ Графомъ, который сѣлъ возлѣ меня и услуживалъ мнѣ съ необыкновеннымъ усердіемъ. За то, въ котильонѣ я два раза выбрала его. Домой возвратились мы въ шесть часовъ утра. Я сегодня цѣлый день спала, а теперь папѣ и мамѣ сидѣть за виномъ и бостономъ, а я пишу къ тебѣ. Въ головѣ моей все вертится, какъ будто воображеніе съ памятью танцуютъ *галопъ*. Если что нибудь вспомню на досугъ, напишу, а теперь прощай, зовутъ къ чаю! Adieu!

Письмо пятое.

Ты знаешь уже, что въ Петербургѣ нѣтъ ни дворянскаго, ни какого другаго собранія, гдѣ можно было бы сѣзжаться дворянскимъ фамиліямъ. Это удивительно не только намъ, но и всѣмъ иностранцамъ. Сдѣлавъ лишь опытъ, собрать публику въ публичное заведеніе, и еще нельзя рѣшительно сказать, удастся ли это. Цѣлый этажъ огромнаго дома Г-жи Энгельгардтъ, на Невскомъ проспектѣ, отдѣланъ великолѣпнѣйшимъ образомъ и меблированъ съ величайшимъ вкусомъ. Главная зала раззолочена, искусно расписана и украшена прелестнѣйшею ложею для Царской Фамиліи. Здѣсь даются маскарады. Сперва публика бросилась туда, чтобъ осмотрѣть комнаты, но вскорѣ жаръ пролетѣлъ, и, Богъ знаетъ, что бы сдѣлалось съ маскарадами, если бъ Государю Императору не благоугодно было посѣтить оныя, вмѣстѣ съ Августѣйшею Фамиліей. Весь Дворъ, вся знать посѣщали туда же, и вдругъ маскарады сдѣлались блѣдными. Я про-

слезлась отъ умиленія, когда въ первый разъ увидѣла Государя и Государыню въ публикѣ, безъ всякаго церемоніяла, безъ свиты: Они были между народомъ, какъ добрые родители въ кругу своего семейства. Вообрази себѣ, что маски подходили къ Нимъ и мистификовали Ихъ, какъ будто частныхъ особъ! Какая милость, какое снисхожденіе, какое добродушное участіе въ народныхъ забавахъ! Нѣтъ ни одной души въ Петербургѣ, которая бы въ полной мѣрѣ не чувствовала этой благодати нашего добраго Государя.

Свита Турецкаго Посланника также была въ маскарадѣ. Турки едва върили глазамъ своимъ, видя Повелителя обширнѣйшей Имперіи въ мірѣ, весело рассказывающаго между толпами масокъ, дающаго мѣсто дамамъ, и, вмѣсто страха и принужденности, возбуждающаго повсюду радость. Одинъ изъ Турокъ, знающій хорошо Французскій языкъ, спросилъ у Русскаго: «Гдѣ же ты охранители Русскаго Падишаха?» Русскій указалъ на сердце, а Турокъ въ недо-

уміи покачалъ головою. «Кто распоряжается, кто наблюдаетъ здѣсь за порядкомъ?» спросилъ удивленный Турокъ. «Вездѣ здѣсь такое устройство, такое благочиніе, что трудно постигнуть, чѣмъ управляется народъ Русскій.» — «Любовію,» отвѣчалъ Русскій. — «То же самое чувство, которое руководитъ Русскаго на полѣ брани, управляетъ имъ во время мира: любовь къ Царю и уваженіе къ властямъ, отъ него поставленнымъ.» — Турокъ пожалъ плечами и отвѣчалъ: «Правда, только одна любовь можетъ произвести подобныя чудеса! Нигдѣ нѣтъ болѣе страха, какъ у насъ, однако жъ нигдѣ нѣтъ болѣе безпорядковъ и неповиновенія.» — Я сама слышала этотъ разговоръ Турка съ однимъ изъ здѣшнихъ Журналистовъ.

Другіе иностранцы, отдавая намъ, Русскимъ, справедливость за многія похвальныя качества, недовольны тѣмъ, что мы не умѣемъ веселиться въ публичныхъ заведеніяхъ. Правду сказать, въ тѣхъ маскарадахъ, въ которыхъ не было Царской Фамиліи, было довольно скучно. Танцевъ нѣтъ, характер-

ныхъ масокъ весьма мало, и все довольствіе состоитъ въ томъ, чтобъ прохаживаться по комнатамъ или сидѣть на стульяхъ и смотрѣть на передвигающіяся толпы. Сверхъ Пчела упрекнула публику въ угрюмости, и пригласила ее веселиться, какъ въ другихъ столицахъ, а какой-то квасной патріотъ возразилъ въ другомъ Журналѣ, что угрюмость въ публичныхъ забавахъ означаетъ *гостепріимство*, и что лучше сидѣть дома, дремать или проигрывать въ вистъ по сту рублей въ вечеръ, чѣмъ платить по 10 рублей за входъ въ маскарадъ! *Chacun a son goût.*

Папá рассказывалъ мнѣ, что въ старые годы, высшее общество собиралось партіями, чтобъ кататься въ саняхъ за городъ, и проводить вечеръ на какой-нибудь дачѣ, гдѣ устроены были горы, иллюминація; протанцовавъ за полночь и поужинавъ, общество возвращалось въ городъ. Нынѣ объ этомъ не слышно.

Ты знаешь страсть мою къ Литературѣ. Папá также любить, и какъ истинный патріотъ, желаетъ успѣховъ Русской Слове-

спости. Мы хотѣли собирать въ нашемъ домѣ Литераторовъ, но не успѣли въ этомъ. Не взирая на то, что всѣхъ Писателей въ Петербургъ едва соберется дюжина, все они враждуютъ между собою, и тотъ, чьи сочиненія раскупаются публикою, бываетъ предметомъ ненависти своихъ собратій, и долженъ прятаться передъ ними, какъ заяцъ передъ гончими. Это наводитъ грусть! Въ высшемъ обществѣ не говорятъ о Русской Словесности, развѣ тогда только, когда Авторъ въ значеніи или имѣетъ сильное покровительство. Тогда пріиди онъ вздоръ — все будутъ кричать, разумеется, не читая: *c'est charmant! délicieux!* Вѣрь, милая, что въ провинціяхъ гораздо лучше цѣнятъ произведенія Словесности, и судятъ объ Авторахъ, потому что судятъ не о лицахъ, а о трудахъ.

Мнѣ весьма нравится, что въ Петербургъ не наряжаются въ церковь, какъ на балъ, и изъ Христіанской обязанности не дѣлаютъ парада, какъ у насъ въ губернскомъ городѣ. Каждое семейство ѣдетъ въ церковь

въ обыкновенномъ нарядѣ, не ищеть виднаго мѣста, и не ждеть на паперти съ тѣмъ, чтобъ блеснуть экипажемъ. Въ постъ высшее общество говѣетъ дома, призывая священника, или въ домашнихъ церквахъ. Вообще благочестіе вовсе не смѣшано здѣсь съ свѣтскостью, какъ въ провинціяхъ.

Мы нѣсколько разъ удивлялись съ тобою страсти молодыхъ людей къ военной службѣ. Ахъ, милая! Если бъ ты хоть разъ видѣла гвардейскій парадъ, то постигла бы эту страсть! Вообрази себѣ цѣлыя тысячи героевъ, исполиновъ, стройно двигающихся по одному мановенію, одѣтыхъ съ необыкновеннымъ вкусомъ и такихъ ловкихъ, что мнѣ вѣрить не хочется, будто это тѣ самые люди, которыхъ у насъ отдають въ рекруты. Офицеры скачутъ на Англійскихъ лошадяхъ, рисуются и по неволѣ привлекають вниманіе ловкостью, богатствомъ наряда. Признаюсь, что послѣ этого, на штатскаго смотрѣть какъ-то не хочется!

Знаешь ли, что я замѣтила? Дамскія моды всегда идутъ за покроемъ военныхъ

мундировъ, какъ будто нарочно для того, чтобъ показать, что дамы предпочитаютъ военныхъ. У меня есть собраніе модныхъ Журналовъ отъ начала Французской революціи, и я однажды занялась сравненіемъ модъ съ покроемъ мундировъ, въ чемъ пособилъ мнѣ кузень мой, Ротмистръ гвардіи. Когда талии въ дамскихъ платьяхъ были высоки, тогда именно талии въ мундирахъ были коротки. Когда при мундирахъ были высокіе воротники, тогда дамы носили стоячія шейкетки. Когда дамы носили шлейфы или хвосты, тогда мундиры были длинны. Головные дамскіе уборы всегда сообразуются съ военными шлемами, киверами, уланскими шапками. Напримѣръ: нынѣ рукава у мундировъ дѣлаются сверху широкіе, а къ кисти узкіе, и дамы также носятъ подобные рукава, только преувеличили до такой степени, что по неволѣ стали называть ихъ à l'imbécille. Замѣть еще что съ тѣхъ поръ, какъ военные въ цѣлой Европѣ начали носить эполеты, на дамскихъ рукавахъ всегда нашивается что-то похожее на эполеты. Вотъ

видишь ли, что по неволѣ должны предпочитать военныхъ, хотя бы по одному сходству въ туалетныхъ законахъ!

Ты знаешь, что добрый мой папá, хотя не только что любить маманъ, но даже слушается ея во всемъ, однакожъ привыкъ жить особо, т. е. ѣздить куда вздумается и проч. Теперь настала мода, чтобъ мужъ съ женой непременно показывались вмѣстѣ въ Театръ, на прогулкахъ, и даже въ экипажѣ. Это чрезвычайно не нравится папá, и онъ сердится, когда долженъ быть женскимъ ассистентомъ, какъ онъ говорить. Всесильная мода соединила супруговъ, которые лѣтъ двадцать видывались только въ гостяхъ. Теперь они непременно расхаживаютъ по тротуару Невского проспекта, взявшись подъ руки и, можетъ быть, находить удовольствіе въ этомъ обновленномъ знакомствѣ. Намъ показывали нѣсколько десятковъ паръ этихъ супруговъ, разлученныхъ и соединенныхъ модою. Говорятъ, однако же, что многіе не рады этой модѣ, и желаютъ, чтобъ наступила противоположная.

Что-то будетъ послѣ поста: теперь все тихо и смирно. Въ модахъ, безъ сомнѣнія, будетъ перемѣна, а въ забавахъ, думаю, все останется по прежнему. Для разсѣянія, намъ совѣтуютъ осмотрѣть любопытныя заведенія столицы, о которыхъ мы еще не подумали. Говорятъ также, что лѣтомъ начнется другая жизнь. Увидимъ! Теперь отъ скуки я учусь рисовать цвѣты на деревѣ, которое потомъ покрывается лакомъ. Эта работа въ модѣ. Скоро я пришло тебѣ ящичекъ моего руководья. Я выучилась рисовать въ 15 уроковъ, по 10 рублей. Въ деревнѣ мы займемся этимъ, и разрисуемъ мебели для моей и твоей комнаты. Adieu!

Письмо шестое.

Ты знаешь, милая Полина, что Петербургскій обычай повелѣваетъ каждому порядочному семейству переѣзжать на дачу. Отъ знатнаго барина и богатаго купца, до мелкаго чиновника и конторщика, каждый выѣзжаетъ на дачу, съ половины Мая. Па-

на прочесть намъ длинную мораль на счетъ этой роскоши, облызавшей почти каждого жителя столицы имѣть два собственныхъ дома, или двѣ квартиры, и кончилъ тѣмъ, что нанялъ дачу на Антекарскомъ острову: очень порядочный домикъ, съ садомъ, т. е. нѣсколькими десятками березовыхъ, рябиновыхъ и липовыхъ деревъ и мѣстечкомъ для цвѣтовъ. Здѣшніе загородные домики, или дачи, отдаются въ наемъ безъ мебели, и такъ намъ надлежало перевозить нашу мебель изъ города, и это чрезвычайно разгнѣвало папѣ, потому, что нѣсколько лучшихъ мебели повреждено и два зеркала разбито, при перегрузкѣ съ телегъ на барки. Наконецъ надлежало призывать обойщика для уборки оконъ, придѣланія маркиза, и холстяного навѣса надъ крыльцомъ, для защиты отъ солнца; надлежало закупить множество цвѣтовъ, для украшенія крыльца, балкона и мѣстницы, также починить кое-что въ домѣ, въ кухнѣ, и такимъ образомъ дача пришлась намъ почти во столько же, какъ городская квартира. Но, за то, какъ

весело жить на дачѣ! Каждый вечеръ въ окрестностяхъ тма экипажей; на всѣхъ дачахъ, особенно на Елагинѣ, Каменномъ и Крестовскомъ островахъ, множество пѣшиходовъ; толпы стремятся изъ одного мѣста въ другое, чтобъ встрѣтиться; каждый хочетъ угадать, гдѣ болѣе гуляющихъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстія, куда собираются. — Въ воскресные и праздничные дни на Крестовскомъ острову бываетъ общее городское гулянье, куда чиновникъ, купецъ и мастеровой спѣшатъ съ своими семействами, какъ будто по должности. Здѣсь играетъ тогда музыка. Съ Крестовскаго переходятъ на Елагинъ, на Каменный острова, а нѣкоторые даже, на Строганову дачу, и оттуда уже разъѣзжаются по домамъ или на вечеръ, въ гости. Городъ пустѣетъ, а особенно послѣ обѣда, въ хорошую погоду; все народонаселеніе кружить по окрестностямъ. Създвѣвъ нѣсколько разъ въ городъ съ дачи, добрый мой папѣ пересталъ сердиться, и забывъ издержки, которыя онъ почиталъ сперва вовсе излишними. Непо-

вѣришь, милая, что дѣлается въ городѣ при малѣйшемъ вѣтрѣ! Облака пыли засыпаютъ съ ногъ до головы, и если бѣ даже согласиться развѣзжать въ каретѣ, съ поднятыми стеклами въ удушливый зной, то и такъ не защитишь себя отъ мелкой пыли. Это превращеніе Петербургскихъ улицъ въ Африканскую степь происходитъ отъ того, что при моцненіи ихъ, камни покрываютъ слоемъ мелкаго песку. Намъ сказывали, что въ другихъ Европейскихъ городахъ, гдѣ земля не такъ рыхла, или гдѣ мостятъ на фундаментѣ, улицъ не посыпаютъ пескомъ, напротивъ того, смѣтаютъ пыль съ камней и поливаютъ ихъ водою, и что отъ этаго нѣтъ тамъ такой ужасной пыли. Кромѣ того на Невскомъ просекѣтъ, въ Большой Морской, и нѣкоторыхъ другихъ улицахъ, подвѣлены шоссе, на которыхъ, не взирая на частую поливку, поднимается не-сноснѣйшая пыль. У папѣ заболѣли глаза, и мы двухъ нашихъ слугъ отправили въ Глазную Лечебницу, которая недавно здѣсь заведена, и весьма кстати. До сихъ поръ

я замѣтила одно неудобство лѣтней жизни Петербургской, именно — эту пыль.

Если мы не ѣдимъ въ гости, то я нереодѣваюсь только три раза, на утреннюю прогулку, къ обѣду, и на вечернюю прогулку. Въ этомъ костюмѣ ѣду и въ маленький Театръ, на Каменномъ острову, который, какъ вѣнція родился и созрѣлъ въ одну весну. Если мы ѣдемъ куда нибудь на вечеръ, то, разумеется, что я переменяю костюмъ послѣ Театра. Для верховой ѣзды у меня прелестная амазонка, изъ зеленаго дра-де-дамъ, и круглая мужская шляпа, безподобнѣйшая! При амазонкахъ носятъ также что-то въ родѣ мужскихъ галстуховъ; этотъ галстухъ съ бантикомъ, говорятъ, мнѣ очень къ лицу. Я воспользовалась временемъ въ посту, и каждый день брала уроки верховой ѣзды. Мой берейтеръ увѣряетъ, что я прекрасно сижу на лошади. Я чрезвычайно люблю ѣздить верхомъ, но, по несчастію, это рѣдко случается, потому что не съ кѣмъ развѣзжать. Офицеры лѣтомъ въ лагерь или на маневрахъ, а наши

статскіе щеголи такіе нѣженки, что бояться съѣсть на лошадь! Вообще, нельзя надѣяться, что нашъ воинственный народъ во все отсталъ отъ гимнастическихъ упражненій, и за это папѣ страшно вооружается противу циничнаго поколѣнія. Онъ говоритъ, что во Франціи, а особенно въ Англіи, каждый благовоспитанный юноша, знатнѣйшей фамиліи, непременно долженъ отлично биться на шпагахъ, стрѣлять искусно въ цѣль, ловко ѣздить верхомъ, играть въ мячъ, плавать, кататься на конькахъ, и т. п. Отъ этого, говорить папѣ, Французы и Англичане здоровы, сильны, ловки; а наши молодые богачи отъ дѣтства не знаютъ другаго гимнастическаго упражненія, кромѣ шарканья и качанья въ каретѣ, садятся за карточные столики, когда бы надлежало имъ сидѣть еще за учебнымъ столомъ, и отъ того на сѣверѣ, въ древнемъ отечествѣ богатырей, молодые баричи едва ли не нѣжище барышень. Ничего нѣтъ сопосибе, какъ нѣженка! Смѣлость, ловкость даже удалство гораздо болѣе правятся, чѣмъ

эта приторная, жеманная нѣжность, и потому не мудрено, что женщины предпочитаютъ военныхъ, штатскимъ, которыхъ въ шутку называютъ здѣсь *рябчиками*. Ужъ точно рябчики, да еще мокрые! Я бы ни за что не захотѣла имѣть мужа, который бы кутался отъ каждаго вѣтерка, подобно улиткѣ, и не умѣлъ иначе переноситься съ мѣста на мѣсто, какъ на Англійскихъ рессорахъ. Мужчина созданъ, чтобъ быть покровителемъ женщины, а у насъ почти выходитъ напротивъ.

Въ примѣръ изнѣженности нашего юношества, расскажу тебѣ анекдотъ объ одномъ изъ нихъ, выкормленномъ, по модѣ, за границею. Возвратясь изъ чужихъ краевъ, онъ былъ позванъ на обѣдъ, къ одному изъ своихъ родственниковъ, человеку богатому и хлѣбосолу. Это было во время масленицы. Обѣдъ начался Русскими щами. Русскій иностранецъ хотѣлъ выказать свой патріотизмъ, и выкупалъ цѣлую тарелку народной яствы. Потомъ подали блины. Первый блинъ онъ съѣлъ съ удовольствіемъ,

но другой, по словамъ papà, *доконалъ* его, въ наказаніе за презрѣніе къ отечественному. Русскому иностранцу сдѣлалось дурно, и онъ чуть не умеръ, на рукахъ своего Доктора, который повсюду слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь, съ подвижною аптекою. Но что бы было, говорить съ гнѣвомъ papà, если бы такимъ витязямъ надлежало выступить въ поле, на защиту отечества! Противу нихъ не надобно было бы ни пуль, ни ядеръ: ихъ переморили бы блинами! Маманъ всегда въ хлопотахъ, когда къ намъ прѣзжаетъ къ обѣду нѣсколько баричей; они клюютъ, какъ чижики съ тарелки, осматриваютъ каждый кусочекъ... Неспоно! то ли дѣло офицеры!

Въ самое знойное время, здѣсь въ 9 часовъ вечера такъ холодно, что кто не привыкъ, тотъ легко можетъ простудиться, если пренебрежетъ запасться верхнею одеждой. Пары, поднимающіеся отъ болотистыхъ острововъ и отъ воды, до такой степени напаяютъ воздухъ сыростью, что она ощутительна на дра-де-дамъ и даже на ме-

риносѣ. Ночи, почти всегда, холодны, кромѣ Іюня и половины Іюля, а съ 15 Августа уже нестерпимо жить на дачѣ, и должно переезжать въ городъ. И такъ лѣто продолжается въ Петербургѣ только три мѣсяца, съ 15 Мая по 15 Августа! Мнѣ грустно, когда я подумаю объ этомъ. Конечно балы, вечера и театръ могутъ замѣнить удовольствіе прогулки, но они никогда не сближаютъ такъ, не дружатъ, какъ сельскія забавы. Человѣкъ какъ-то смѣяе подъ открытымъ небомъ, и я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ этикетной жизни, которая мнѣ кажется для того выдуманна, чтобъ прикрыть глупость однихъ, и укоротить умъ другихъ. Для всѣхъ выдуманы одинъ костюмъ, одни приемы и даже однѣ рѣчи, одинъ образъ изъясненія, чтобъ умъ не могъ заглушить глупости. А знаешь ли что? Въ свѣтъ простить скорѣе отступленіе отъ правилъ нравственности, чѣмъ отъ правилъ этикета. Мы часто встречаемся въ свѣтъ съ дамами, о которыхъ рассказали маманъ, Богъ знаетъ что; но онѣ не только принимаютъ,

но даже приглашаются всюду, въ слѣдствіе законовъ этикета, и потому что соблюдаютъ сіи законы.

Трехъ - мѣсячное лѣто смягчаетъ сіи строгіе законы, и даетъ болѣе свободы свѣтскимъ людямъ. Подъ предлогомъ житья на дачѣ, можно приостановить обыкновенные визиты, посѣщенія въ извѣстные дни, и отложить до переезда въ городъ множество свѣтскихъ обязанностей. Въ городѣ, т. е. въ магазины, ѣздить почти въ неглиже. Въ лѣтнее время, болѣе нежели когда нибудь, говорить о погодѣ. Это неисчерпаемый источникъ для выказанія памяти и краснорѣчія! Кажется, будто люди здѣсь не что иное, какъ барометры. Съ величайшею подробностію каждый рассказываетъ перемѣну погоды, съ минуты на минуту, и это называется *конверсацией*, точно такъ же, какъ наши сельскіе дворяне толкуютъ безпрерывно о своихъ собакахъ и урожаяхъ. Дамы, напротивъ того, въ лѣтнюю пору любятъ говорить о цвѣтахъ и о природѣ, и съ такою приторною нѣжностью, что я часто

едва могу держаться отъ смѣха. Второй предметъ въ разговорахъ: гдѣ кто былъ, что видѣлъ и проч. и проч. *Toujours perdrix, toujours perdrix!* Папѣ купилъ мнѣ на биржѣ попугая, который прекрасно произноситъ нѣкоторые слова. Я надѣюсь, что если онъ побудетъ годъ въ нашей гостинной, то, право, будетъ говорить не глупѣ насъ. Дорого бы я заплатила, чтобъ ты была здѣсь, милая Полина! Здѣсь очень хорошо, но холодно душѣ. Каждый и каждая смотритъ на другаго и на другую, какъ на соперника или соперницу, и опасается, чтобъ не отбили мѣста, выгоднаго дѣла, жениха, невесты.... Я еще не привыкла къ этому. До другой почты!

— № XV. —

ВЕЛИКІЙ МУЖЪ НА МАЛЫЯ

ДѢЛА,

ИЛИ

**РУССКІЙ ФАШОНЕБЪ НАШЕГО
ВРЕМЕНИ.**

Фанфаронство есть клеймо мелкаго ума и тщеславія на бездушномъ существѣ, которое непременно хочетъ обращать на себя вниманіе свѣта. Во всѣхъ званіяхъ и сословіяхъ, отъ кучера до купца, и отъ купца до вельможи, находятся фанфароны своего ремесла, которые болѣе говорятъ, нежели дѣлаютъ, и болѣе хвастаютъ, нежели говорятъ.

Но эссенція всѣхъ возможныхъ фанфаронствъ сливается въ существѣ, называемомъ по-Английски *фашонебъ* (fashionable), который, по роду своей жизни и по своимъ занятіямъ, не принадлежитъ ни къ какому званію, ни къ какому извѣстному сословію, и составляетъ существо особое, отдѣльное (*un être isolé*), ибо поступившій въ фашонебли не есть уже звено въ цѣпи свѣтской іерархін, а между тѣмъ не есть также и членъ какого нибудь особаго сословія: это созданіе есть плодъ нашего времени, плодъ кислый и неароматическій, возлелѣанный буйными и бурными событіями современной сороколѣтней Исторіи Европы, возросшій въ парникахъ моднаго воспитанія, и упитанный испареніями безмозглыхъ головъ, которыя вѣрятъ, что имъ суждено управлять міромъ. Исторія не говорить, были ли у насъ фанфароны при древнихъ Царяхъ; но если были, то вѣроятно ихъ фанфаронство обнаруживалось удалствомъ и молодечествомъ въ рукопашныхъ бояхъ, въ охотничьихъ схваткахъ и въ управленіи лошадыю. Со времени введе-

нія въ Россію Европейской образованности, съ тѣхъ поръ, какъ у насъ вошло въ обычай перенимать все, относящееся къ иностранному образу жизни, вошло, разцвѣло и расплодилось фанфаронство на землѣ Русской, посѣянное заѣзжими искателями приключеній, и наконецъ оно утвердилось у насъ усерднымъ попеченіемъ Русскихъ странствующихъ рыцарей, которые, проводя всю жизнь въ чужихъ краяхъ, привозили въ Россію только для заложенія или для распро-
дажи наслѣдія предковъ. — Отъ кончины Петра Великаго до восшествія на Престолъ Екатерины Второй, образцами фанфаронства служили намъ Нѣмецкіе Бароны, которые, гордясь древностію рыцарскаго своего происхожденія, хотѣли казаться рыцарями въ свѣтской жизни, и храбрились не въ бояхъ и не въ турнирахъ, а на пирахъ, въ пуншевомъ и табачномъ дымѣ. Когда же Германское Дворянство обратилось къ Научамъ и скромной жизни, мы взяли за образцы Французскихъ Маркизовъ Двора Людовика XV, и съ царствованія Екатерины

Второй до начала нынѣшняго вѣка, шли по ихъ слѣдамъ съ величайшею точностію, и такъ искусно ихъ передразнивали, что они сами иногда ошибались, принимая копіи за оригиналы. Утонченная вѣжливость при самомъ расчетливомъ эгоизмѣ, грубый развратъ подъ покровомъ любезности, безпечности, веселости, невѣжество подъ лакомъ остроумія, безвѣріе въ философской мантіи, безсовѣстность подъ маскою рыцарской откровенности — все это мы видѣли на Руси, въ той же силѣ и въ томъ же цвѣтѣ, какъ въ Версали и въ Трианонѣ. — Наши Русскіе щеголи и фанфароны того времени были столь же милы, столь же любезны въ обществахъ, какъ и Французскіе Маркизы, въ равной мѣрѣ развратны и презрѣнны, и если наши фанфароны не принесли столько зла отечеству, какъ Французскіе, то это отъ того, что нашихъ было менѣе числомъ, и что ихъ вліяніе не было ощутительно въ низшихъ сословіяхъ. Наступило наше время, и духъ фанфаронства принялъ на себя новую форму. Копіи старинныхъ Французскихъ Мар-

кизовъ валятся одна за другою въ могилу; малое число оставшихся въ живыхъ, не имѣвъ никогда опредѣленнаго характера, колебалось въ своихъ правилахъ, а новые рыцари моды и фанфаронства безспорно овладѣли миѣніемъ пустоголоваго и пустосердечнаго юношества. Переворотъ совершился!—

Для описанія фанфарона и щеголя нашего времени, беру за образецъ пріятеля моего, Балбѣсова, который, отчаяваясь приковать къ себѣ на долгое время вниманіе публики своими бакенбартами, галстукомъ и покроемъ сюртука, самъ просилъ меня однажды, чтобъ я засвидѣтельствовалъ изустно и печатно, что въ его лицѣ сосредоточены Парижскій романтическій франтъ *новой Франціи* (de la France nouvelle) и Англійскій *фашонебль* изъ сословія Тори. Тактъ, любезные читатели, въ наше время пельзя уже копировать одного народа, а надобно уметь поддѣлываться подъ вычурство по крайней мѣрѣ двухъ націй, совершенно различныхъ между собою правами и обычаями! — Сколько надобно искусства, сколько лег-

коумія, сколько терпѣнія, для преодоленія трудностей, встрѣчающихся при насильственномъ соединеніи самыхъ рѣзкихъ и отанчительныхъ глупостей трехъ народовъ! Сколько времени надобно для достиженія совершенства въ обезьянствѣ! Пріятель мой, Балбѣсовъ, преодолѣвъ все сіи трудности, употребивъ на это всю жизнь свою, отъ пятнадцатилѣтняго до тридцатилѣтняго возраста, и дошелъ до такого совершенства, что въ немъ нѣтъ ни виду, ни духу Русскаго, и онъ теперь есть родъ кастрюли, въ которой подогрѣвается Англійскій бифштексъ въ смѣси съ Французскимъ папшетоу и Нѣмецкимъ бутербротомъ. — Посмотримъ, что Балбѣсовъ занялъ у каждаго народа.

Англійское дворянство богато и бросаетъ деньги для удовольствованія своихъ пріхотей; Балбѣсовъ также никогда не торгуется и *беретъ въ долгъ* вещи, не спрашивая о цѣнѣ; а если у него есть наличныя деньги, то онъ, не страшась тюрьмы, (въ которую такъ легко попасть Англичанину), упилачиваетъ *часть долга* только модному порт-

ному и купцу, торгующему модными товарами, а остальные бросает на вѣтеръ, съ такою же безпечностью, какъ Англійскій Лордъ, имѣющій сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода. Англичане народъ флегматическій, холодный, осторожный въ житейскихъ сношеніяхъ, несообщительный, не легко изъясняющій свои чувствованія, и потому Балбѣсовъ умѣлъ дать лицу своему видъ безчувственной маски. Онъ никогда не хохочетъ, никогда даже не усмѣхается, а дѣлаетъ только гримасу губами, когда надобно улыбнуться презрительно. Говоритъ онъ мало, и то сквозь зубы, не смотря на того, къ кому относится или кому отвѣчаетъ, и если что рассказываетъ, то протяжно, монотонно, какъ бы самъ скупая обязанностью расканиши. Онъ не изъясляетъ другимъ образомъ своихъ ощущеній, какъ только пожатіемъ руки и движеніемъ головы въ разныя стороны, никогда и никому не кланяется, а также киваетъ только головою; если же встрѣтится съ человѣкомъ, которому должно поклониться, то отворачивается и смотреть въ

сторону какъ будто ни примѣчая ничего предъ собою. — Британская гордость вошла въ пословицу, а въ слѣдствіе сей пословицы пріятель мой, Балбѣсовъ, поднялъ носъ превыше всего міра и человечества, ходить и сидѣть не иначе, какъ перевала голову назадъ, и бросаетъ на міръ и на человечество, съ своего *надноса*, холодные взгляды презрѣнія. Сіе - то выраженіе *холоднаго презрѣнія ко всему* есть отличительная черта характера, фізіономіи и другихъ приемовъ фанфароновъ нашего времени, точно такъ же, какъ фанфаронство прошло въка отличалось любезностью и желаніемъ нравиться. Каждый Англійскій Лордъ, каждый Французскій Перъ и каждый Нѣмецкій Князь непременно должны путешествовать, по крайней мѣрѣ по Італіи и по Франціи, для пріобрѣтенія поверхностныхъ свѣдѣній въ Искусствахъ и для изученія техническихъ выраженій по части Художествъ, чтобъ, возвратясь въ отечество, слыть знаткомъ-любителемъ. Не знаю, какимъ образомъ пріятель мой, Балбѣсовъ, научился

техническимъ выраженіямъ и проглотилъ нѣсколько готовыхъ сужденій о Художествахъ; но онъ судить обо всемъ во сто разъ рѣшительнѣе Ангійскихъ Лордовъ, Французскихъ молодыхъ Перовъ и Нѣмецкихъ Князей, а какъ знатокъ - любитель долженъ быть строгъ въ сужденіяхъ, то Балбѣсовъ ничего никогда не хвалитъ и ничѣмъ не восхищается, чтобъ этимъ доказать, что онъ видѣлъ лучшее. Спрашиваютъ ли его мнѣнія о талантѣ новой пѣвицы, актрисы, музыканта или о достоинствѣ картины, статуи, то хотя бы Балбѣсовъ не слышалъ и не видалъ того, о чемъ его спрашиваютъ, онъ рѣшительно отвѣчаетъ, что все это весьма дурно и не стоитъ того, чтобъ терять слова. Исключеніе изъ общаго правила бываетъ въ такомъ только случаѣ, когда артистка хороша собою, или, по крайней мѣрѣ, не дурна и молода, когда появляется въ нашу столицу съ рекомендательными письмами къ особамъ высшаго общества, и, встрѣтившись съ Балбѣсовымъ, просить о покровительствѣ, — тогда, хотя бы она пѣла,

какъ коза на привязи, а въ Драматическомъ Искусствѣ стояла ниже актеровъ собачей комедіи, Балбѣсовъ ворчитъ сквозь зубы: *c'est charmant!* и бранитъ публику, воздающую артисткѣ по достоинству. Произведенія Художествъ Балбѣсовъ хвалитъ тогда только, когда они принадлежать людямъ, которые ему нужны.

Отъ Французовъ Балбѣсовъ заимствовалъ языкъ, и онъ ни съ кѣмъ не говоритъ по-Русски, если крайняя необходимость не принуждаетъ его къ сему насильственному перелому своей привычки. По-Французски онъ произноситъ превосходно. — Только утонченный Парижанинъ можетъ распознать, что Балбѣсовъ не природный Французъ, и онъ легко могъ бы притвориться, даже передъ Парижаниномъ, что онъ Французъ, рожденный и воспитанный въ провинціи, вѣкъ стѣнь Парижа, т. е. Французъ *extra muros*. — Въ образъ жизни Балбѣсовъ подражаетъ въ точности молодымъ Французамъ хорошихъ фамилій, праздно-шатающимся въ Парижскихъ обществахъ, до тѣхъ

поръ, пока какойнибудь возвысившійся родственникъ или покровитель фамилии не выдернетъ ихъ изъ толпы, и не броситъ на дипломатическое поприще. Въ ожиданіи будущаго величія, они ищутъ наслажденій въ свѣтъ, и, подобно охотникамъ бить мухъ, гоняются за каждою минутою своей жизни, какъ за мухою, чтобъ прихлопнуть ее. — Балбѣсовъ просыпается въ 11 часовъ утра, и звонитъ своего камердинера. Тотъ является съ зеркаломъ, небольшимъ умывальникомъ, щеткою и гребеночкой; первый взглядъ Балбѣсова — въ зеркало, первая мысль о своихъ бакенбартахъ. Разсмотрѣвъ наружность своего лица, расчесавъ бакенбарты, встрѣпавъ волосы, Балбѣсовъ съ медицинскою важностію разсматриваетъ свой языкъ, скребетъ его, морщится, спрашиваетъ, принесены ли пилюли, прописанныя за недѣлю — и не принимаетъ ихъ. Камердинеръ идетъ за завтракомъ, а Балбѣсовъ между тѣмъ вытягивается въ постель, беретъ снова свое круглое зеркало и любитъ собою, то улыбаясь, то морщась, то принимая видъ

холодный, то щуря глаза, словомъ, повторяя всѣ гримасы, которыя онъ перенялъ, долженъ сохранить и передать своимъ последователямъ. Въ это время воображеніе его, согрѣтое воспоминаніями вчерашняго дня, начинаетъ строить воздушные замки. Балбѣсовъ мечтаетъ о женитбѣ, о возвышеніи... Ему вчера улыбались, съ нимъ говорили ласково... тетюшка его отличена, принята милостиво... Дядя получилъ важное порученіе.... Горизонтъ воображенія Балбѣсова покрывается блескомъ, въ родѣ сѣвернаго сіянія, при сихъ сладкихъ воспоминаніяхъ. Онъ избираетъ себѣ невѣсту между дѣвицами первыхъ семей, назначаетъ себѣ Посольство... и — улыбается... Потомъ насвистываетъ аллегро изъ Россіи; потомъ еще разъ поглядываетъ въ зеркало, и громко призываетъ камердинера. Весело встаетъ Балбѣсовъ съ постели, но тяжесть въ головѣ и дурной вкусъ во рту наводятъ на него грусть. Бѣдненькій провелъ десять ночей сряду на балахъ, и двадцать два дни объѣдался жирными паштетами и крепкими

соусами. Докторъ предписываетъ діету, а діету невозможно соблюсти, живя въ свѣтъ! — Вотъ камердинеръ приноситъ завтракъ на Англійскій манеръ: чай, ломтики поджаренаго хлѣба, два яйца въ смятку, масло, соль, перецъ и ломтики холоднаго мяса. Балбѣсовъ, забывшись, что голова его тяжела и желудокъ разстроенъ — поглощаетъ все, что было на подносѣ, и садится за туалетъ. Является брадобрѣй и парикмахеръ. Балбѣсова брѣютъ, стригутъ, причесываютъ, завиваютъ и снова растрепываютъ, и опять завиваютъ и расчесываютъ. Все это дѣлается по размѣру, по масштабу, и за каждый сбритый волосъ брань и шумъ, за каждый клочъ волосъ, повернутый въ ту или въ другую сторону — споръ и длинныя препія съ парикмахеромъ. Наконецъ голова убрана, лице выглажено, вычищено, выскоблено; начинается важнѣйшая операція: чистка зубовъ и ногтей. Это въ туалетѣ то же, что собраніе голосовъ въ Парламентъ: *Finis coronat opus*. Остается одинъ важный предметъ: повязка галстука.

Вычистивъ зубы и ногти, Балбѣсовъ садится въ большія кресла, и принимается перелистывать газеты, которыми ссужаютъ его дипломатическіе пріятели. Балбѣсовъ долженъ непременно говорить о политикѣ. Онъ Англійскій *Тори* и Французскій либераль, однакожъ роялистъ, а не якобинецъ. Бѣдный Балбѣсовъ сильно зѣваетъ надъ газетами, пропускаетъ цѣлыя тирады и періоды; но ему должно непременно схватить хотя часть смысла рѣчей Казимира Перье и Лорда Грея, чтобъ имѣть право сказать въ обществѣ: *«онъ говорилъ хорошо — онъ говорилъ дурно,»* и, по своей системѣ *все порицать*, рѣшительно объявить: *les débats ne sont pas intéressans*. Камердинеръ прерываетъ его чтеніе, извѣщая о безпорядкахъ, происшедшихъ въ холостомъ хозяйствѣ Балбѣсова, и пантъ либераль безъ всякихъ изслѣдованій и дебатовъ велитъ пересѣчь всю свою дворню. — Являются поствѣтели, друзья, бальнебульварные товарищи. Начинаются сужденія о вчерашнемъ днѣ и планы на нынѣшній день. Нечаянно одинъ изъ

посѣтителей взглядываетъ на афишу. «Ба! Сегодня утренній концертъ! M-me Biribi est une protégée Книгини Pierre... Allons-y!»—«Allons!»—Балбѣсовъ звонить, является камердинеръ, и снова начинается туалетъ. Но Балбѣсовъ скоро одѣвается: главное затянуть корсетъ и надѣть галстухъ. Это сдѣлано, и онъ облачается въ широкіе шаравары, надѣваетъ сюртукъ, и съ тросточкой въ рукахъ отправляется пѣшкомъ, по тротуару, въ залу Энгельгардта. Концертъ на исходѣ; онъ пробирается впередъ, привѣтствуетъ знакомыхъ дамъ въ первомъ ряду кресель, и устремивъ глаза въ потолокъ, начинаетъ чистить себѣ зубы деревяшками, покупаемыми въ Англійскомъ магазинѣ. Вы скажете, что это дурно и неприлично; но клянусь, что это правда. Балбѣсовъ не могъ ничего придумать лучше для выраженія презрѣнія своего публикѣ, и для доказательства, что онъ не женированъ. Это онъ самъ сказалъ мнѣ! Пріятель спрашиваетъ его мнѣнія объ артисткѣ, и Балбѣсовъ такъ громко отвѣчаетъ, какъ будто бы онъ былъ въ лѣсу. На него посматриваютъ съ недоу-

вольствіемъ, а ему того-то и надобно! Наконецъ кончился концертъ. Балбѣсовъ, проходя мимо дамъ, дерзко смотритъ въ лице каждой незнакомой женщинѣ, и громогласно произноситъ свои сужденія на счетъ ея красоты, ибо кого онъ не знаетъ и не видитъ въ обществахъ, того онъ столько же уважаетъ, какъ своего кучера или прачку. — До слуха Балбѣсова доходятъ слова, произносимыя въ полголоса на его счетъ: невѣжда, болванъ, дерзкій, но онъ не обращаетъ на сіе вниманія. Это, по его мнѣнію, голосъ черни, и Балбѣсовъ идетъ мимо, продолжая заглядывать подъ шляпки и бормотать: *pas mal!* Вотъ онъ на тротуарѣ. Къ нему примыкаетъ тотчасъ пара его копій, и они, поднимъ носъ вверхъ, руки всунувъ въ карманы сюртука, идутъ впередъ, разговаривая между собою не только громко, но даже громогласно. Между тѣмъ камердинеръ Балбѣсова уже развезъ дюжины двѣ визитныхъ карточекъ, и ожидаетъ его дома. Парикмахеръ поправляетъ Балбѣсову волосы, уравниваетъ снова бакенбарты; ка-

мердинеръ, наряжаетъ въ новый фракъ, и Балбѣсовъ садится въ карету и ѣдетъ съ почетными визитами. Наконецъ, въ 5 или въ 6 часовъ *дневные труды* кончены, и Балбѣсовъ является на званый обѣдъ. Пряности возбуждаютъ въ немъ аппетитъ, вкусныя вина освѣжаютъ голову, и онъ дѣлается болѣе разговорчивымъ, толкуетъ о политикѣ изъ газетъ, о Литературѣ — по наслышкѣ, о театрѣ, по видѣннымъ отрывкамъ изъ пьесъ, ибо онъ никогда не высиѣлъ отъ начала до конца, и, по системѣ своей все бранить и все порицаетъ. Накушавшись и напившись, какъ слѣпень на жирной лошади, Балбѣсовъ отправляется во Французскій спектакль, въ половинѣ или въ концѣ представленія; тамъ снова толкуетъ громогласно, и возвращается въ 11 часовъ домой отдохнуть и переодѣться на балъ. — Въ это время онъ заглядываетъ въ новые Французскіе Романы, и пробѣгаетъ въ часъ по четыре тома, чтобъ въ тотъ же вечеръ быть въ состояніи судить о новомъ произведеніи, если представится къ тому случай. На балъ

является Балбѣсовъ въ числѣ послѣднихъ, танцуетъ съ хозяйскими дочерьми, то есть, расхаживаетъ въ кадрили, не поднимая ноги ни на волосъ отъ паркета, потомъ садится при нетанцующихъ дамахъ, и болтаетъ съ ними. Наконецъ, чтобъ насладиться всѣмъ, онъ играетъ въ кребсъ и въ экарте, и проигравъ деньги, съ досады собираетъ вокругъ себя толпу, и начинаетъ снова порицать все и всѣхъ. Ужинъ развеселяетъ его нѣсколько: онъ выпиваетъ двѣ бутылки шампанскаго, и ѣдетъ домой въ 6 часовъ утра, съ твердымъ намѣреніемъ принять пилюли и посидѣть три дни дома на одномъ бульонѣ. —

Такъ проходятъ дни, мѣсяцы, годы! Сѣдые волосы начинаютъ показываться въ тупѣ Балбѣсова, и онъ чаще начинаетъ ѣздить съ визитами къ своимъ начальникамъ. Дядя его вошелъ въ случай, и вздумалъ женить его. Балбѣсовъ женится, но онъ все влюбленъ только въ свои бакенбарты! Однако жъ жена его умѣетъ *держатъ домъ*, *tenir maison* — и чрезъ это Балбѣсовъ дѣлается важнымъ лицомъ въ свѣтѣ.

Мебели его образцовыя, обѣды приводятъ въ умиленіе и въ восторгъ, балы несравненны! Онъ все тотъ же холостякъ, все такъ же одѣвается, причесывается и живетъ по послѣдней модѣ, и вся разниа въ томъ, что у него теперь обѣдаютъ и танцуютъ. Но во все это время Балбѣсовъ считался въ службѣ, и посильными своими трудами теперь уже занявъ мѣсто по чину и по рожденію. Онъ очень хорошъ съ подчиненными; но какъ они не бываютъ въ обществахъ, то онъ считаетъ ихъ *сернью*, и даже не удостоиваетъ ихъ взглядомъ. Бумаги подписываетъ онъ очень четко и исправно, и хотя по прежнему все бранить, но теперь сдѣлалъ исключеніе изъ правила, и презрѣнно хвалитъ подчиненную ему часть, приписывая себѣ заведеніе порядка и благоустройства. Я вѣрю Балбѣсову, ибо порядокъ у него точно существуетъ, и именно отъ того, что онъ объ этомъ не думаетъ и не хлопочетъ, предоставивъ дѣла тѣмъ, которые всю жизнь приготавлились къ этому.

— № XVI. —

ПЛАЧЪ ПОДЪЯЧАГО
ПАНГРАТЯ ФОМИЧА ТЫЧКОВА НАДЪ
СВОДОМЪ ЗАКОНОВЪ.

Je reviens à mes moutons, (т. е. возвращаюсь къ моимъ овечкамъ!)

Французская поговорка.

(Дѣйствіе происходитъ въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, на Петербургской сторонѣ, въ комнатѣ, окнами въ огородъ.— Въ одномъ углу теплится лампада передъ образомъ, подъ которой виситъ стеклянное голу-

бое лицо, а изъ-за образа виденъ пучекъ вербы.—Другой уголъ затканъ паутиной.—Подъ окномъ стоитъ сосновый, некрашенный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, испещреннымъ черными и рыжими узорами, слѣдами спирта. На столѣ кипы бумагъ, чернила въ помадной банкѣ голубаго цвѣта, и желтый песокъ въ бумажной коробкѣ. На краю стола стоитъ штофъ съ пивникомъ, въ которомъ ныряють два стручка Турецкаго перцу. Возлѣ штофа пивной стаканъ, кусокъ хлѣба, а на тарелкѣ невѣдомая соленая треска, любимая утрення пища любителей пивника со стручковымъ перцемъ. На другомъ столѣ, возлѣ окна, въ которомъ разбитыя стекла замѣнены черновыми просьбами и записками по дѣлу, лежитъ кипа книгъ. Панкратій Фомищъ Тычковъ, въ камыщкомъ пагольномъ тулупѣ и въ шерстяномъ колпакѣ, стоитъ посреди комнаты, опустя голову на грудь, приложивъ указательный перстъ правой руки ко лбу, и держа въ лѣвой рукѣ клетчатый бумажный платокъ и табакерку, съ патристическою картиною:

Миръ Европы. Онъ смотритъ изъ подлѣбья на кипу книгъ, вздыхаетъ, морщится, иклетъ, покрываеъ и наконецъ устремивъ взоры къ небесамъ, закрытымъ отъ глазъ его дощатымъ потолкомъ, и протянувъ правую руку горизонтально по прямому направлению говорить):

«Карай, судьба! рази фортуна! уже Тычковъ не боится васъ! Перуны ваши истощены, и мѣра бѣдствій моихъ преисполнилась. По силѣ Банкрутскаго Устава уже я освобожденъ отъ вашего преслѣдованія, и если ярость ваша не утихнетъ, то на васъ самихъ возложена будетъ забота о снабженіи Тычкова пивникомъ и трескою!

«Природа печется о пропитаніи всѣхъ тварей. Солнце не мѣшаетъ кроту, во время подземнаго его похода, раздирать сплетеніе древесныхъ корней и не удерживаетъ ползущаго за ними червя отъ грызенія сихъ корней. Паукъ смѣло раскидываетъ сѣть свою вездѣ, гдѣ только можетъ уцѣпиться, и буря щадитъ его работу. Но человекъ убійственною рукою достигаетъ и въ недра

земли для погубленія крота и червя, и въ воздушныя пространства для истребленія паука. О человекъ, человекъ!

«И я, подобно кроту, укрываясь отъ солнечнаго свѣта, разрывалъ сплетеніе коренныхъ законовъ, и грызя ихъ, какъ червь, питался и тучилъ. Подобно пауку, раскидывалъ я сѣть изъ толкованій, и уловлялъ несвѣдущихъ въ Правовѣдѣніи, которыми исполнена Русская земля, какъ море рыбами, а воздухъ птицами!—Отъ 1767 года, то есть, шестьдесятъ пять лѣтъ сряду, Коммиссія Составленія Законовъ рылась вокругъ древа Закона, и сметала пылъ съ сучьевъ; но я, Панкратій Тычковъ, единъ въ тройственномъ образѣ крота, червя и паука, жилъ спокойно, не боясь ни заступа, ни метлы, и надѣясь притомъ передать въ наслѣдіе ремесло мое дѣтямъ моимъ, воспитывающимся блистательно и основательно въ повѣсть Губернской Канцеляріи. Когда, при учрежденіи 2-го Отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Величества, объявлено было, что для приведенія въ ясность законовъ и

повсемѣстнаго ихъ свѣдѣнія, въ скоромъ времени изданы будутъ сперва Полное Собраніе всѣхъ узаконеній, а въ слѣдъ за онымъ Сводъ Законовъ—я такъ остроумно улыбнулся, что пріятель мой Горлодрановъ, который изъ отставныхъ Актеровъ сдѣлался подьячимъ, совѣтывалъ мнѣ продать сію улыбку знаменитому Актеру Брянскому, для ролей въ родѣ Франца Моора; гдѣ надобно изображать сомнѣніе, недовѣрчивость и насмѣшку. Всѣ сіи три ощущенія изображались тогда въ одной краснорѣчивой моей улыбкѣ, которая уже никогда не покажется на устахъ моихъ. Увы! Сталось то, о чемъ мы ни думали, ни гадали, чего не ждали и не надѣялись. Въ шесть лѣтъ сдѣлано то, чего не могли сдѣлать въ шестьдесятъ пять лѣтъ! Вотъ наконецъ и Собраніе Узаконеній, и Сводъ Законовъ.»

Панкратій Фомичъ Тычковъ замолчалъ и погрузился въ думу. Потомъ привелъ въ движеніе утонувшіе на днѣ штофа два стручка Турецкаго перца, налилъ въ стаканъ пѣянику, выпилъ не морщась, и остерве-

ившись внезапно, снявъ шерстяной колпакъ съ головы своей и кинулъ имъ въ паука, смиренно выглядывавшаго изъ-за пыльной паутины. «Сгни ты и пропади вмѣстѣ со мною!» возопилъ онъ грозно. «Когда людямъ нечего теперь бояться путаницы въ законахъ, пусть же и мухи не боятся паутины!»

Но благотельный напитокъ согрѣлъ и смягчилъ ретивое сердце Панкратъ Тыхова. Онъ успокоился, взглянулъ умильно на ныряющие стручки перца и продолжалъ жалобнымъ голосомъ: «О времена, о нравы! Вотъ до чего пришлось дожить мнѣ! Теперь каждый грамотный человекъ въ состояніи приискать законъ на всякій предметъ, и изложить на бумагѣ существо своего дѣла, самъ можетъ подвести законы такъ исправно, какъ я подводилъ ихъ неисправно во время оно! Теперь и Судья, взявъ на домъ черновое рѣшеніе, въ состояніи повѣрить подведенные законы! Бѣдные Секретари! Несчастные подьячіе!

«Какія бѣдствія предвижу я изъ всемістнаго знанія законовъ и приведенія

ихъ въ ясность! Пусть бы грамотные люди писали и читали про себя исторіи, романы, сказки и басни. Отъ этого не были бы нарушены чиновочитаніе и субординація. А теперь когда законъ открытъ и ясенъ для каждаго грамотнаго, не вздумаетъ ли младшій противиться волѣ старшаго, если господинъ старшій захочетъ поступить противозаконно, для угнетенія беззащитнаго? Не придетъ ли слабому въ голову пагубная мысль защищаться отъ сильнаго, если тому вздумается проглотить сосѣднее, или льсокъ, или запутать наследство? Пожалуй, чего добраго, появится и Секрестарь, который, при собраніи мѣтній, готовъ указать Судьѣ на главу такую - то, и сказать притомъ, что посліку законы приведены въ ясность и у каждаго подъ рукою, то тяжущійся съ перваго взгляда увидитъ, что законъ подведенъ не правильно. — Ну что будетъ, если при всемъ этомъ вспомнить объ Указѣ Петра Великаго, вставленномъ въ Зерцало, гдѣ сказано: что бѣ ни кто не отговаривался незнаніемъ законовъ, и прибавлено разсужде-

ніе: на что законы писать, коли ихъ не исполнять! — Досель Судьи очищались закономъ, въ коемъ сказано, что Судья не отвѣчаетъ за мнѣніе. Но какъ уже изданъ Указъ, коимъ повелѣно Судьямъ основывать свои мнѣнія на законахъ, то пожалуй, станутъ еще съ нихъ взыскивать за противозаконныя мнѣнія. Племянникъ мой, учившійся въ Университетъ сказывалъ мнѣ, что во многихъ Государствахъ существуетъ законъ, основанный на Римскомъ Правѣ, по коему Судья наказывается, если подаетъ мнѣніе безъ приведенія вполнѣ закона, на коемъ онъ основываетъ его, или если ложно истолкуетъ законъ, въ обиду тяжущагося. Заведись у насъ еще это — тогда Панкратій Тычковъ хоть лѣзь въ петлю!»

Тычковъ снова замолчалъ, понюхалъ табакъ, выпилъ чару и вдругъ залился слезами.

«Нѣтъ! я не переживу этого!» воскликнулъ онъ. «У меня изготовлены семь такихъ прекрасныхъ доносовъ, девять жалобъ и тридцать два дѣла уже лежатъ на

смази въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ! Что съ ними станется? Увы! они исчезнутъ какъ туманъ предъ солнцемъ, предъ этимъ Сводомъ Законовъ! Ахъ, вы мои милые доносикн, мои красотки жалобы, усаженные крючками, какъ Регулова бочка, въ которой бы укаталъ я до смерти моихъ противниковъ! Ахъ, вы мои хлѣбныя тяжбицы, въ которыхъ одна только правда, что я содралъ бы деньги съ просителей, пропали вы вмѣстѣ съ моей головошкой!.....»

При сихъ словахъ Панкратій Тычковъ бросился на стулъ, прилегъ головою на кнѹ своихъ бумагъ, обнялъ ихъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Не станемъ ждать его пробужденія, но обратимся съ жалостнымъ сердцемъ къ товарищамъ несчастнаго. Ихъ довольно на Руси! Всѣ они горько плачутъ о появленіи въ свѣтъ Свода Законовъ, и какъ ихъ слезы, ступившіяся въ нижнемъ слоеѣ атмосферы, произвели заразу, всеобщій насморкъ или инфлуэнцу, которая, славу Богу, скоро

минула, такъ исчезнетъ крѣпостворство съ
лица земли Русской, о чемъ мы молимъ
ежедневно Создателя.

— № XVII. —

КОРНЕТЬ.

Гонялся я за звукой славой,
Встрѣчалъ я смѣло ядра лбомъ!

Державинъ.

Люди бѣгутъ стремглавъ на пути жи-
зни, и не прежде останавливаются на при-
валѣ, какъ достигнувъ опытности, сей пред-
последней версты предъ общаго гостинни-
цею — могилою. Вотъ я стою теперь возлѣ
сей версты, и, съ возвышенія, смотрю въ
тыль, на дорогу. Тутъ всѣ противоположно-

ети: пыльно и грязно, тѣсно и просторно. Все зависитъ отъ выбора стези. — Всѣ званія, всѣ состоянія гражданскаго общества пестрѣютъ передъ моими глазами, какъ разнородныя и разноцвѣтныя растенія: тутъ и Князь и сапожникъ, и дворянинъ и земледѣлецъ, *все* живущее на землѣ землею и стремящееся — въ землю! — Смотрю и думаю, чѣмъ бы я захотѣлъ быть, если бы мнѣ позволено было воротиться и снова избрать родъ жизни. — Раздумавъ и разобравъ все основательно, отвѣчаю: *Корнетомъ!*

Такъ, любезные друзья, не болѣе, какъ кавалерійскимъ Корнетомъ! Не хочу разбирать другихъ званій, чтобъ не паскучить вамъ; но рѣшительно утверждаю, что самый счастливый человѣкъ въ мірѣ — есть Корнетъ.

Младенецъ при рожденіи плачетъ, потому, что слѣдуетъ внушенію Природы, а Природа Философа, и зная, что такое жизнь въ существѣ своемъ, не можетъ внушить младенцу радости. Но если бы младенецъ (разумеется, мужескаго пола) могъ предвидѣть, сколько

предъ нимъ въ жизни шампанскаго, красавицъ, мазурокъ и кадрилией, пуль, арестовъ, любовныхъ объясненій, любовныхъ похищеній, дуэлей, обѣдовъ и ужиновъ, безсонныхъ ночей, и прочаго, и прочаго, и прочаго, то этотъ младенецъ хохоталъ бы при рожденіи во все горло, хотя бы неуклюжая повивальная бабка или мамка сжали его въ лапахъ своихъ, какъ приказные жмутъ богатаго просителя. Первый офицерскій чинъ есть тоже самое, что *рожденіе на свѣтъ*; но какъ мы родимся глупыми, а получая офицерскій чинъ, почитаемъ себя чрезвычайно умными, то мудрено ли, что въ этотъ благополучный моментъ взорамъ нашимъ представляются однѣ радости, веселости, привлекательныя опасности и милыя страданія, составляющія въ совокупности истинное блаженство? — Первые эпозеты! Волшебное слово, которое въ одно мгновеніе перераждаетъ человѣка, даетъ новую силу душѣ, возбуждаетъ новыя чувствованія; ицѣлый міръ представляетъ въ новомъ видѣ взорамъ счастливца. Первые эпозеты! Это слово даже

теперь приводить сердце мое въ радостный трепетъ. Фельдмаршальскій жезлъ, награда великихъ подвиговъ, верхъ почестей, блистательнъ, уважаемъ, почтенъ; но онъ радуется болѣе отечеству, потомство торжествомъ народной славы, нежели великаго мужа. Его участь заботы, хлопоты, опасности. И что ожидаетъ насъ за фельдмаршальскимъ жезломъ? — Только Исторія! — Самая скучная, самая своеправная утѣшительница въ старости; въ сдугахъ, въ непріятностяхъ... А первые эполеты! Они отверзаютъ завѣсу въ очаровательный міръ, въ безконечную перспективу, въ которой взоръ вашъ переносится то къ эполетамъ съ бахрамою, то къ эполетамъ съ канителью, то къ крестамъ, то къ звѣздамъ, то къ лентамъ (объ аренахъ тогда еще не думается)! Вдали, въ радужномъ туманѣ, видятся битвы, взятія городовъ, торжества, поздравленія, награды, а въ слѣдствіе этого счастливая любовь.... При первыхъ эполетахъ мы всѣ Поэты!

При первыхъ эполетахъ спадаетъ съ насъ иго гувернеровъ, учителей, Инспекто-

ровъ, Директоровъ и всякаго рода и званія стѣснителей юношеской воли, которую симъ почтеннымъ мужамъ благоугодно называть *своеволіемъ*. Первые эполеты даютъ даже другія наименованія нашимъ ощущеніямъ; то, что называлось прежде *капризами*, называется теперь *легкомысліемъ*; прежнее *упрямство* получаетъ названіе *твердости характера*; прежняя *лнь* называется *безпечностью*; прежнее *обжорство* облагораживается, и даетъ вамъ лестное названіе *лакомки*, или *gourmand*. Все, что было дурнымъ въ *отрокѣ*, прикрито щегольскимъ нарядомъ и ловкостью въ *тоноши*. Смѣло побрякивая шпорами, звуча ножами сабли, поглаживая пушокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ должны быть усы, и поправляя первые эполеты передъ зеркаломъ, молодой человекъ является въ свѣтъ.... Счастливое время! У него нѣтъ ни враговъ, ни завистниковъ, ни соперниковъ, ни совѣтниковъ. Генералы, Полковники, Ротмистры, Каммергеры и Каммеръ-Юнкеры стоятъ на первомъ планѣ картины. Но они стоятъ и не движутся, а Користы всѣ идутъ впередъ

скорымъ шагомъ. Паневъки смотрять на гостей сквозь *таблицу умноженія*, и стараются проникнуть взорами въ карманы; маменьки заглядываются на звѣзды, а дочки дочки поглядываютъ украдкою на *первые эполеты*! — Однѣ ли дочки? — Нѣтъ, и маменьки и тетунки пріятно улыбаются (на свой собственный счетъ) первымъ эполетамъ!

Поле сраженія и танцевальная зала — лавры и мирты! Вотъ раздалися звуки смычковъ. Пусть Его Превосходительство идетъ важно въ полонезъ! Это не наше дѣло. Пусть Каммергеры, Каммеръ-Юнкеры и дипломаты шаркаютъ въ кадрилихъ — не наше дѣло! Но вотъ играютъ вальсъ, вотъ началась волшебная мазурка — и зазвучали шпоры! Корнетъ торжествуетъ. Каммергеру, Каммеръ-Юнкеру и дипломату едва позволяется дотронуться до газовой оболочки свѣтской дѣвицы; имъ вмѣляется въ обязанность подбивать танцовщицъ *мороженными* вѣжливостями, *avec des phrases à tiroir* — но Корнетъ — то ли дѣло! — Онъ беретъ свою кра-

савицу, какъ говорится, въ руки, вертитъ ея, какъ на поводѣ; галопируетъ съ нею, какъ на ученѣ; пожимаетъ ручку, какъ будто ненарочно; глядитъ на нее, какъ на персикъ, который готовъ тотчасъ скушать; говорить ей, что ему вздумается — и ему все простительно. Его назовутъ шалуномъ, вѣтренникомъ, повѣсой, а все это похвальныя качества въ формулярѣ свѣтской жизни, при первыхъ эполетахъ, *прилагательныя*, которыя скорѣе доставляютъ *существительное*, нежели *замороженные комплименты* и зонпрныя прикосновенія къ ручкѣ, чрезъ лощеныя перчатки.

Мы скучаемъ въ Театрѣ, критикуемъ Авторовъ и Актеровъ, Дирекцію и музыкантовъ, скучаемъ и критикуемъ отъ того, что мы сами скучны и притомъ завистливы. Корнетъ въ Театрѣ то же, что триумфаторъ въ Кантоліи. Корнету кажется, что вся публика смотритъ на первые его эполеты, что звукъ его шпоръ гораздо пріятнѣе Россиніевой музыки. Онъ перехаживаетъ съ мѣста на мѣсто, забѣгаетъ въ ложи, нищетъ

во всѣхъ углахъ своихъ знакомыхъ, чтобъ показаться въ эпюлетахъ, поговорить свободно безъ цензуры гувернера. Начинается пьеса. — Скучно; онъ готовъ выйти изъ театра, но Актрисы такъ и смотрять на него (такъ ему кажется), а между ними есть такіа миленькія! — Между тѣмъ товарищи въ антрѣактахъ придумали une partie de plaisir. Ночь пролетѣла какъ мигъ. На другой день опозданіе къ разводу — выговоръ; оплошность по службѣ — арестъ. Тѣу пропасть! неприятности! — Срокъ ареста кончился, арестантъ выпался порядочно, отдохнулъ, и вотъ пятнадцать приглашеній къ обѣду, къ ужину, на балъ.... Все забыто! —

Нѣтъ денегъ! Вотъ это плохо. Что намъ дано на полгода, мы прожили въ полмѣсяца. Что дѣлать? — Передъ Корнетомъ впереди цѣлая жизнь со всѣми необыкновенными своими случаями: передъ Корнетомъ лотереи и банки, аренды, земли, богатые невѣсты, неизвѣстные бездѣтные дядюшки и тетюшки съ накопленнымъ наслѣдствомъ, и

сердобольныя пожилыя дамы, которыя, изъ любви къ человечеству, дѣлятся доходомъ съ юношами. И такъ на счетъ будущихъ благъ можно сдѣлать должокъ. И дѣлаются долги, а между тѣмъ жизнь кипитъ, молодость галопируетъ, время летитъ; наслажденіямъ, *кажется*, нѣтъ конца! —

Но вотъ полкъ стоять въ Польшѣ, въ земномъ раю военныхъ. Начинается тѣмъ, что Корнетъ безъ производства выигрываетъ *гинъ*, ибо въ Польшѣ всѣхъ величаютъ *ганолю выше*, а въ слѣдствіе сего Корнета называютъ Pan Pogucznik. — Сему Panu Poguczniku, т. е. Корнету, отведена квартира во флигель дома. Его приглашаютъ къ обѣду. Мужчины серіозны; дамы полулюбезны. Корнетъ говоритъ по-Французски, рассказываетъ о придворныхъ балахъ, о дамскихъ нарядахъ, хвалитъ Польшу. Господинъ Корнетъ природный Русскій дворянинъ, но мужчины спрашиваютъ его: не Лифляндецъ ли онъ, или не Курляндецъ ли (albo Inlandczyk, albo Kurlandczyk)? Хорошее начало! Знакъ,

что онъ поправился. Дамы начинаютъ съ нимъ любезничать, берутся учить его польски. Мужчины заняты хозяйствомъ, охотой, поѣздками по дѣламъ, а Корнетъ долженъ сидѣть дома, смотрѣть за порядкомъ взвода, и, въ свободное время, сопутствовать дамамъ на прогулкахъ, въ поѣздкахъ къ сосѣдямъ. Между тѣмъ, онъ дѣлаетъ большіе успѣхи въ Польскомъ языкѣ и безшибочно спрягаетъ глаголъ: *kocham* (*люблю*). Его заставляютъ повторять, находя, что онъ очень *забавно произноситъ*! Наконецъ, хозяинъ дома и другіе мужчины, сосѣди и родня, не жепируются болѣе при *любезномъ* Рапу Рогусзнику, ибо доказали ему, что фамилія его *древнѣе Польскаго происхожденія*. Онъ не спорить! При немъ смѣло бранятъ Капитанъ-Исправника, Прокурора и даже Губернатора, а онъ еще и подтакиваетъ. Корнетъ, какъ въ раю! Спряжение глагола *kocham* давно уже кончилось, и понятливый ученикъ прошелъ уже всѣ *дѣйствительные глаголы*. — Но вотъ сказали походить! Корнетъ радъ радехонекъ; ему уже

наскучили *спряженія* и вся Грамматика — а дамы! Одна изъ нихъ въ обморокъ, другая въ спазмахъ, всѣ въ слезахъ! Пошли клятвы, обѣты писать, возвратиться. . . . Все пустое! На седьмой верстѣ Корнетъ еще растроганъ, на десятой грустенъ, на первомъ почлегѣ замѣчаетъ, что глазки у служанки очень не дурны, а на другой день идетъ преспокойно возмъ своего взвода, курить трубку, и превесело напѣваетъ романсъ изъ Жюкоцда:

Et l'on revient toujours
A ses premières amours!

Не думая вовсе о смыслѣ рѣчи, онъ поетъ потому, что ему нравится музыка этого романса.

Война. Корнетъ не отвѣчаетъ ни за продовольствіе, ни за состояніе лошадей. Его дѣло порядокъ и чистота во взводѣ, и наслажденія Главной квартиры. Сраженіе. Онъ идетъ въ атаку врубается въ непріятеля, рубить направо, палѣво, раненъ, по-

лучаетъ крестъ, вылечивается, опять дерется, произведенъ въ Поручики, беретъ пушку, произведенъ въ Штабсъ-Ротмистры, получаетъ эскадронъ! Прощай, корнетская жизнь! Пошли хлопоты и заботы; честолюбіе закралось въ сердце; въ свѣтъ вещи и люди измѣнились. Съ Ротмистромъ уже заговариваютъ о *прелестныхъ супружеской жизни!* Плохо! Ротмистръ долженъ платить долги, казаться серьезнымъ, вести себя осторожно, чтобъ подавать собою примѣръ и имѣть право взыскивать съ подчиненныхъ за упущенія. Прощай, милое корнетство! Прощай, безмятежность! А если безмятежность, беззаботность, надежды и притомъ *любовь* — не составляютъ счастья, то я не знаю, что такое счастье, и предоставляю сей вопросъ на разрѣшеніе тѣмъ важнымъ лицамъ, которые отъ юношества требуютъ степенности и холодности, а отъ старости огня юношескаго; которые почитаютъ проступкомъ смѣхъ, шутку, невинную насмѣшку, и все, что проясняетъ нашу скучную, единообразную жизнь. Важность сихъ Эпик-

тетовъ мнѣ кажется смѣшна, а корнетство истиннымъ блаженствомъ, и если бъ я могъ быть *вѣчною юнымъ*, то хотѣлъ бы быть *вѣчною Корнетомъ*.

— № XVIII. —

**ГРАЖДАНСТВЕННЫЙ ГРИБЪ,
ИЛИ ЖИЗНЬ, ТО ЕСТЬ, ПРОЗЯБАНІЕ И
ПОДВИГИ ПРІЯТЕЛЯ МОЕГО, ООМЫ ОО-
МИЧА ОПЕНКОВА.**

(Отрывокъ изъ рукописи, подъ заглавіемъ: *Есте-
ственная Исторія гражданскихъ обществъ*).

.... Я червь
Державинъ (въ Оды Богъ).

Естественныиытатель по отдѣльнымъ су-
ществамъ (individuum) опредѣляетъ роды
въ трехъ царствахъ Природы. Моралистъ

по самороднымъ свойствамъ (type) частныхъ
лицъ изображаетъ характеръ цѣлыхъ сосло-
вій. Въ обоихъ случаяхъ *истина* есть то
же, что *приблизительныя числа* въ Стати-
стикѣ, ибо физическій и нравственный міры
исполнены исключеній. Такъ, напримѣръ,
не всѣ лиліи *бѣлы*, не всѣ розы *красны*, не
всѣ военные храбры, не всѣ судьи законо-
искусники, и проч., и проч. Следова-
тельно, одно невѣжество можетъ оскорбляться,
когда въ какомъ нибудь сословіи находятъ
что либо дурное или смѣшное, ибо нѣтъ
правилъ безъ исключеній, и нѣтъ въ При-
родѣ двухъ предметовъ совершенно сходныхъ.
На основаніи сихъ истинъ, мы, принадле-
жа къ сословію Писателей и Журналистовъ,
ни сколько не оскорбляемся, когда передъ
нами говорятъ о безграмотности Писателей
и о превратности Журналистовъ. Sum
cuique. —

Пріятель мой Оома Оомичъ, въ граж-
данственномъ быту есть то же, что грибъ
въ Естественной Исторіи. Онъ можетъ быть
весьма вкусенъ съ приправою и уважителенъ

на серебряномъ блюдѣ, но въ естественномъ состояніи онъ бесплоденъ, неподвиженъ, безчувственъ и беззащитенъ. Ома Омичь не помѣщикъ, состоящій въ государственной службѣ; не купецъ, который опредѣлился въ службу для того, чтобъ выйти изъ своего сословія, и не называть другихъ, а называться самому *Ваше Благородіе*; онъ не изъ даточныхъ и не изъ вольноопредѣляющихся. Нѣтъ! Ома Омичь есть чиновникъ по отцу и по матери, по дѣду и по бабкѣ. Фамилія его не вписана ни въ какихъ сказкахъ, (*) ни въ дворянскихъ, ни въ купеческихъ, ни въ мѣщанскихъ, ни въ крестьянскихъ, а отъ самаго заведенія канцелярій всегда блистала въ канцелярскихъ спискахъ и въ табели канцелярскаго дежурства. Діогенъ, въ полномъ собраніи Академіи, на вопросъ Платона: что такое *человѣкъ*? отвѣчалъ *двуногое животное безъ перьевъ*. Если вы спросите меня, кто таковъ пріятель мой Ома Омичь, я буду

(1) Сказка, въ юридическомъ языкѣ, есть именная списокъ какого нибудь сословія. —

отвѣчать вамъ: *человѣкъ*, т. е. двуногое животное, только не безъ перьевъ, а напротивъ того, съ *перьями* и въ добавокъ съ *герилами*. Ома Омичь есть *безполитный* дворянинъ, нѣчто въ родѣ пѣшаго кавалериста, т. е. *человѣкъ*, котораго мать не пекла пирога для угощенія поздравителей мужа съ чиномъ Коллежскаго Ассессора, но который огражденъ службою отца отъ всякаго чуждаго прикосновенія къ его личности и изнанкѣ. Отецъ Омы Омича не умѣлъ или не имѣлъ случая благопріобрѣсть ни ломбардныхъ билетовъ, ни каменнаго дома, ни деревушки. Онъ живетъ, съ дражайшею своею половиною (дочерью покойнаго Экзекутора), въ собственномъ ветхомъ, деревянномъ домишкѣ, на Петербургской сторонѣ, въ одномъ изъ заросшихъ травою переулковъ, неподалеку отъ питейнаго дома, къ которому протоптана отъ калитки довольно глубокая тропинка. Отецъ Омы Омича находится въ отставкѣ, за старостью лѣтъ, и занимается дѣланіемъ настойки на стручковомъ перцѣ, писаніемъ челобитенъ

мѣщанамъ и крестьянамъ, и сочиненіемъ писемъ *на домъ* лавочникамъ и половымъ. Мать Оомы Оомича завѣдываетъ хозяйствомъ, стряпаетъ кушанье, помогаетъ родильницамъ по сосѣдству, переносить сплетни изъ дома въ домъ, гадаетъ на картахъ, чуетъ на сто квадратныхъ сажень запахъ кофе, кушаетъ только сладкую водку, и то морщась, и въ знакъ своего благороднаго происхожденія нюхаетъ табакъ изъ серебряной наслѣдственной табакерки, которая дважды въ мѣсяцъ поступаетъ въ закладъ въ мелочную лавочку.

Пріятель мой, Оома Оомичъ, живетъ подѣ родительскимъ кровомъ въ полномъ смыслѣ сего выраженія, т. е. въ свѣтелѣ, *подѣ кровлю*. Онъ имѣетъ диванъ и халатъ, два наслажденія, которыми не всякой можетъ пользоваться на бѣломъ свѣтѣ. Въ семь-то пестромъ халатѣ, онъ принимаетъ своихъ сослуживцевъ товарищей, которые заходятъ къ нему иногда пить чай, курить табакъ и играть по грошу въ бостопъ. Въ день именинъ Оомы Оомича, при полученіи

денежнаго награжденія или при другомъ важномъ случаѣ, онъ угощаетъ своихъ пріятелей пирогомъ. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ уже недостаточно одной сладкой водочки при завтракѣ, и человекъ обязанъ имѣть у себя на столѣ виноградное вино. Оома Оомичъ покупаетъ вино въ Русскомъ погребѣ. Это вино не имѣетъ названія ни въ Тарифѣ, ни на Биржѣ, но оно весьма знаменито въ Русскихъ погребахъ, подѣ именемъ *краснаго* или *благаго ротвейна*, и имѣетъ свой *букетъ*, т. е. припахиваетъ пѣниномъ и оставляетъ на языкѣ вкусъ сандаловаго дерева. Большая часть пріятелей Оомы Оомича живутъ, какъ говорится, на вольныхъ квартирахъ, и притомъ на хлѣбахъ у почтенныхъ вдовушекъ, какой нибудь Шкиперши или Титулярной Совѣтницы, и платятъ за комнату и за пищу отъ 15 до 20 рублей въ мѣсяцъ; слѣдовательно надлежало бы предполагать, что ни одинъ изъ нихъ не отринетъ приглашенія на завтракъ, на которомъ отецъ хозяина играетъ важную роль, и послѣ третьей рюмки начинается рассказы-

вать канцелярскіе анекдоты про старину, и хвалить прошмыя блаженныя времена, когда излишнее употребленіе крѣпкихъ напитковъ не поставлялось въ порокъ чиновнику, и когда правило, сохраненное для потомства И. А. Крыловымъ :

По мнѣ такъ лучше пей,
Да дѣло разумей!

почиталось священнымъ и непорушимымъ. — Пріятели Оомы Оомича, живущіе на *хлѣбахъ*, привыкнувъ при каждой трапезѣ слышать отъ хозяекъ своихъ, что на рынкѣ нельзя достать евѣжихъ припасовъ, кушаютъ на завтракъ почти столько же, какъ и почтенный родитель имѣнника, и запивая пирогъ съ сигомъ и *битокъ* бѣлымъ ротвейномъ, такъ же довольны, какъ гастономъ за Стразбургскимъ паштетомъ и лучшимъ бургонскимъ. — На здоровье!

Не думайте однако жъ, чтобъ Оома Оомичъ и его пріятели не имѣли понятія о лучшей стряпнѣ. — Одинъ камень не значить ничего въ мостовой, но множество

сихъ незначащихъ камней составляютъ мостовую, и кому случилось ѣхать по тряской дорогѣ ябеды, тотъ знаетъ всю важность неважныхъ чиновниковъ, въ пѣкоторыхъ случаяхъ. И такъ просители приглашаютъ, иногда, Оому Оомича и его пріятелей откушать или въ Палкинъ трактиръ, или въ Русскій Лондонъ, или въ Нѣмецкую гостиницу, и подчиваютъ обѣдомъ, цѣною по два рубля съ *персонъ*. Число и названіе блюдъ на семь обѣдъ точно такое же, какъ въ лучшей Французской рестораціи, гдѣ обѣдъ стоитъ вчетверо дороже. Я советовалъ бы всѣмъ ипохондрикамъ и всѣмъ страждущимъ недостаткомъ апетита, заглядывать почаще въ подобныя (такъ называемыя Русскія *растеріи*), не взирая на предубѣжденія, и даже обѣдать тамъ, если только они въ состояніи кушать безвредно соусы съ горькимъ масломъ, дичь съ крѣпкимъ душикомъ, и рыбу, пожелѣбую въ промежутокъ времени между ловлею и кастрюлею. Я вѣнредъ увѣренъ, что улыбка появится на устахъ ипохондрика при видѣ Оомы Оомича

съ соотр., т. е. съ пріятелями, расхаживающихъ важно, съ трубками въ зубахъ, по комнатамъ *растеряци*, заваленнымъ массивными мебелями краснаго дерева, которыя надобно передвигать паровою машиною, убраннымъ холстомъ, раскрашеннымъ масляными красками, въ золотыхъ рамахъ, *наподобіе* картинъ, бронзовыми люстрами, легкими какъ наковальня, и цвѣтными занавѣсами, для утиранія пальцевъ. — Цесарь, по свидѣтельству Плутарха, хотѣлъ лучше быть *первѣмъ* въ бѣдной деревушкѣ, чѣмъ *вторымъ* въ Римѣ: Оома Оомичъ и пріятели его здѣсь *первѣе*, а потому они говорятъ и хохочутъ громко, играютъ на бильярдѣ шумно, небрежно раскидываются на софахъ, любятъ всенародно въ зеркалахъ, насвистываютъ, напѣваютъ въ полголоса скорыя марши и кадрили, играютъ подъ качелями, въ балаганахъ Лемана и Рапо, и даже называютъ другъ друга *монъ шеръ*. Смиранные гости въ сибиркахъ и съ бородками удивляются *бонъ-тону* ихъ благородій, и, въ послѣдствіи, надѣвъ фракъ и

обривъ бородку, подражаютъ имъ въ пріемахъ и хваткахъ.

Но сими обѣдами не ограничиваются наслажденія Оомы Оомича и его товарищей. Лѣтомъ, въ праздничные дни, они появляются, по нѣскольку вмѣстѣ, на Крестовскомъ, на Елагиномъ Островахъ, на Строгоновой дачѣ и на Черной рѣчкѣ, наполняютъ воздухъ ароматомъ пятикопѣчныхъ сигаръ, оглашаютъ окрестности громкимъ хохотомъ, поталкиваютъ прогуливающихся Нѣмецкихъ ремесленниковъ, и заглядываютъ подъ шляпки горничнымъ, кухаркамъ и наряднымъ дѣвицамъ, которыя не могутъ нѣтъ провожатаго въ публикѣ. Въ будніе дни Оома Оомичъ и его пріятели, если не имѣютъ работы на дому, прогуливаются, вечеркомъ, по тротуару Невскаго проспекта, гдѣ случаются иногда весьма пріятныя пріключенія, а иногда размолвки съ Полиціей. Въ Воскресенье они собираются тутъ же, послѣ обѣдин, чтобъ любоваться прекрасными Нѣмочками, выходящими изъ Петропавловской церкви. — Оома Оомичъ и пріа-

тели его всѣ страстные любители Театра, разумѣется Русскаго, и не пропускаютъ ни одной новой пьесы, во второе или въ третье представленіе послѣ бенефиса. Мѣсто ихъ (при деньгахъ) въ двухъ-рублевой галерей. Руководствуясь чувствомъ изящнаго, а болѣе изъ благодарности къ Актерамъ за то, что крикъ ихъ слышимъ на недостигаемой высотѣ галерей, и жесты видны за версту, Ома Оминчъ и пріятели его осыпаютъ сихъ громогласныхъ и размашистыхъ Артистовъ рукоплесканіями, и поддерживаютъ ихъ славу частыми восклицаніями *браво* и *фора*, особенно при ловкомъ паденіи въ Трагедіи, и при искусныхъ пощечинахъ въ Комедіи. — Сія страсть къ Театру могла бы быть вредною доходамъ Оомы Оминча и его пріятелей, если бъ, по счастью, *новыя Русскія пьесы* не были нынѣ столь рѣдки.

По страсти къ Театру, должно предполагать и любовь къ Литературѣ. Ома Оминчъ и его пріятели любятъ и прочесть кое-что, въ свободное время, но не всегда

могутъ удовлетворить сему желанію. Русскія книги дороги, хотя Гг. книгопродавцы цѣнять ихъ весьма низко, почти такъ, какъ кирпичи, и складываютъ изъ нихъ домишки. Журналы въ Департаментахъ читаютъ старшіе. Въ Библіотекахъ для чтенія надобенъ *залогъ*. Только Поэты наши милостивы къ Оомѣ Оминчу и его пріятелямъ, и нарочно ищутъ Поэмы короче утиного носа, чтобы они могли списывать ихъ цѣлкомъ, на казенной бумагѣ. Но за дороговизну книгъ Оома Оминчъ и пріятели его жестоко мстятъ Авторамъ, коверкая смыслъ и терзая Грамматику при списываніи Поэмъ, и прославляя Московскіе Журналы за то, что они безпощадно бранятъ тѣхъ Сочинителей, которыхъ сочиненія раскупаетъ публика. Однако жъ не многіе изъ пріятелей Оомы Оминча имѣютъ охоту и досугъ списывать цѣлыя Поэмы. Нѣкоторые изъ нихъ списываютъ только коротенькія стихотворенія, составляя тетради въ родъ *образцовыхъ сочиненій*, а большая часть ограничивается *сборникомъ пьесъ*. Сии господа не любятъ

простонародныхъ Русскихъ пѣсень, которыя такъ высоко цѣнили Карамзинъ: они любятъ пѣсенки *пѣжныя* и *застольныя*, каковы, на примѣръ: *Звукъ унылый фортепіана*, *Винятъ меня въ народѣ*, *Бѣсъ прожлитый* и проч., или театральныя, какъ на примѣръ: *Прійди ко мнѣ въ герцогъ златой*, *Оекла*, *ты каррикатура* и т. п. — Сии пѣсни и *аріи* нѣкоторые изъ нихъ поютъ весьма пріятно, густымъ басомъ (право не хуже нашихъ оперныхъ пѣвцовъ), акомпанируя на гитарѣ, купленной въ табачной лавочкѣ. Весьма многіе почтенные люди и миловидныя дѣвицы восхищаются ихъ музыкальнымъ дарованіемъ на вечеринкахъ, бывающихъ у нѣкоторыхъ Титулярныхъ Совѣтниковъ, *дающихъ балы*, гдѣ уже пятый годъ танцуютъ Французскую кадрили (не учившись, а по преданіямъ), и гдѣ Ома Омичъ и пріятели его отличаются въ танцахъ, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ зиму.

Но посѣщая Театръ, *растеряци*, бывая на балахъ и вечеринкахъ и прогулива-

ясь на Островахъ и на Невскомъ проспектѣ, надобно одѣваться порядочно. Жалованье Оомы Омича и его пріятелей не велико, доходы малы. Правда, что на Апраксиномъ дворѣ продаются дешево вывороченные фраки, покупаемые торговцами у камердинеровъ богатыхъ господъ, и что жилеты, дѣлаемые подмастерьями изъ обрѣзковъ, также не дороги, но все таки издержки на одежду не маловажны. Потомуто Ома Омичъ и пріятели его имѣютъ свою промышленность. Одинъ занимается *вольною* перенискою набѣло, другой чипитъ перья для магазиновъ, третій работаетъ для переплетчика, наклеивая картинки на картоны, четвертый даетъ уроки чистописанія, по рублю за часъ, а счастливѣйшіе (Ома Омичъ не въ ихъ числѣ) занимаются бухгалтеріей у купцовъ, или смотрятъ за чѣмъ либо домою. — Есть нѣкоторые, получающіе доходы отъ пѣническаго дара, сочиняя надписи на конфетныхъ оберткахъ. Увы! такихъ не много, къ несчастью нашего бѣднаго Парнасса!

Миллионщики, негопьянты, помѣщики, бывають часто безъ денегъ, такъ мудрено ли, что бѣдный чиновникъ долженъ прибѣгать къ займамъ! Но для купца и помѣщика существуютъ кредитныя установленія, есть услужливые капиталисты, которые, изъ дружбы и за порядочные проценты, готовы помочь въ нуждѣ. Съ одной душой въ тѣлѣ и съ одной парой платья на тѣлѣ, нельзя явиться ни въ Банкъ, ни въ Ломбардъ а на вексель Оомы Оомича не дадутъ и квасу напиться. Но въ міръ все устроено премудро и благотѣльно, и если мы не видимъ блага и не пользуемся имъ, то это потому только, что мы недалъновидны и упрямы. Орелъ садится на высокомъ дубѣ, а воробей на заборѣ. Есть банкиры для богачей, есть банкиры и для бѣдняковъ! Кто изъ товарищей Оомы Оомича не воспоминаетъ съ достоинствомъ уваженіемъ о престарѣломъ поклонникѣ огня, который три мѣсяца съ половиною сидитъ на своей постелѣ, поджавъ ноги, возлѣ своего сундука, и курить изъ кальяна такой табакъ, что дымъ, выходя

чрезъ окно, убиваетъ на лету воронъ, а четвертую недѣлю въ третѣ года обѣгаетъ казначейскія всѣхъ Департаментовъ для получения вычета изъ жалованья, по предъявленнымъ роспискамъ! Въ душѣ сего почтеннаго челоѣка горитъ пламя любви къ нуждающемуся челоѣчеству и къ деньгамъ, и онъ даетъ охотно званъ деньги тѣмъ изъ членовъ нуждающагося челоѣчества, которые не могутъ обмануть его, хотя бы и желали. Онъ-то снабжаетъ Оому Оомича и его пріятелей деньгами въ необыкновенныхъ случаяхъ, когда заслуженная треть жалованья чиста отъ всякихъ притязаній.

Но все, что сказано было мною доселѣ, есть только цвѣтъ жизни Оомы Оомича. Шиповъ нѣтъ въ его жизни, потому, что она похожа на грибокъ, а не на розу, какъ я уже сказалъ выше. Но посмотримъ *на корень* этой жизни, на существенность. Она ни свѣтла, ни мрачна, такъ какъ наше Петербургское небо десять мѣсяцевъ въ году.

Въ девять часовъ утра, помѣщикъ или купецъ, служащій въ Департаментъ, иногда

только что засыпаетъ, возвратясь съ бала или изъ загородной поѣздки, а Оома Оомичъ уже находится въ передней своего присутственнаго мѣста, уже вынимаетъ свою шляпу на принадлежащій ему крючокъ, уже устанавливаетъ во фрунтъ свои галоши, и уже отдавъ шинель сторожу. Потирая руки, поправляя волосы и галстухъ, онъ входитъ въ департаментскія комнаты, которыя, благодаря пынѣшнему просвѣщенію, вездѣ свѣтлы, чисты, прекрасно меблированы, лѣтомъ прохладны, зимою теплы, и на всякое время года снабжены отдушниками, для свободнаго обращенія воздуха. Но вотъ Оома Оомичъ подходитъ къ своему столу, выдвигаетъ ящикъ, вынимаетъ бумаги, перевортываетъ ихъ раза три, и подходитъ къ группѣ сослуживцевъ, чтобъ узнать и рассказать городскія вѣсти. Предметы разговоровъ смѣняются слѣдующимъ порядкомъ. Сначала говорится о погодѣ, потомъ о производствахъ и наградахъ, далѣе объ уличныхъ приключеніяхъ по полицейской части: пожарахъ, дракахъ, арестахъ и т. п. потомъ о вѣстѣ и бостонѣ,

наконецъ о *внутреннихъ извѣстіяхъ*, сообщенныхъ письменно старыми товарищами, отправившимися на службу въ Губерніи. Начинаютъ появляться начальники. Всѣ садятся за свои столы, и скрипятъ перьями, поправляя и очинивая перо тридцать два раза съ половиною въ минуту. Между одиннадцатымъ и двѣнадцатымъ часомъ съѣзжаются служащіе въ Департаментъ помѣщики и дѣти высшихъ чиновниковъ. Они сходятся между собою и начинается разговоръ, также сперва о погодѣ, потомъ о производствахъ и наградахъ, съ прибавкою производства по придворному штату; послѣ того слѣдуютъ рассказы о балахъ у вельможъ, у Посланниковъ и даже при Дворѣ, потомъ рассказы о *курьозныхъ вистахъ*, объ экарте, ландскнехтѣ, и кребсѣ наконецъ объ экипажахъ, фракахъ, галстухахъ и прочихъ важныхъ предметахъ. Оома Оомичъ слушаетъ издали сіи разговоры, съ напряженіемъ слуха, и съ величайшимъ вниманіемъ наблюдаетъ всѣ движенія сихъ господъ. Это для него *школа!* Изъ сихъ разговоровъ почерпаетъ онъ понятія объ неизвѣ-

ствомъ для него свѣтъ, заимствуетъ слова для собственныхъ разсказовъ, и, смотря на пріемы, копируетъ послѣ на тротуаръ Невскаго проспекта, въ *растеряціи*, и на балѣ Титулярнаго Совѣтника. Бьетъ три часа. Оома Оомичъ запираетъ свой ящикъ съ бумагами, идетъ къ своей шляпѣ и галошамъ, и сходить лѣстницы. Экипажъ служащаго богача заставляетъ его подождать у выхода, и Оома Оомичъ, *вдохнувъ про себя*, идетъ куда ему надобно. Завтра то же, послѣ завтра то же, и такъ далѣе, и такъ далѣе, двадцать, тридцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ!

О ужасъ! Неужель вѣчно? Вѣчно одно и то же. Кто виновать! Оома Оомичъ человекъ добрый, смирный, прилежный, но онъ не знаетъ Математики и Всемірной Исторіи, не можетъ выдержать экзамена, и еще хуже, не можетъ рѣшиться быть Аргонавтомъ, и скакать на почтовыхъ въ Колхиду, за златымъ руномъ, т. е. на Кавказъ, за чиномъ Коллежскаго Ассессора, ибо мысль о кладбищѣ Тифлисскомъ, называемомъ *Ассессорскими*, подавляетъ въ немъ всѣ чувства

честолюбія. Не каждому свѣтитъ звѣзда Язона на пути въ Колхиду!

Утѣштесь, читатели! Бываютъ случаи, въ родѣ землетрясеній, которые выбрасываютъ человека изъ всегдашней колеи. Колесо фортуны задыло Оому Оомича, и выбросило вверхъ. Онъ попалъ въ особую Коммиссію, и произведенъ, за отличіе, въ Коллежскіе Ассессоры. Оома Оомичъ переѣхалъ на *важную* квартиру, на Адмиралтейскую сторону. Летитъ время, и подвигаетъ Оому Оомича все далѣе и далѣе. Вотъ онъ уже завелъ себѣ лошадку! Какая радость — первая лошадь! Оома Оомичъ самъ ходитъ въ конюшню, самъ смотреть, какъ моютъ его дрожки, и трепещетъ, когда кучеръ махнеть сильно кнутомъ. Время летитъ: и у Оомы Оомича уже золотые часики, золотой хомутообразный перстень на указательномъ пальцѣ, серебряный молочникъ и, въ гостинной, мебели краснаго дерева. У Оомы Оомича есть *гостинная*, слѣдовательно есть и *кабинетъ*, а кабинетная работа ведетъ все далѣе и далѣе. Вотъ уже у Оомы Оомича пара лошадей,

лакей, кучеръ и кухарка. Когда Оома Оомичъ ходилъ пѣшкомъ, то являлся въ Департаментъ въ девять часовъ утра; теперь онъ имѣетъ пару лошадей, и не спѣшитъ туда прежде десяти или одиннадцати часовъ. Уже служащіе помѣщики и купцы зовутъ его по имени и отчеству, и знакомятъ его съ своими родственниками; уже онъ вмѣшивается въ ихъ разговоры, и даже самъ *разсказываетъ*. Оома Оомичъ важенъ и холоденъ въ обращеніи съ подчиненными, прежними товарищами и ихъ наследниками, и чрезвычайно вѣжливъ съ богатыми и знатыми. Но здѣсь кончится мой предметъ. Прежній грибъ исчезъ, а на его мѣстѣ растутъ другіе грибы. Оома Оомичъ вышелъ въ люди, т. е. грибъ попалъ на серебряное блюдо. Но все таки онъ не измѣняетъ своей породы, и не можетъ быть трюфелемъ или анапасомъ. Вы узнаете Оому Оомича въ кругу людей всякаго состоянія, ибо переобразный характеръ его не измѣнился. Оома Оомичъ истинный Русскій патриотъ: онъ не любитъ иностранныхъ языковъ и даже тѣхъ, которые знаютъ

ихъ. Шампанское и бургонское теперь для него не диковинка, но все таки онъ лучше любитъ хорошую настойку и паливку. Онъ ѣстъ и Французскіе соусы и паштеты, но блюдо окрошки, пирога съ сыгомъ и хорошія щи гораздо для него пріятнѣе. Онъ гордъ со всѣми, которые не могутъ быть полезны ему, и терпѣть не можетъ сатирическихъ Писателей, говоря, что не должно ничего дурнаго выставять на показъ, чтобъ не унижить Россіи въ глазахъ иностранцевъ. Оома Оомичъ воображаетъ себѣ, что всѣ иностранцы такъ глупы, что если не будетъ напечатано, что въ Россіи, какъ и въ цѣломъ мірѣ, есть взяточники, то они не узнаютъ объ этомъ! — Вообще занятія Литературою Оома Оомичъ почитаетъ *бездѣльемъ*, и обходится съ Литераторами, какъ съ фиглярами, думая, что они созданы только для забавы публики. Всѣхъ имѣющихъ въ немъ нужду, Оома Оомичъ называетъ: *ты* и *братецъ*, а въ письмахъ къ низшимъ чинамъ всегда пишетъ: Милостивый Государь *мой*. Оома Оомичъ занимаетъ первое мѣсто на званныхъ обѣдахъ.

у богатыхъ купцевъ и на ихъ свадьбахъ, и не отказывается отъ приглашенія чиновниковъ штабъ-офицерскаго чина. Въ клубныхъ торжествахъ онъ всегдашній почетный гость. *Оома* *Оомичъ* весьма полезенъ по службѣ, ибо знаетъ наизусть всѣ формы, и помнить всѣ казусные случаи. Онъ врагъ всего новаго, и почитаетъ дураками всѣхъ, которые что нибудь выдумываютъ. Онъ подаетъ собою примѣръ чиновочитанія, и съ величайшимъ уваженіемъ говорить о людяхъ въ случаѣ и въ силѣ, однимъ словомъ *Оома* *Оомичъ* блаженствуетъ въ достаткѣ и въ чести, не знаетъ ни подагры, ни дурнаго пищеваренія, спитъ крепко, толстъ, здоровъ и красенъ, и сердится только—за вистомъ. Пріятели *Оомы* *Оомича*, показывая его своимъ дѣтямъ, говорятъ со вздохомъ: «и онъ былъ то же, что и мы! Счастье повезло ему...»

Утѣштесь друзья мои! есть люди, которые умѣютъ цѣнить васъ, и я самъ болѣе любилъ *Оому* *Оомича* въ *первой* половинѣ его жизни, нежели во *второй*. Тамъ онъ былъ

на своемъ мѣстѣ, а теперь мѣсто закрыло его бытіе, и грибъ, оставаясь всегда грибомъ — потерялъ свой запахъ въ пряностяхъ.

— N° XIX. —

ВЫБОРЪ НЕВѢСТЫ.

(Письмо къ Издателямъ Сѣвер. Пчелы.)

Въ пыльные время,

Жена безъ денегъ—бремя.

*(Поговорка Сочинителя сего письма,
предлагавшая въ поговорку.)*

—

У насъ, въ Россіи, многіе не вѣрятъ, что въ Англіи и во Франціи существуетъ обычай: жениться и выходить замужъ посредствомъ вызова охотниковъ и охотницъ

черезъ газеты. Лицемеры и скромницы морщатся и говорятъ, что это неприлично, неблагопристойно, грубо, и что это ваша выдумка, господа Журналисты. Что этотъ обычай точно существуетъ, ссылаюсь на васъ, М. Г., и на всѣхъ нашихъ земляковъ, бывшихъ въ Англіи и во Франціи, а что женитьба и замужество посредствомъ вызова черезъ газеты не хуже таковыхъ же, устроенныхъ свахами и услужливыми тетушками, въ этомъ я столь убѣжденъ, что, вознамерившись сочетаться законнымъ бракомъ, осмѣлился прибѣгнуть къ содѣйствию Сѣверной Пчелы, въ надеждѣ, что она доставитъ медку въ мой пустой улей. Если наше счастье весьма часто зависитъ отъ скотовъ, какъ сказалъ одинъ острякъ, то почему же не ждать счастья отъ полезнаго наѣскомаго! — И такъ, бью челомъ вашей Пчелѣ, лобызаю ея крылышки, и прошу разнести по обширной Россійской Имперіи мои надежды и желанія.

Я хочу жениться, но не имѣю ни малѣйшаго желанія быть влюбленнымъ въ бу-

душную мою жену, ибо полагаю, что это для счастливаго супружества дѣло лишнее. Съ любовью сопряжены ревность, капризы, мелочная угодливость, вредная доходамъ и запятіямъ, безпрестанный страхъ лишиться любимаго предмета, и т. п. — Это не жизнь, а мученіе. Не требую пламенной страсти и отъ будущей жены моей, на основаніи вышензъясненныхъ причинъ. Довольно того, ежели мы будемъ сносны другъ другу. Въ нашихъ философическомъ вѣкъ любовь изгнана даже изъ Романовъ, и сохранилась только въ Италіянскихъ аріяхъ и въ мечтахъ молодыхъ дѣвицъ. — Въ домашнемъ быту я намѣренъ слѣдовать Евангельскому правилу, какъ истинный Христіанинъ, и какъ коренной Русской не намѣренъ отступать отъ обычая нашихъ предковъ. Разумѣется, что я не стану запирать жены моей въ теремъ и покрывать фатою, ибо сіе запрещено Указомъ Петра Перваго; но хочу, чтобъ жена моя имѣла только *совѣщательный голосъ*, и чтобъ *исполнительная власть* оставалась при мнѣ. Впро-

чемъ на этотъ счетъ мы можемъ заключить съ будущею женою моею особыя условія, и опредѣлить въ точности предѣлы власти нашей. — Но во всякомъ случаѣ я требую настоятельно: *во-первыхъ*, чтобъ жена моя не дѣлала долговъ безъ моего вѣдома; *во-вторыхъ*, чтобъ не заводила знакомствъ съ людьми мнѣ непріятными; *въ-третьихъ*, чтобъ не сзывала гостей, не предувѣдомивъ меня; *въ-четвертыхъ*, чтобъ не перемѣняла слугъ, мужскаго пола, безъ моего согласія; *въ-пятыхъ*, чтобъ не отлучалась изъ дому въ мѣста, мнѣ неизвѣстныя, и не переписывалась съ мужчинами безъ моего вѣдома; *въ-шестыхъ*, чтобъ жена моя не мѣшалась въ дѣла, касающіяся до моей службы, и чтобъ не бралась никого покровительствовать, и наконецъ: *въ-седьмыхъ*, чтобъ не дѣлала мнѣ ни какихъ сюрпризовъ. Последнее обстоятельство можетъ показаться вамъ маловажнымъ, но я видалъ на другихъ, что пріятные сюрпризы доводить иногда до весьма непріятныхъ, ибо для сюрпризовъ надобно имѣть совѣтниковъ,

друзей дома, приучать прислугу къ тайнамъ, а изъ всего этого бываютъ дурныя послѣдствія. Одинъ позволенный сюрпризъ въ супружествѣ есть, новый халатъ мужу и утренніе шитые сапоги. Отъ всего прочаго отказываюсь.

Исключая сихъ семи заповѣдей, будущей женѣ моей предоставляется полная свобода кушать и пить, что ей угодно, одѣваться, какъ ей заблагоразсудится, (разумѣется съ условіемъ, чтобъ туалетныя издержки не превышали опредѣленной на сіе суммы), навѣщать пріятельницъ, живущихъ порядочно съ мужьями, сзывать къ себѣ подругъ, подбивать ихъ, веселиться и даже сплетничать. Театръ, балы, маскарады, гульбища не воспрещаются женѣ моей, съ тѣмъ только, чтобъ они не были исключительнымъ занятіемъ жизни, и чтобъ издержки на сіе соразмѣрились съ доходами.

Вотъ главнѣйшіе пункты союза; о прочемъ можно условиться изустно, при первомъ свиданіи.

Теперь я долженъ сказать о себѣ. Не буду подражать свахамъ, и не стану хвалить себя безусловно, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые ваши братья, Авторы и Журналисты. — Опишу самъ мои качества и недостатки, по совѣсти и по крайнему моему разумѣнію.

Почитаю излишнимъ говорить о моихъ предкахъ. У насъ, въ Россіи, это нужно только до чина Титулярнаго Совѣтника, а я, благодаря Бога, если не дослужился, то по крайней мѣрѣ *дожилъ* до штабъ-офицерскаго чина, имѣю притомъ два ордена, и ношу дворянскую медаль, хотя я и не старшій въ родѣ. Лѣтъ мнѣ подъ сорокъ, но сѣдыхъ волосъ нѣтъ вовсе, потому, что я не утруждаю головы моей выдумками и разсужденіями. Лице у меня полное, красное и здоровое. Глаза сѣрые и столь зоркіе, что я за пять верстъ распознаю сторублевую ассигнацію; и такъ, если моей невѣстѣ скажутъ, что я близорукъ, то пусть не вѣрять, ибо я не узнаю только, на улицѣ, тѣхъ людей, которые мнѣ неужжны.

Носъ мой хотя и начинивается, порядочно табакомъ, но не потерялъ формы, и составляетъ средину между носомъ Римскимъ и Чухонскимъ.— Хотя я самъ не курю трубки, но зубы мои нѣсколько почернѣли отъ табачнаго дыма, которымъ наполнены наши клубы до такой степени, что въ нихъ можно каптить вѣтчину. Волосы мои, какъ у большей части жителей Финскаго залива, не имѣютъ опредѣленнаго цвѣта: они похожи на печесанный ленъ, пересыпаемый золою. Роста я средняго, плотенъ, но не толстъ. Здоровья крѣпкаго, не боюсь ни простудъ, ни разстройства желудка; тѣмъ и нынѣ за троихъ на чужой счетъ, но дома умѣренъ и довольствуюсь двумя блюдами, двойной порціи. Одываюсь весьма чисто по праздникамъ и когда званъ въ гости, а въ обыкновенныя дни экономень въ одеждѣ, и донашиваю платья до тѣхъ поръ, пока не валится съ плечъ.— Въ квартирѣ моей соблюдается опрятности, потому, что это ничего не стоитъ и сохраняетъ мебели.— Въ людскую и въ кухню я не заглядываю.—

Правъ мой самый сносный. Веселья я тогда, когда имѣю деньги или получаю награжденія; скученъ, когда начальники не обращаютъ на меня особеннаго вниманія, которое я стараюсь заслуживать возможною угодливіостью и исполненіемъ всѣхъ ихъ прихотей и желаній. Но получаемыя мною непріятности я выметаю только на моихъ подчиненныхъ и на просителейъ, а какъ жена моя будетъ въ одномъ со мною чинѣ, и не станетъ беспокоить меня по дѣламъ службы, то она не почувствуетъ никогда моего гнѣва и дурнаго расположенія духа. Въ дѣлахъ моихъ я честенъ, потому, что нынѣ опасно плутовать, однакожъ жена моя не должна опасаться, чтобъ я отъ честности пошелъ, на старость, по міру. Если мнѣ удастся схватить хорошенъкое мѣстечко въ провинціи, подальше отъ зоркихъ глазъ столичнаго начальства, то я не упущу случая обезнечить мое семейство, безъ большаго ущерба казнѣ и безъ явной обиды ближнему, по пословицѣ: курочка по зернышку клюетъ, а сыта бываетъ. Страстей и привычекъ у ме-

ни никакихъ нѣтъ. Играю въ вистъ въ клубъ и въ гостяхъ, для того только, чтобъ имѣть какую нибудь точку сообщенія съ людьми, и играю честно, т. е. заглядываю въ чужія карты тогда только, когда ихъ держатъ неосторожно, и мигаю партнеру, чтобъ онъ козырялъ, въ такомъ только случаѣ, когда онъ понимаетъ знаки. — Въ клубъ хожу для того только, чтобъ показываться порядочнымъ людямъ, и на собственный счетъ пью одну только брусничную воду. На книги не издерживаю ни полушки, а если появится что либо любопытное и не сатирическое, то беру прочесть у пріятелей или у подчиненныхъ. Отъ самихъ же Авторевъ книгъ не получаю, потому, что я не люблю водиться съ ними. Они слишкомъ взыскательны: толкуютъ безпрестанно о честности, о грамотности, о просвѣщеніи, о патріотизмѣ и другихъ спотворенныхъ предметахъ. Люблю я знаться съ богатыми Русскими кушачами, усиливающимися вскарабкаться превыше своего сословія. Они хорошо кормятъ и поятъ за фамилярность съ нашей братьей, и щедро платятъ за услу-

ги. О образъ жизни моей говорить нечего. Она течетъ тихо и медленно, какъ мойка въ гранитныхъ берегахъ, унося съ водами своими всѣ нечистоты въ общій архивъ, въ Неву. Будущей женѣ моей предоставлено сдѣлать преобразование въ моей жизни и привычкахъ, сообразно приданому, чину и званию ея родни. —

Состоянія у меня нѣтъ, кромѣ небольшого капиталца, собраннаго съ большимъ трудомъ, на черный день. Жалованье я получаю изрядное, и притомъ ежегодное награжденіе. Но у меня есть огромный *невещественный капиталъ*, а именно знаніе моего дѣла, прилежность, покровительство начальства, сильное желаніе составить себѣ большое состояніе, и надежда на полученіе хорошаго мѣста. Все это стоитъ, по малой мѣрѣ, полумилліона. За этотъ *невещественный капиталъ*, справедливость требуетъ, чтобъ жена моя имѣла, по крайней мѣрѣ, четверть милліона *вещественнаго* капитала. Иначе не будетъ между нами равенства, необходимаго въ супружествѣ.

Не требую, чтобъ жена моя была слишкомъ хороша собою, отлично умна и въ первой молодости; признаюсь, что я даже боюсь большого ума въ женщинѣ, а красоту почитаю едва ли не излишнюю принадлежностью законной жены. На счетъ права я также сговорчивъ; какъ половину дня я долженъ быть на службѣ, то въ это время жена моя можетъ браниться, сколько ей угодно, съ слугами и трепать по щекамъ служанокъ. Хочу только, чтобъ она успокоивалась до моего возврата. Я сложу пивъ мой въ Департаментъ, а она пусть сложитъ его въ кухню, и мы можемъ быть прелюбезными половину дня. Важное дѣло приданое! На этотъ счетъ имѣю честь предупредить всѣхъ охотницъ вступить со мною въ законный бракъ, что я чрезвычайно аккуратенъ, педовѣрчивъ и даже неумолимъ въ условіяхъ. Мнѣ известно, что въ иныхъ мѣстахъ съ перваго слова сулятъ вамъ за женою тысячу душъ, а какъ прійдетъ до расчета, то окажется, что души заложены и въ казны и въ частныхъ рукахъ, и что

доходъ съ имѣнья едва достаточенъ на уплату процентовъ. Я довольно долго прослужилъ Титулярнымъ Советникомъ, безъ участія въ совѣщаніяхъ и теперь не хочу быть титулярнымъ бариномъ. Знаю также, что счетъ приданого въ деньгахъ часто оказывается невѣрнымъ, и почтенные родители, обычая триста тысячъ рублей, даютъ едва половину наличными, а другую половину накладываютъ тряпками, кастрюлями, мебелями, экипажами, оцѣнивая каждую вещь въ десятеро дороже. Это мнѣ также весьма не нравится. Я люблю вести дѣла на чистоту. Моя будущая жена должна имѣть или недвижимое имѣнье безъ долговъ и залоговъ, или банковые билеты. — А какъ въ наше время только одніе воспитанницы богатыхъ людей такъ счастливы, что получаютъ въ приданое или наличныя деньги или недвижимое имѣнье безъ долговъ, въ видѣ продажи, то я рекомендую особенно всѣмъ воспитанницамъ, называющимся воспитателя своего *напиской* (разумѣется, безъ свидѣтелей), и обычаю имъ торжественно, никогда не

заглядывать въ ихъ метрику, цѣловать въ ручку, при гостяхъ, ихъ маменьку, хотя бы она была Чухонская кухарка, и даже сажать ее съ собою за столъ, при гостяхъ и безъ гостей, если только это угодно будетъ женѣ моей. За родню (въ которой всѣ лица мужескаго пола носятъ дворянскія медали) также ручаюсь, что всѣ они будутъ обходиться съ маменькой съ величайшимъ уваженіемъ, и никогда не станутъ беспокоить ее разспросами объ ея мужѣ, а объ моемъ тестѣ. — Воспитатель жены моей можетъ пріѣзжать къ намъ, когда ему угодно, тышиться нашими дѣтками, дѣлать имъ подарки, и, если ему заблагоразсудится, чтобъ никто не зналъ объ его посѣщеніяхъ, то тайна будетъ соблюдаться свято. Если же будущая моя невеста сирота, и находится подъ властью опекуновъ, то я общаю симъ почтеннымъ опекунамъ разсчаться съ ними дружески, и не требовать отчета за прошедшее, лишь бы настоящее стоило того, чтобъ на прочее взглянуть сквозь пальцы. — По особенной моей при-

язанности къ купеческому сословію, я весьма былъ бы радъ, если бъ судьба опредѣлила мнѣ жениться на купеческой дочери. Пусть борода будетъ ниже колѣна у моего тестя, пусть теща моя на версту припахиваетъ постнымъ кушаньемъ, и пусть невестушка моя не помѣстится въ трехъ корсетахъ. — Мнѣ до этого нѣтъ нужды! — Главное дѣло въ томъ, чтобъ въ приданомъ не входили въ счетъ ни купеческіе векселя, ни вещи, ни посмертныя обыданія. Если же между почтеннымъ купечествомъ есть добрые родители, которые, уже принявъ полу-Нѣмецкіе обычаи, желаютъ не только внуковъ своихъ, но и дѣтокъ вывести въ дворяне, то я общаю вышерѣченныхъ дѣтокъ взять подъ свое покровительство, и даже безъ университетскаго патента вывести (современемъ) въ Коллежскіе Ассессоры за отличие, или, пустивъ ихъ служить по счетной части, въ которой у меня есть пріатели, знающіе правило: рука руку моетъ и объ былъ — Все сказанное здѣсь о почтенномъ Русскомъ купечествѣ относится не

только къ Гг. купцамъ, но даже и къ ремесленникамъ изъ *Нѣмецкой націи*, къ которымъ я питаю особенное уваженіе, если они богаты, если бѣ даже, желая казаться гордыми и умными, они были грубы и упрямы, какъ лошадь. — Хотя я и не обучался *Нѣмецкому діалекту*, по будучи лѣтъ двадцать членомъ биргеръ-клуба, понимаю нѣсколько, когда говорятъ не скоро, а притомъ охотникъ до пива и до буттерброта, и окуренъ табакомъ, какъ копченый гусь. Кондиціи тѣ же, что и съ Русскими, съ однимъ только исключеніемъ, а именно: поставляю въ обязанность будущему моему тестю не принуждать меня напиваться допьяна на Нѣмецкихъ похоронахъ. — Вдовы, вдовушки, дѣвы и дѣвицы, желающія видѣть меня и условиться со мною лично или чрезъ посредство своихъ опекуновъ, родителей и воспитателей, благоволятъ являться на тротуаръ Невскаго проспекта, ежедневно, между 3-мя и 4-мя часами. Надѣюсь, что меня легко узнать по описанію, а впрочемъ я теперь пріосанился, держусь прямо, гля-

жу въ лице прохожимъ смѣле, и пріятно улыбаюсь дамамъ, надѣясь найти между ними суженую. Да и какъ не узнать искателя невѣсты, когда каждый мужчина, заглянувъ раза два въ глаза дѣвицѣ или вдовушкѣ, тотчасъ догадывается, ищетъ ли она жениха, или уже нашла его и только ждетъ случая открыться. — Если это можно узнать изъ взоровъ, пріемовъ, наряда и поступки женщины, то ладно, что женщина такъ же легко проникнетъ мужчину, а потому въ увѣренности, что мнѣ не долго расхаживать въ одиночествѣ по Невскому проспекту, честь имѣю быть покорнымъ слугою всѣхъ ищущихъ мужа и зятя (*).

Подписано: Любитель *прилагательнаго*
въ супружествѣ.

(*) Присемъ честь имѣю увѣдомить, что уже восьмой мѣсяцъ у меня готово позволеніе жениться за подписью начальства и съ приложеніемъ казенной печати, слѣдовательно за мной не будетъ ни какой остановки.

— № XX. —

ПРАЗДНИЧНЫЯ ПОЗДРАВЛЕНІЯ.

«Я васъ не понимаю.» — «Много чести!»

Разговоръ на Сине-мъ мосту.

На человѣка мыслящаго и чувствующаго находятъ минуты, въ которыя онъ ни спитъ, ни бодрствуетъ. Чувства его находятся въ онѣмѣніи, но онъ слышитъ, видитъ и осязаетъ внутренними, или лучше сказать умственными органами. Кажется, будто душа въ ту минуту уносится въ другой міръ, и смотритъ на землю сверху. Какъ мелка яв-

ляется тогда земля внутреннему взору! Въ это положеніе (т. е. между сномъ и бодрствованіемъ) человѣкъ никогда не впадаетъ ни за вистомъ, ни послѣ сытыхъ обѣдовъ и ужिनговъ, ни на балѣ, ни во время мечтаній о томъ, какое онъ будетъ занимать мѣсто, и въ какомъ будетъ чинѣ послѣ десяти или двадцати лѣтъ службы. Этому болѣзненному состоянію подвержены только люди, которыхъ въ свѣтѣ называютъ *праздниками* и *пустыли*, т. е. люди, которые проводятъ время въ чтеніи, въ размышленіи о прочитанномъ, и въ изложеніи собственныхъ мыслей и чувствованій — на *простой* бумать. Этихъ людей, по справедливости, чуждается свѣтъ, ибо они дурно играютъ въ вистъ, не пьютъ вина и не поятъ виномъ, и притомъ грубіяны: не водятся съ глупцами, хотя бы они были одѣты по послѣдней модѣ, и ѣздили въ каретѣ четверкой; отворачиваются отъ лихомцевъ и лицемѣровъ, даже въ лучшемъ обществѣ, и не ищутъ ни дружбы, ни знакомства, ни покровительства тѣхъ, кото-

рыхъ не могутъ уважать въ душѣ. Чудаки! За то достается порядкомъ отъ свѣта этимъ *празднѣлымъ* и *пустылымъ* людямъ! Волею или неволею они должны искать уединенія, а въ уединеніи именно и находятъ на челоѣка это состояніе между сномъ и бодрствованіемъ, о которомъ я говорилъ выше.

Въ первый день праздника я сидѣлъ запершись въ моей квартирѣ, и смотрѣлъ на міръ съ пятого этажа, какъ Вральманъ (въ Недорослѣ) съ своихъ козель. По улицѣ быстро неслись кареты и сани, а пѣшеходы обгоняли другъ друга. Это былъ день *поздравленій*, и всѣ люди, привязанные къ свѣту тяжелою цѣпью обстоятельствъ, всѣ люди, брошенные въ свѣтъ тѣлеславіемъ, всѣ люди, плывущіе въ свѣтъ по теченію, спѣшили съ поздравленіями къ тѣмъ, отъ которыхъ чего нибудь надѣются, желаютъ получить, и къ тѣмъ, которые могутъ ихъ лишить чего нибудь или удержать въ полетѣ. — Внизу, на улицѣ, кипѣли жизнь и движеніе, а сверху, надъ крышами и трубами, была пуста и тишина. Наскучивъ смотреть внизъ, я

сталъ смотрѣть вверхъ, и задумался — о *пустотѣ*!

Вдругъ кто-то ударилъ меня, легонько, по плечу. Я оглянулся, и вижу — женщину! Лице ея, не прекрасное, но милое, казалось мнѣ знакомымъ, какъ будто я видѣлъ его во снѣ или мелькомъ, въ экипажѣ. Въ моихъ лѣтахъ посѣщеніе женщины не есть уже пинтическая минута жизни, а потому я преспокойно посмотрѣлъ на нее, и ждалъ, что она скажетъ мнѣ, не надѣясь ни любовнаго признанія, ни дружескихъ объясненій. Она нѣсколько минутъ смотрѣла на меня безмолвно и улыбалась, наконецъ сказала:

— «Ты размышляешь объ этомъ необозримомъ пространствѣ, которымъ окружена земля, и думаешь что оно пусто? — Въ міръ нѣтъ пустоты, и даже глупыя головы набиты — вздоромъ. Ты смотришь на міръ *видимый*, но не постигаешь міра *невидимаго*. Невидимый, или нравственный міръ, такъ же какъ и міръ видимый, наполненъ предметами *смертными* и *бессмертными*. Бессмертныя существа въ міръ нравственномъ

суть *мысли* и *чувствованія*, а смертныя *безполезныя дѣла* и *звуки*, или *слова*. — Какимъ бы образомъ ты ни выразишь *мысли* и *чувствованія*, если въ нихъ есть истина, и если онѣ согрѣты въ душѣ, то онѣ никогда не умрутъ, но, какъ пухъ цвѣтовъ, переносясь изъ сердца въ сердце, изъ головы въ голову, оплодотворяютъ другія мысли и чувствованія, и наконецъ принесутъ плоды, которые въ свою очередь произведутъ семена новыхъ мыслей и чувствованій....»

Я прервалъ словоохотную посетительницу, и сказалъ ей: „Гдѣ вы это вычитали?“

— «Я существо *оригинальное*,» отвѣчала она мнѣ, улыбаясь пріятно: «никогда, ничего и ни у кого не заимствую, и навѣщая изрѣдка тѣхъ, которые гоняются за мною, дарю ихъ собственными издѣліями. Но ты хотѣлъ знать, чѣмъ наполнено пространство, которое ты почитаешь *пустотою*. Прозри!»

Женщина сняла съ себя кружевный покровъ, и набросила на меня. Я посмотрѣлъ въ воздухъ, и вижу: —

Все пространство надъ Петербургомъ освѣщено, какъ будто бы горѣлъ фейерверкъ. Ничто, въ родѣ ракетъ и Римскихъ свѣчъ, летитъ вверхъ и лопается въ воздухъ, оставляя послѣ себя легкій, прозрачный дымъ. Ракеты и свѣчи горѣли разноцвѣтными огнями, и лопая производили то большій, то меньшій звукъ, сообразно своему объему.

— «Что это значитъ?» спросилъ я.

— «Это комплименты и праздничныя поздравленія?» отвѣчала женщина.

— «Что изъ нихъ будетъ?»

— «Трескъ и дымъ—и болѣе ничего?» отвѣчала она.— «Я тебѣ уже сказала, что мысли и чувствованія перепадаятъ изъ сердца въ сердце, изъ головы въ голову, а пустыя фразы, слова безъ мыслей и безъ чувствованій, лопаются и умираютъ, то есть, будучи ничѣмъ, превращаются въ ничто.

Вдругъ въ воздухъ поднялись цѣлыя буракеты ракетъ, и стали лопать съ трескомъ, затемнивъ дымомъ другіе предметы.

— «Это что-то необыкновенно?» сказалъ я.

— «Отдѣльныя ракеты суть отдѣльные комплименты и поздравленія, а эти букеты суть поздравленія цѣлыхъ департаментовъ, палатъ, сословій, поздравленія *in corpore*,» отвѣчала женщина.

— «Но этотъ ужасный дымъ?»..... спросилъ я.

— «Вреденъ для слабой головы, ибо можетъ произвести угаръ, опасенъ для холоднаго сердца, ибо можетъ раздуть его, по безвреденъ для головы, въ которой живетъ мысль, и неприкосновенъ къ сердцу, уединенному чувствованіями.»

Я задумался, и послѣ того сказалъ: «Я не поѣду съ поздравленіями въ праздникъ, ибо въ будніе дни хожу только къ людямъ, у которыхъ въ головѣ есть мысли, а въ сердцѣ чувствованія.»

— «И очень умно сдѣлаешь,» отвѣчала женщина, взяла свой покровъ и удалилась, такъ, что я того не замѣтилъ.

Я провелъ цѣлый день, ломая голову, кто такова посетившая меня женщина. — Наконецъ я вспомнилъ, что она похожа на *идею*, которую я видѣлъ, находясь однажды, въ положеніи между сномъ и бодрствованіемъ.

— № XXI. —

**ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЧУХОНСКАЯ
КУХАРКА,**

ИЛИ

**ЖЕНЩИНА НА ВСѢХЪ ПРАВАХЪ
МУЖИЧНЫ,**

ИЛИ

**LA FEMME ÉMANCIPÉE DES SAINT-
SIMONIENS.**

ЭПИЛОГЪ КЪ ФИЛОСОФИЧЕСКИМЪ ГЛУПОСТЯМЪ

ХІХ ВѢКА.

Нашель! нашель!

Архиледъ.

Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ филосо-
фы прогнали бѣдное человѣчество сквозь

строй всѣхъ возможныхъ глупостей. Чѣмъ
насъ не хмелали они за грѣхи наши! И рес-
публиками, и естественною, т. е. бараньей въ-
рою, и всемірною представительною монар-
хіей, и гильотиннымъ равенствомъ, и всякой
всячиной, чего нельзя ни въ сказкѣ расска-
зать, ни перомъ описать. А изъ чего была
вся эта напасть? Изъ одного человѣколюбн-
ваго правила — «что твое, а то мое, что
мое, до того тебѣ дѣла нѣтъ.»

Казалось бы, что пора людямъ перебе-
диться: но нѣтъ! — чѣмъ далѣе въ воду, тѣмъ
глубже. Вотъ, въ наше время, возсталъ сек-
та Сенсимонистовъ, которая пресерьозно
предлагаетъ роду человѣческому отречься отъ
собственности, разделить имущество по-брат-
ски, соразмѣрно съ умомъ и способностями
каждаго, и жить общинами, припѣваячи
псалмы, сочиненія основателей секты. Лю-
бопытно знать, что выигралъ бы Ротшильдъ
въ этомъ дѣлѣжѣ, и что потеряли бы лѣнни-
цы и пьяницы съ братьей? Но объ этомъ
господа Сенсимонисты не беспокоятся. Они
обшачаютъ великія блага своимъ послѣдова-

телямъ, именно, право запустить бороду, право ходить въ шутовскомъ камзолѣ по улицамъ, право не заботиться о воспитаніи дѣтей своихъ и о поведеніи и прокормленіи жены, и право чистить собственные и чужіе сапоги, и рыть гряды въ общественномъ саду. Все это прекрасно; но новые апостолы позабыли, что всѣми этими благами люди могутъ наслаждаться даромъ, не дѣлаясь имѣніемъ; что наши Русскіе кучера, не будучи Сенсимонистами, посятъ преокладистыя бороды; что наши модные фраки почти такъ же смѣшны, какъ Сенсимонистскіе камзолы; что у насъ и безъ Сенсимонистовъ давно ведется обычай не заботиться ни о женѣ, ни объ дѣтяхъ, и что чистка сапоговъ и копанье грядъ любителямъ этихъ занятій не запрещены ни какимъ закономъ. Родъ человѣческій, на воззваніе Сенсимонистовъ отвѣчалъ: Соловья баснями не кормятъ! — а Парижская полиція, догадываясь, что нравственность Сенсимонистовъ ничѣмъ не отличается отъ высокой нравственности уличныхъ воровъ, которые также дѣлятся чужою соб-

ственностью для уравниванія имуществъ, только тихомолкомъ, не пѣвая псалмовъ, — Парижская полиція выпроводила господъ философовъ за шлагбаумъ, продержавъ сперва старшинъ секты въ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ ворами, для уравниванія послѣдствій, происшедшихъ отъ однихъ началъ. Тогда старшина секты, называющій себя «верховнымъ отцемъ,» Père suprême, мусье Анфантенъ, бывший некогда гувернеромъ въ Петербургѣ, ударилъ себя по лбу и сказалъ своимъ товарищамъ: Братья! родъ человѣческій еще не созрѣлъ, глупъ и не хочетъ раздѣлить между нами плодовъ своего труда и бережливости, отговариваясь тѣмъ, будто отъ насъ такая же прибыль, какъ отъ козла, — ни шерсти ни молока; надобно перевоспитать родъ человѣческій; и это великое дѣло должно начать съ женщинъ, потому что ихъ попеченію ввѣрено наше дѣтство, и отъ нихъ получаютъ первыя впечатлѣнія. Но чтобы привлечь женщинъ на нашу сторону, надобно имъ дать что-нибудь, а какъ у насъ ничего нѣтъ, и родъ человѣческій еще не по-

дѣлился съ нами своимъ нмуществомъ, то мы должны обѣщать что-нибудь. По слову данной мнѣ вами власти, я обѣщаю женскому полу освобожденіе отъ зависимости мужчинъ, и право занимать всѣ мѣста и должности, которыя занимали до сихъ поръ одни мужчины. Разсудите, на что не рѣшится женщина, чтобъ имѣть право отдать подъ судъ невѣрнаго любовника или посадить подъ арестъ докучливаго мужа! Подумайте, на что не посягнетъ женщина, чтобъ лично командовать полкомъ удалцовъ! Такъ я вамъ объявляю освобожденіе женскаго пола, *l'émancipation de la femme*. Но, чтобъ повести дѣло съ успѣхомъ, намъ нуженъ образецъ, а потому мы должны отыскать, гдѣ бы то ни было, освобожденную уже женщину, *la femme émancipée*, которую назовемъ «верховною матерью» *femme mère*. Подъ этимъ предлогомъ отправимся, друзья мои, странствовать по бѣлу свѣту, и начнемъ съ странъ Востока, съ магометанскаго исповѣданія. Тамъ родъ человѣческій не такъ глупъ, какъ въ нашей состарѣвшейся Европѣ, и по-

зволять нашимъ дѣлить чужую собственность. Тамъ, на Востокъ, какъ видите, уже посѣяны сѣмена Сенсимонизма; притомъ же тамъ странниковъ кормятъ даромъ, ежели у нихъ нѣтъ денегъ, потому что Магометъ повелѣлъ и собаку кормить даромъ, когда собака отстала отъ своего хозяина. Такъ, господа, бороду въ зубы, котомку на плечи, — и маршъ!»

Сказано и сдѣлано. Сенсимонисты отправились въ путь. Сперва они завернули въ Константинополь, но оттуда ихъ выпроводили по добру, по здорову. Тогда направили они стопы въ Египетъ, къ старикѣ Алипану, который изъ всего извлекаетъ выгоды и радъ бы вить веревки изъ песка. Посмѣявшись, подъ рукою, надъ глупостью жителей Франкистана, Алипана не выгналъ однако жъ Сенсимонистовъ изъ Египта: онъ смѣкнулъ, что между ними, какъ во всякой сектѣ, есть дураки и плуты, — употребилъ, всѣхъ въ дѣло, чтобъ не кормить даромъ, и велѣлъ имъ быть школьными учителями а за то позволилъ старшинѣ отыскивать

на всѣхъ базарахъ ту рѣдкость, за которою онъ отправился въ путь, потому что на базарахъ Египта собираются всѣ сварливыя старухи и всѣ безобразныя невольницы. И вотъ наши Сенсимонисты теперь въ Египтъ, отыскивая чудо чудное, диво дивное, — женщину освобожденную отъ власти мужчинъ. Знали же Сенсимонисты, гдѣ искать такого кладу!

Видно, что отецъ Анфаятевъ помѣшался въ умѣ съ горя, или съ радости. Вѣдь онъ былъ въ Петербургѣ: какъ же ему не знать, что у насъ изстари ведется цѣлое племя женщинъ, освобожденныхъ отъ всякой власти мужчинъ, племя составляющее особый Амазонскій народъ, племя, подѣ властью котораго состоятъ почти три четверти Петербурга, племя господствующее въ кухняхъ, на Конной, на Сѣнной, въ мясныхъ и овощныхъ рядахъ, на Никольскомъ, на Кругломъ и на Андреевскомъ рынкахъ? Это племя — чухонскія кухарки.

Есть между ними и молоденькія, и хорошенькія, но они нейдутъ въ счетъ. Это

только ученицы, рекруты, и пока не выдержатъ времени искуса, не причисляются къ племени. Еще можетъ случиться, что прелестная кастрюльная герония попадетъ въ горничныя, а по мѣрѣ выгодныхъ условій вознесется выше и выше, или спадетъ ниже и ниже. Судьба ихъ еще не рѣшена. Очагъ для начинающей съ молодыхъ лѣтъ кухарки есть то же, что вѣщій жертвенникъ Египетскихъ жрецовъ. Въ этомъ пламени сокрыта будущая участь ея. Не будучи даже ни красивою, ни слишкомъ молодою, можно отъ очага попасть прямо въ храмъ фортуны. Начинаящая кухарка знаетъ это, и часто предается мечтамъ, пока доваривается супъ или дожаривается жаркое. Мечты и надежды, промерзнувъ въ головѣ поэта и изчавнувъ въ сердцѣ несчастнаго искателя, иногда залетаютъ погрѣться въ кухню.

Въ Петербургѣ, какъ въ большой улей, слетаются съ цѣлаго свѣта пчелы и трутни. Трудолюбивый ремесленникъ, комиссіонеръ купеческой конторы или художникъ идутъ къ намъ за хлѣбomъ съ живописныхъ береговъ

Рейна, съ горъ Апеннинскихъ, изъ виноградниковъ Франціи или изъ тумановъ Англіи. Первая тысяча рублей, добытая честнымъ трудомъ, — первая тысяча почти всегда пріобрѣтается честно, — употребляется на наемъ квартиры и заведеніе небольшого хозяйства, въ которомъ первая принадлежность есть кухарка. По естественному ходу вещей, она дѣлается первымъ и главнымъ лицомъ въ домъ нововодворившагося иностранца, по своимъ познаніямъ въ Статистику, въ Физиологію и въ Политическую Экономію, источникъ домашняго благоденствія. Мастерскія наши наполнены работниками Финскаго племени и Русскими: Нѣмецъ или Французъ только блеститъ на вывѣскѣ. Безъ помощи своей кухарки мастеръ-хозяинъ былъ бы глухъ и нѣмъ, а что еще хуже, былъ бы трижды въ день надутъ нашими смышленными лавочниками, мясниками, зеленщиками и лабазниками, которые, еще во время посѣщенія Москвы Герберштейномъ, умѣли продавать товаръ лицомъ, и смѣлялись надъ мудростью Шмидцевъ. Такъ хозяинъ, по

неволѣ, долженъ быть зависимымъ отъ своей кухарки которая, пользуясь своимъ положеніемъ, прибираетъ хозяина въ когти, и гладитъ то по шерсти, то противъ шерсти. Наконецъ зависимость превращается въ привычку, а привычка въ другую натуру, и если мастеръ-хозяинъ, или полукупецъ, не найдутъ случая выбиться изъ зависимости своей кухарки при помощи брачнаго союза съ цеховою или гильдейскою дочкою, то дѣло кончается тѣмъ, что кухарка становится мадамою слесаршею или кузнечихою, даже купчихою, одѣвается въ шелкъ и батисть, и ѣздитъ на балы въ биргерь-клубъ, гдѣ весьма основательно критикуетъ паштеты съ пригорѣлымъ масломъ, и рябчики, которые пахнутъ клдбищемъ.

Иногда и дворянская мантия ниспадаетъ на плеча, согрѣтыя очажнымъ пламенемъ. Бѣдный, трудолюбивый чиновникъ безъ роду и племени, безъ связей и знакомствъ, заводится домкомъ, на холостую ногу. У него много работы, и онъ любитъ посидѣть дома въ халатѣ, покушать любимаго блюда.

Трактирная жизнь дорога, прачка еще дороже; онъ принимаетъ чухонскую кухарку, которая кормитъ его, обмываетъ, обшиваетъ, ухаживаетъ и прискребываетъ, приголубливаетъ и прищипориваетъ, и наконецъ.... Конечъ тотъ же, что и съ мастеровымъ. Кухарка дѣлается ея благородіемъ, ея высокоблагородіемъ, и такъ далѣе.

Но все это исключенія изъ правила. Почтенному отцу Анфантену, верховному отцу Сенсимонистовъ, не въ этомъ разрядѣ должно искать верховной матери, женщины на правахъ мужчины, une vraie femme émancipée. Онъ найдетъ ее въ числѣ тѣхъ кухарокъ, которыя уже прошли сквозь огонь и воду, служили и у мастеровъ, и у купцовъ, и у чиновниковъ, и у холостыхъ, и у вдовцевъ, и у женатыхъ, и остались въ своемъ почтенномъ званіи до просѣды въ волосахъ и до румянца на оконечности вздернутаго носа. Описывать поодиначкѣ всѣхъ этихъ кандидатокъ въ верховныя матери мнѣ такъ же невозможно, какъ невозможно въ Этнографіи и Статистикѣ описывать особо каждого жителя страны

Отецъ Анфантенъ есть ядро всеобщей представительной системы: поэтому мы имѣемъ честь представить ему представительницу всѣхъ кандидатокъ въ верховныя матери, одну изъ тысячъ, взятую на выдержку.

Верховному отцу только трудно будетъ объясниться съ будущею подругою и сподвижницей въ гигантскомъ трудѣ преобразованія рода человеческого на философическую стать. Почтенныя кухарки говорятъ языкомъ, для понятія котораго надобно имѣть безпрестанно подъ рукою лексиконы Финскаго, Эстонскаго, Нѣмецкаго и Русскаго языковъ: рѣчи ихъ нашингованы словами четырехъ языковъ¹, и представляются слуху въ видѣ крошки или фрикасе изъ остатковъ вчерашняго разнороднаго жаркаго. Кромѣ того, надобенъ особенный навыкъ, чтобъ понимать ихъ произношеніе: онѣ обрубаютъ языкомъ согласныя буквы при взаимномъ ихъ сочетаніи, какъ обрубаются когти у жареныхъ цыплятъ и рябчиковъ. Чтобъ понимать этотъ языкъ, не нужно однако жъ ни какой грамматики, потому что Петербургъ

скія кухарки не употребляютъ этой тяжелой пищи, подобно всѣмъ самороднымъ гениямъ. А что наши Петербургскія кухарки гении, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Петербургская кухарка не учится вовсе своему ремеслу, привѣзжаетъ въ Петербургъ изъ Ревеля или изъ Выборга, гдѣ только весьма богатые люди держатъ поваровъ, а семейства, довольствующіяся кухаркою, не употребляютъ болѣе трехъ блюдъ, даже въ праздники. Основаніе этихъ блюдъ—невишній картофель, смиренная капуста и скромные горохъ и бобы, съ весьма малымъ количествомъ мяса и цѣлою бѣздною молокомъ. Спрашивается: какимъ же средствомъ, если не вдохновеніемъ генія, эти кухарки изготовляютъ отлично пудингъ и ростбифъ у Англичанина, макаронны и стуфату у Итальянца, сладкіе соусы у Германца, славныя щи и кулебяки у Русскаго, рагу съ трюфелями и паштеты у Француза, когда онъ отъ роду не видывалъ этихъ чудесъ? Кухарка, подобно великимъ поэтамъ и всѣмъ великимъ гениямъ, пользуется не писаніями,

а преданіями. Въ душѣ ея, въ этомъ безсмертномъ очагѣ, горитъ любовь къ искусству, — и только одна любовь къ своему ремеслу производитъ чудеса; голова ея, какъ кастрюля, перевариваетъ всѣ идеи о прекрасномъ искусствѣ. Оттого кухарка пользуется въ домѣ и въ домѣ полнымъ уваженіемъ. Дворникъ, носящій дрова и воду; кучеръ, приходящій погрѣться въ кухню; служанки, нагревающія свои кофейники у господскаго очага; лакей, съдающій остатки господскаго обеда, и даже барышни, для которыхъ нагреваютъ въ кухнѣ утюги и щипцы для папильотовъ, — всѣ льстятъ владычицѣ кухни, всѣ признаютъ ея господство въ важнѣйшемъ отдѣленіи дома. Признакъ ея могущества, замѣняющій диктаторскій жезлъ, есть огромный мѣдный кофейникъ, кипящій съ утра до ночи лакомое пойло изъ цикорія съ примѣсью кофе. Этотъ кофейникъ есть необходимая принадлежность кухарки, точно такъ же какъ огромный перкалевый чепецъ, вздернутый носъ, рыжіе или сѣро-платиновые волосы и кошачьи глаза. Голосъ ея, какъ горное эхо,

раздается въ кухнѣ и страшить даже прохожихъ по черной лѣстницѣ. Горе служителю дома, попавшему въ немилость кухарки, которою довольны господа! Ему не удастся даже лизнуть господскаго блюда, и онъ не приблизится никогда къ благословенному очагу, не понюхаетъ пара кастрюль! Но кто осмѣлится противорѣчить той, которой платятъ дань и зеленщикъ и мясникъ и лабазникъ, и даже смышленная охтинскаго молочница, подчующая, съ ея позволенія, господъ, вмѣсто густыхъ сливокъ, молочной кашицей изъ пшеничной муки, съ мѣлкомъ или известью! Всѣ поставщики съѣстныхъ припасовъ должны дѣлиться съ ней барышами, какъ ибкогда дѣлились смиренные жители городовъ съ феодальными баронами, и какъ нынѣ подрядчики и поставщики дѣлятся съ.... съ кѣмъ бишь? — досказывать не мое дѣло: а разумѣется съ тѣми, кто можетъ и хочетъ подѣлиться.

Если мужчины поклоняются и несутъ дары женщины не за красоту ея, то вѣрно по важности ея отца, мужа, брата или зя-

тя. Одна только кухарка беретъ дань по занимаемому ею мѣсту, слѣдовательно она одна на правахъ мужчины.

Надобно видѣть ее подъ качелями или въ Екатерингофѣ, когда она, накурмивъ господъ, наслаждается прогулкою, наряженная въ новый кисейный чепецъ, въ ситцевое или даже въ шелковое платье безъ корсета, въ купавинскій платокъ, и когда землякъ ея, слесарь или сапожникъ, ведетъ ее торжественно подъ руку, вооруженный въ другой рукѣ пряникомъ и орѣхами. Гордо смотритъ она на весь женскій полъ, смѣло расталкиваетъ толпу мыловидныхъ и робкихъ горничныхъ и магазинныхъ швей, и не уступаетъ дороги даже женамъ кузнеца и мѣдника, прежнимъ ея подругамъ. Въ теченіе двадцати-лѣтняго своего пребыванія въ Петербургѣ, она служила, по крайней мѣрѣ, въ пятнадцати домахъ, и знаетъ множество народу. Множество лаксеевъ, дворниковъ, лапочниковъ знаютъ ее и кланяются ей, не доверяя судьбѣ, могущей свести ихъ снова въ одну кухню. Она чувствуетъ важность свою,

и принимает поклоны небрежно. Зачѣмъ ей унижаться! Зрѣлая дѣва или давнишняя вдова, разведенная съ мужемъ жена или жена отказавшаяся отъ мужа, пьющаго запоемъ въ Ревель или въ Выборгъ, кухарка уже не ищетъ жениховъ въ толпѣ народа, слѣдовательно не имѣетъ нужды притворяться смиренницей, какъ то дѣлаютъ дѣвицы въ публикѣ, чтобъ развернуться послѣ того дома. Кухарка всегда въ своемъ характерѣ, какъ слѣдуетъ быть самостоятельному мужчине: она не надѣваетъ маски при чужихъ людяхъ, какъ всѣ искательницы жениховъ, и всегда одинаково сварлива, упряма и голосиста подъ качелями, какъ въ кухнѣ, на рынкѣ, какъ въ лавкѣ. А развѣ это не права мужчины?

Хотя кухарка прѣзжаетъ въ Петербургъ обыкновенно изъ Эстляндіи или изъ Финляндіи, но отечество ея — terra incognita, « страна неизвѣстная ». Она говоритъ всегда, что она родомъ *Ведна*. Въ географіи нѣтъ ни народа Ведовъ, ни страны Веціи. Слѣдуя системѣ всѣхъ изыскателей проис-

хожденія языковъ, всѣхъ этимологовъ, я пытался прибавлять различныя буквы къ этому названію, и нашелъ, что къ названію «Ведка» лучше всѣхъ пристаётъ буква Ш. Ужели моя кандидатка въ верховныя матери соотечественница Густава Вазы и королевы Христины? Шведскія слова есть въ языкѣ кухарки, но тутъ же есть и Нѣмецкія и Русскія. Справляюсь съ паспортомъ, съ слухами, которыми земля полнится, сличаю все это съ ея собственными показаніями, но не нахожу въ цѣлой родословной ея ни одного Шведа, ни одной Шведки, а напротивъ того вижу цѣлый рядъ Эстовъ и Финновъ, которыхъ древность происхожденія теряется въ исторіи салакушки. Такъ нѣкоторыя племена Африки и Америки ведутъ родъ свой отъ льва и тигра; но они вовсе не почтеніе моей кухарки, потому что левъ и тигръ пожираетъ человѣка, а человѣкъ ѣстъ салакушку.

О верховный отче, мусье Анфантенъ! явился къ намъ изъ Египта, брось Египетскую грамоту, и пади къ ногамъ Петербургской чухонской кухарки, дозрѣвшей, но еще

не пережарившейся въ жаркой нашей кухнѣ. Воскликни, подобно Архимеду, разрѣшившему случайно важную математическую задачу: «Нашель! нашель!» Вотъ верховная мать, подь пару тебѣ, верховному отцу! Эта Mutterchen обмоетъ тебя, расчешетъ твою сенсимонистскую бороду, напоитъ тебя цикоріемъ съ кофе, и накормитъ хорошимъ супомъ, отъ котораго, можетъ-быть, желудокъ твой поправится, а въ слѣдствіе этого поправится и голова, въ чемъ ты имѣешь великую надобность. Я тебѣ исчислилъ всѣ высокія качества, всѣ преимущества моей кандидатки, и послѣ этого ты не можешь сомнѣваться, что она не есть la femme émancipée, «женщина на всѣхъ правахъ мужчины.» Не только что она не зависитъ отъ мужчины и владычествуетъ имъ, живя и управляясь самостоятельно, но она даже беретъ взятки, которыя у всѣхъ народовъ составляютъ неоспоримую привилегію мужчинъ, по силѣ законовъ, дозволяющихъ однимъ мужчинамъ занимать должности, подверженныя взяткамъ. Возрадуемся и возве-

селимся всѣ мы, называющіеся людьми, съ позволенія философовъ и политиковъ, владычующихъ непослушною имъ вселенною. Наступила для насъ эпоха преобразованія. Верховный отецъ, мусье Анфантень, нашелъ себѣ верховную мать, и съ этой минуты начинается *эмансипація*, или освобожденіе женскаго пола изъ-подъ власти мужчинъ, и допущеніе ихъ пользоваться одними правами съ мужчинами. Превосходная затѣя! Только, пожалуйста, выберемъ въ судьи и въ секретари миловидныхъ, пріятныхъ и ласковыхъ дамъ. У меня есть прескучный, предлинный процессъ, и есть также четыре красивые и удалые двоюродные брата въ гусарахъ. Я поручу имъ ходатайство по моему дѣлу. А вы, почтенные содержатели и ловкія содержательницы модныхъ магазиновъ, не правда ли, что вы также желаете, чтобъ дамы были казначеями, чтобъ онѣ составляли тарифы и управляли таможами? Тогда бѣ вѣрно не было ни контрабанды, ни длинныхъ счетовъ въ долговыхъ книгахъ. Я боюсь одного только: именно боюсь по-

вѣрить дамамъ почту. Неужели ревность не разломала бы печати на письмѣ любовника? Трудно будетъ воздержаться отъ искушенія. Но за то, какіе прелестные были бы у насъ балы, какіе превосходные пѣвцы въ оперѣ, какъ было бы намъ весело! Благодарю тебя покорно, мусье Анфантенъ, за это изобрѣтеніе, хотя не намѣренъ подѣлиться съ тобой малымъ моимъ имуществомъ, а ты долженъ вдвое благодарить меня, потому что я далъ тебѣ «верховную мать» и не хочу ничего отъ тебя за это, ни бороды твоей, ни головы твоей, ни осла твоего, ниже самого тебя!

ЮМОРИСТИКА.

— № I. —

ПОИСКЪ УМА.

(Отрывокъ изъ коптской Философій.)

C'est une idée, comme une autre!

—

Господа! Кто хочетъ приобрести умъ? — Всѣ молчать. Понимаю. Каждый доволенъ собственнымъ умомъ и вѣрить чистосердечно, что имѣеть его довольно. А кто хочетъ денегъ? — Я! я! я! я!.... Что за крикъ! что за шумъ! — И такъ всѣ вы хотите денегъ? Вкусъ не дуренъ, но жаль что

я не могу угодить вамъ. Вы лучше меня знаете, Господа, какъ пріобрѣтаются деньги; а если хотите знать, какъ пріобрѣтается умъ, я вамъ расскажу, какимъ образомъ я искалъ его, и какъ нашелъ. Вы, можетъ быть, удивитесь, что, я называю самъ себя умнымъ человекомъ, т. е. объявляю что, я нашелъ умъ? — Это теперь въ модѣ. — Теперь въ тонѣ, бранить лучшихъ Писателей, умнѣйшихъ государственныхъ мужей, и насмѣхаться надъ всѣмъ и надъ всѣми. — А кто не признаетъ ума въ другихъ, тотъ, разумеется, почитаетъ себя умнѣе. . . . Въ этомъ, господа, мы всѣ немпожко грѣшны.

Я одлако жъ не былъ таковъ прежде, чѣмъ пустился въ поиски за умомъ. Я родился пошлымъ дуракомъ, по словамъ моей мачихи, къ которой попалъ я въ когти въ дѣтствѣ, лишившись матери при рожденіи, и, вѣря тому, что слыхалъ ежедневно по нѣскольку разъ, почиталъ всѣхъ людей умнѣе себя, отъ дворника до Ученаго включительно. Увѣренность въ превосходствѣ другихъ дѣлала меня смиреннымъ. Я никого не бра-

нилъ, никого не поносилъ, ничего не порицалъ, уступалъ всѣмъ мѣсто, слово и дорогу, и хотя слылъ дуракомъ, но не имѣлъ враговъ и былъ любимъ всѣми. Счастливая привилегія не имѣть враговъ и быть всѣми любимымъ рушилась, лишь только я объявилъ притязанія на умъ и пустился за нимъ въ поиски.

Отецъ мой, родившись въ нищету, нажилъ миллионы. Какимъ образомъ, онъ нажилъ, и чѣмъ онъ торговалъ, этого я вамъ не скажу, господа! Да впрочемъ вы и сами знаете, какой торгъ приноситъ болѣе выгодъ. Торговля безплотными товарами, т. е. тѣмъ, что простые люди называютъ чувствованіями, обязанностями и т. п., такъ нынѣ распространилась, что каждый ребенокъ скажетъ вамъ не запинаясь, чѣмъ и какъ легче нажить миллионы. Главное дѣло въ томъ, чтобъ захватить выгодное мѣстечко на Биржѣ Свѣта. . . . Мой отецъ имѣлъ его.

Но какъ всего имѣть по желанію невозможно, то отецъ не имѣлъ дѣтей съ моей мачихой, и не имѣлъ твердости подумать

о духовномъ завѣщаніи, старался всегда отдавать мысль о смерти. А потому, когда судьбамъ Вышняго угодно было прекратить дни его, за вистомъ, я остался единственнымъ его наслѣдникомъ, а мачиха моя, которая лѣтъ двадцать сряду сочиняла духовное завѣщаніе моего отца, безъ его вѣдома и при помощи пріятелей, получила только седьмую часть, и сочиненіе ея не вышло въ свѣтъ, ибо отецъ мой объявилъ при смерти, при свидѣтеляхъ, что не оставляетъ никакого распоряженія. — Мачиха моя возненавидѣла меня за то, что я былъ помѣхою къ появленію въ свѣтъ ея сочиненія (т. е. духовнаго завѣщанія), и мы разѣхались. Я остался въ родительскомъ домѣ, а она купила себѣ домъ въ другой части города, и чтобъ утѣшиться въ горѣ, вышла въ тотъ же годъ, замужъ за Секретаря моего отца. Я крайне удивился этому, зная, что мачиха моя обнаруживала жестокую ненависть къ этому Секретарю при жизни моего отца. Словомъ, я остался одинъ, полнымъ власте-

линомъ моей воли, на двадцать второмъ году отъ рожденія.

Меня обучали всему, чему обучаются дѣти богатыхъ людей, и я всему выучился, чему меня обучали, хотя все слылъ дуракомъ, именно за то, что я всѣхъ людей почиталъ умнѣе себя, и боялся обнаруживать собственное мнѣніе. — Прислушиваясь къ мнѣніямъ и рѣчамъ другихъ, я крайне обрадовался, услышавъ пословицу или поговорку: «были бы деньги, а умъ будетъ.» — Другіе говорили еще яснѣе: «были бы деньги, а умъ купить можно.» Денегъ у меня было довольно, и я рѣшился, во что бы ни стало, купить умъ.

Вы знаете, господа, что у кого есть деньги, тотъ не имѣетъ недостатка въ пріятеляхъ и совѣтникахъ. Была бы охота! — Я прибѣгнулъ за совѣтомъ къ одному школьному товарищу, который мнѣ нравился больше другихъ веселостью нрава и пріятнымъ обхожденіемъ. «Живи съ людьми, братецъ! Корми ихъ порядочно, угощай!» сказалъ мнѣ пріятель. «Ума болѣе въ дружескихъ бесѣ-

дахъ, нежели въ книгахъ. Надобно понатереться между людьми. Умъ и глупость сообщительны, какъ насморкъ. . . » Пріятель много наставлялъ мнѣ въ доказательство истины своего предположенія, и убѣдилъ меня совершенно. Я сталъ давать обѣды и ужины, и сзывалъ всѣхъ умниковъ, ученыхъ, записныхъ грамотѣевъ. Общество мое было всегда многочисленное. Говорили много и громко, а ѣли и пили еще болѣе. Прислушиваясь внимательно къ каждому слову, къ каждому сужденію ученыхъ и умниковъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я крайне удивился ихъ явному отвращенію отъ разговоровъ о важныхъ предметахъ и объ умныхъ дѣлахъ. Если одинъ изъ нихъ начиналъ говорить о чемъ либо умномъ, всѣ другіе надувались, перебивали его рѣчь, и тотчасъ заговаривали о пустякахъ, о самыхъ ничтожныхъ предметахъ, и тогда только воспламенялись, когда рѣчь шла о красавицахъ, сострадательныхъ къ своимъ обожателямъ. Изящный вкусъ Гг. Ученыхъ и Словесниковъ замѣтилъ я только въ выборѣ вина и кушанья. — Щеки ихъ

раздувались отъ монхъ наплетовъ, носы краснѣли отъ моего вина, и чѣмъ болѣе они ѣли и пили, чѣмъ чаще собирались ко мнѣ, тѣмъ бесѣда ихъ отдалялась болѣе отъ принужденности, и тѣмъ менѣе говорено было умнаго. Это мнѣ наскучило наконецъ, и я попросилъ одного добросовѣстнаго Литератора растолковать мнѣ, отъ чего люди, слывущіе умными и учеными, говорятъ въ обществѣ такой вздоръ, какъ и мы, дураки. Литераторъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующее: «Ученый или Литераторъ, который проводитъ три четверти жизни за книгами или съ перомъ въ рукахъ, любитель Наукъ и Словесности, занимающійся усердно своими предметами, вырвавшись, такъ сказать, на волю, ищетъ разсѣянія, и находитъ удовольствіе въ томъ, что отвлекаетъ его на время отъ ежедневныхъ занятій, что заставляетъ его забыться. Онь, по закону Природы и для поддержанія равновѣсія ищетъ въ свѣтъ глупости, и охотно предается ей на время, особенно послѣ трудныхъ занятій. Напротивъ того, по тѣмъ же законамъ Природы и для соблюде-

нія того же равновѣсія, человѣкъ, который никогда не размышляетъ наединѣ, никогда не работаетъ головою въ своемъ кабинетѣ, хочеть блистать въ свѣтѣ заимствованными сужденіями и ложною важною, и умствуетъ тамъ, гдѣ должно отдыхать отъ умствованій. — Всегда почти такъ бываетъ, что въ свѣтѣ умные люди говорятъ о пустякахъ, а невѣжды и дураки повторяють умныя вещи, подслушиваемыя ими на сторонѣ. И такъ...»

«И такъ, сказалъ я съ досадою, если отъ умныхъ людей нельзя занять ума, то я не хочу знаться съ ними.» На другой же день я уѣхалъ за городъ, и возвратись чрезъ мѣсяцъ, приказалъ отказывать всѣмъ прежнимъ пріятелямъ, которые, какъ я послѣ узналъ, провозгласили меня, за мои обѣды, добрымъ дуракомъ, и не прибавили мнѣ ума ни на копѣйку, за мои огромныя издержки.

— «Умъ въ судахъ только!» сказалъ мнѣ однажды одинъ старый подьячій, пріятель моего покойнаго отца: «тамъ, гдѣ толкуются законы, сія эссенція ума человѣческаго, сія умственная ограда всѣхъ правъ

нашихъ, сіе основаніе всякаго благополучія! — Кто не имѣлъ тяжбы, тотъ никогда не узнаеть ни людей, ни свѣта. Да и что такое жизнь? Вѣчная тяжба, въ которой умные тягаются съ дураками, плуты съ честными, мужчины съ женщинами, и обратно..... Вся жизнь состоитъ изъ донесеній, слѣдствій, объясненій, резолюцій, аппеляцій, протоколовъ, челобитень, отказовъ..... и взятокъ...» приговаривалъ онъ, понизивъ голосъ. Я не далъ ему распространяться, и велѣлъ купить тяжбу, надѣлавшую въ то время много шума. Бѣдная сторона съ радостью продала мнѣ свои права, и я началъ тягаться для пріобрѣтенія ума. — Не страшили меня ни высокомеріе Судей, принимающихъ просителей какъ рвотный порошокъ; ни душлимый канцелярскій воздухъ, заражающій просителей мизантропіей и нпохондріей; ни игра съ Секретарями и помытчиками, въ четъ или нечетъ. Все я вытерпѣлъ, истративъ множество денегъ, безъ ропота и — проигралъ тяжбу, не купивъ ума ни на грошъ! Я былъ въ отчаяніи. — Одинъ изъ Секретарей сжался

надо мною, и сказалъ: «Напрасно вы искали ума въ Судахъ! Ума здѣсь довольно, но онъ весьма нуженъ тѣмъ, у кого есть. Здѣсь умъ составляетъ оборотный капиталъ, приносящій столько выгодъ, что ни одинъ проситель не въ состояніи купить его. Впрочемъ здѣсь продается много всякой всячины: совѣсть *, крючки и петельки, искусство чистоподписанія и неправописанія и т. п. Но ума — не продается, и горе олухамъ!...» Я не дослушалъ до конца и убѣжалъ домой, проклиная старика подьячаго, совѣтовавшаго мнѣ искать ума въ тяжбѣ. Хандра овладѣла мною.

— «Азіятскіе народы отъ того утопаютъ въ невѣжествѣ, что отняли у женщинъ природныя ихъ права,» сказалъ мнѣ одинъ молодой Философъ, котораго я призвалъ для утѣшенія меня. «Внихни въ Исторію,» продолжалъ онъ: «и ты убѣдишься, что про-

* Въ каждомъ почти дѣлѣ есть виноватая сторона, и такъ производить искъ несправедливый значить то же, что торговать совѣстью.

свѣщеніе Европы двинулось быстро съ среднихъ вѣковъ, т. е. именно съ тѣхъ поръ, какъ рыцарство предоставило женщинамъ первенство въ обществѣ. И такъ весь умъ въ женщинахъ, и онѣ только могутъ, своею волшебною силою, преобразовать Ирокойца въ танцмейстера, горшечника въ Философа. Сократъ признался, что научился уму у Аспазіи...» Перебирая съ пріятелемъ Исторію, я убѣдился, что умственный міръ болѣе обязанъ женщинамъ, нежели мужчинамъ, и рѣшился искать ума въ женщинахъ.

Кто ближе къ источнику ума, къ Литературѣ, какъ не Актриса! думалъ я, смотря на прелестную женщину, игравшую роль любовницы въ одной чувствительной Драмѣ. Чтобъ передать зрителямъ умъ и чувство Поэта, чтобъ одушевить всѣхъ своею игрою, чтобъ создать роль, надобно имѣть умъ и чувство, по крайней мѣрѣ равныя авторскимъ, ибо это аксіома, что нельзя передать того, чего не понимаешь. Такъ я думалъ и вѣрилъ, и влюбился въ Актрису, для пріобрѣтенія ума. —

Дорого стоила мнѣ эта любовь! Я узналъ въ тонкости всѣ женскіе капризы, со всѣми ихъ отгѣнками, узналъ всѣ женскія хитрости и уловки, выучилъ наизусть названія всѣхъ модныхъ товаровъ, обогатилъ память закулисными сплетнями и анекдотами, претерпѣлъ всѣ роды любовныхъ страданій, испыталъ и невѣрность, и измѣну, и холодность, и множество другихъ вещей, о которыхъ здѣсь говорить не кстати; наконецъ, издержавъ множество денегъ, долженъ былъ отказаться отъ любви, потерявъ надежду пріобрѣсти умъ, и едва не лишившись послѣдней крохи собственного моего разума.

— «Ты не умѣлъ вести себя,» сказали мнѣ пріятель, молодой Философъ: «ты хотѣлъ наслаждаться твоею любовью, какъ собственностію, и испортилъ дѣло. Тебѣ не слѣдовало быть эгоистомъ. Ты долженъ былъ пользоваться твоею любовью, какъ пользуются гульбищемъ на Крестовскомъ Островѣ, или публичною библіотекою для чтенія, безъ ревности и безъ всякихъ исключительныхъ правъ. Умъ любить просторъ, братецъ!—Онъ дре-

млетъ, когда мы находимся наединѣ съ женщиною, и тогда только развертывается и блеститъ, когда женщина хочетъ правиться толпѣ обожателей, и беретъ на себя маску или ливрею кокетства. Въ любви тихой, върпой, безмятежной въ такой любви, какой ты искалъ, ищутъ счастья, а не ума. Пеняй на себя — и молчи!»

Съ досады я уѣхалъ въ деревню, думая найти умъ въ людяхъ, бесѣдующихъ съ Природою. Виргиліевы Георгіки соблазнили меня. Но Виргилій смотрѣлъ на сельскую жизнь съ одной стороны. Онъ не видалъ ни наливковокъ, ни картежной игры, ни русаковъ, ни безконечныхъ пирушекъ, ни сплетней, ни тяжебъ. Въ деревнѣ есть умъ, но я не нашелъ его, потому, что онъ прячется хозяевами подъ замокъ, для домашняго обихода. Я рѣшился путешествовать для пріобрѣтенія ума.

Въ путешествіи моемъ я навѣщаль всѣхъ Ученыхъ, всѣхъ знаменитыхъ мужей, осматривалъ всѣ памятники, всѣ вещи, объявленные любопытными. Древнія стѣны были без-

молвны предо мною, а знаменитые мужи, выставляя себя на показъ любопытнымъ путешественникамъ, надувались и были несносны. Обѣхавъ всю Европу и часть Азіи, я удостоверился, что въ древнихъ стѣнахъ живутъ такіе же люди, какъ и въ новыхъ; что, имѣя одинаковыя потребности, они вездѣ дѣлаютъ однѣ и тѣ же глупости, и говорить тотъ же вздоръ, только почище нашего. Вездѣ люди ищутъ однихъ денегъ, а обь умѣ не заботятся, вѣря, что имѣютъ его довольно. То же, что продается съ молотка, подѣ именемъ ума, есть та же мишура, что и у насъ. Я возвратился домой разочарованный и унылый, наскучилъ свѣтомъ и людьми, заперся и сталъ жить съ книгами.

Читая много и долго, и размышляя о прочитанномъ, я удостоверился, что вся человѣческая премудрость состоитъ изъ нѣсколькихъ непреложныхъ истинъ, которыя безпрестанно повторяются въ разныхъ видахъ и образахъ. Но эти истины такъ загромождены человѣческими глупостями, что истины никакъ нельзя отыскать, не прико-

снувшись къ глупостямъ. Этотъ трудъ требуетъ весьма много времени и терпѣнія! Истративъ три четверти моей жизни, я наконецъ достигъ моей цѣли: я нашелъ умъ, но за то лишился моихъ денегъ и любви прежнихъ пріятелей, которые знали меня дуракомъ. — Не жаль мнѣ денегъ, но жаль моего дурачества! Прежде смотрѣлъ я на свѣтъ, какъ смотритъ юноша на красавицу, съ желаніями и надеждами, а теперь гляжу я на свѣтъ, какъ операторъ на трупъ. Глаза мои сдѣлались какъ микроскопы, и я въ каждой каплѣ воды поглощаю чудовищъ! Горькая участь! То ли дѣло быть дуракомъ — съ деньгами! — Господа, послушайте меня! Не гоняйтесь за умомъ, если время и опытность наведутъ васъ на умъ, возьмите, но никому не показывайте, чтобъ избѣжать неприятностей. Если у васъ есть деньги, то умъ вамъ вовсе не нуженъ, а если вы вздумаете приобретать деньги умомъ, то увѣдомляю васъ, что нѣтъ ничего несчастнѣе въ мірѣ, какъ человѣкъ, принужденный продавать свой умъ, по копейки за букву.

— № II. —

МОНОЛОГЪ ПАЯЦА - ФИЛОСОФА НА ПЛОЩАДИ.

НА БАЛКОНЪ МАСЛЯНИЧНАГО БАЛАГАНА.

Палецъ (рассказываетъ по балагану, дѣлаетъ гримасы, кривляется и заманиваетъ народъ, который хохочетъ. Между тѣмъ палецъ говоритъ про себя):

«Ага! Вы смѣтаете моему дурачеству! хорошо! Подождемъ до конца масляницы, посчитаемся, и тогда увидимъ, кто кого дурачилъ, и кто умнѣе, тотъ ли, который смѣшнить, или который смѣется! Впрочемъ

гнѣваться вамъ на меня не за что, ибо притязанія мои на ваши карманы не только справедливы, но даже полезны для васъ самихъ, потому, что я за дешевую цѣну заставляю васъ смѣяться, а другіе, выманивая у васъ деньги, наводятъ на васъ тоску, а иногда даже заставляютъ плакать. — Гримасы подъ дурацкимъ колпакомъ никому не опасны, а гримасы подъ шляпой, шапкой или подъ модной прической довели не одного добраго человека до нищеты, или до потери честнаго имени. Я высовываю языкъ передъ вами для того только, чтобъ заманить васъ въ балаганъ, на потѣху, и вытянуть пару гривенничковъ изъ вашего кармана; но тѣ поступаютъ съ вами гораздо хуже, которые, обманывая васъ гримасою дружбы или соучастія, обираютъ васъ какъ липочку, и послѣ того высовываютъ вамъ языкъ за спиною. Правда, лице мое, замаранное сажею и сандаломъ, гадко; но за то душа моя, ей ей, чиста, какъ стеклышко; а сколько есть между вами умытыхъ, выбритыхъ, причесанныхъ и приглаженныхъ, ко-

торые заставили бы народъ разбѣжаться отъ страха, если бы надѣли душу свою на лице, вмѣсто маски! — Мой дурацкій кафтанъ кажется вамъ смѣшонъ, и каждый изъ васъ постыдился бы обнять меня всенародно; но въ моемъ дурацкомъ кафтанѣ нѣтъ ни одной краденой ниточки, а вы, между тѣмъ, цѣлуетесь и обвиняетесь съ людьми, у которыхъ не только цѣлый нарядъ, но даже волосы краденые, и украдены у васъ же! — Что ты уставлялъ на меня свои ящерицы глаза, спѣсивый господинъ? — Ты хочешь посмѣяться, позабавиться? Нѣтъ голубчикъ! для того нѣтъ масляницы, у кого сердце какъ паукъ, питается только страданіемъ слабыхъ насѣкомыхъ! Знаю я тебя коротко, пріятель, и право не промѣнялся бы съ тобой моею участію, хоть у тебя много и премного денегъ! Вѣдь ты несытъ и не выпьешь за десятерыхъ, не дашь никому ни гроша, хоть бы пришлось до зарѣзу, а за деньги ты не можешь купить ни аппетита, ни спокойнаго сна. Наломавшись въ балаганъ, я, вечеромъ, превесело пересчитываю

ваю трудовую мою копѣйку, и преспокойно засну на жесткомъ тюфякѣ, а ты будешь вертѣться какъ угорь на пескѣ, на твоёмъ мягкомъ пуховикѣ, и твои ассигнаціи приснятся тебѣ въ видѣ суда и слѣдствія: тому страшно грѣзится, кто запятналъ душу чернилами! — А ты что смѣешься, господинъ фразѣ? — Я кажусь тебѣ глупъ и смѣшонъ, не правда ли? — Ахъ, голубчикъ! я шутъ только двѣ недѣли въ году, а ты шутъ цѣлую жизнь свою, и притомъ шутъ жалкій, а не смѣшной, потому, что не смѣшишь другихъ, а заставляешь только насмѣхаться надъ собою. — Мнѣ задушевные пріятели твой сапожникъ, портной и извозчикъ, которыхъ ты обманываешь гримасами чистосердечія, и не платишь денегъ, а между тѣмъ гордишься тѣмъ, что тебя пускаютъ къ себѣ порядочные люди. Эхъ, любезнѣйшій, вѣдь и пуделямъ позволяютъ порядочные люди валяться на богатыхъ диванахъ! А это что? Господинъ писака! не поучиться ли пришелъ? — Давно пора! Я пріятель съ наборщикомъ, гдѣ ты печата-

еще свои бредни, и слышать от него, что тебе не удалось на бумаге мое ремесло. — По дѣламъ, братъ, по дѣламъ! — Не обманывай народъ вывѣской, и не заманивай его въ *пустой балаганъ*! — Ба, господинъ купецъ! что ты задумался? Не вѣришь вывѣскѣ, что ли? Ступай, ступай въ балаганъ! — Въдѣ между нами круговая порука, и мы выучились другъ у друга, по методу взаимнаго обученія, подбивать народъ *самыми лучшими и самыми дешевыми*, хотя бы пришлось продать въ тридорога товаръ, котораго не хотятъ ѣсть и голодные крысы. — Ну, что вы глазѣте на вывѣску? Вамъ кажется мудрено, что кони летаютъ по воздуху, и люди ходятъ по потолку внизъ головами, какъ мухи. Войдите въ балаганъ, и за сорокъ копѣекъ удостовѣритесь — что васъ обманули! Это право не дорого — за опытность! А ваши мудрецы, какъ исправно надуваютъ васъ, берутъ большіе деньги, да еще и разуму не научать! Прочтите-ка бенефисную афишу, объявленіе о журналѣ, похвалу пріятеля сочинителю, письмо любо-

винка, рекомендацію родственника подчиненному, аттестатъ терпѣливому заимодавцу, похвалу Поэта торопавому вельможѣ, и много кое-чего, такъ увѣритесь, что наша вывѣска *эссенція скромности* въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ умные люди добровольно обманываютъ другъ друга. — Ба! Это что? Флюгеръ забавляетъ зѣвакъ! — Эхъ, милые мои! почти все мы повертываемся, какъ флюгеръ, по вѣтру и съ вѣтромъ, особенно если доходить до насъ съ вѣтромъ пріятный запахъ чужихъ кастрюль и ассигнацій! Но вотъ я слышу, что два старичка разговариваютъ между собою о непрочности постройки нашего балагана! — Кстати вздумали говорить о прочности! На свѣтъ беретъ скорость и случайность — а не прочность. Города, крѣпости, самыя горы и лѣса — все такъ же непрочно на Землѣ, какъ нашъ балаганъ, и вся разница въ томъ, что балаганъ стоитъ недѣлю, а городъ тысячу лѣтъ, а это равнымъ равно въ сравненіи съ вѣчностью!..

Но вотъ добрые Русскіе солдатушки! Ахъ! какъ жаль, что я не хозяинъ балага-

на: я бы пустил ихъ даромъ потѣшиться въ балаганъ, за то, что они веселили сердца наши громомъ своихъ побѣдъ надъ врагами, и своею кротостью съ побѣжденными! Въ комъ только сердце не *замерзшая гримаса*, тотъ не можетъ безъ радости и уваженія смотреть на храбраго въ бояхъ и великодушнаго послѣ боя Русскаго воина.... Но вотъ хозяинъ зоветъ меня! — (громко къ народу). Гей, народъ, честные господа, къ намъ въ балаганъ! Здѣсь вы увидите то, чего никогда не видали! (про себя) то есть, увидите то, что видите почти каждый день: какъ смышленные люди проводить и умныхъ и дураковъ, если только удастся заманить въ свой балаганъ! (громко) Играй, музыка!

— № III. —

ПУБЛИКА.

Я, ты, онъ и она. Мы, вы, они и онъ.

Сл. Русскую Грамматику.

—

Что такое публика? — Послушайте Поэтовъ и Романтиковъ: они наскажутъ вамъ Богъ вѣсть что. Они вамъ тотчасъ олицетворяютъ ее, и представляютъ въ видѣ вѣтренной, легкомысленной женщины въ шутовскомъ нарядѣ и т. п. Мы, Журналисты, не имѣемъ времени выдумывать фигуры и гиперболы, и говоря съ публикой ежедневно, должны

объясняться просто и ясно. Мы служимъ публикѣ въ качествѣ *докладчика*, должны переносить всѣ ея прихоти, терпѣливо слушать изъясненіе неудовольствій, и быть всема осторожными во время ея милостиваго расположенія. Служеніе публикѣ — служеніе тяжкое, и если публику должно сравнивать съ чѣмъ нибудь, то гораздо приличнѣе сравнить ее съ своенравнымъ Пашею, чѣмъ съ своенравною женщиной. — Публика неумолима и непримирима въ гнѣвъ, а женщина самая своенравная — милостива! — Какъ бы не разгнѣвать публики, говоря объ ней самой! — Попробуемъ.

Народонаселеніе каждаго округа, города и городишка, или даже села (а въ нѣкоторыхъ странахъ и каждой деревни) раздѣляется на публику и чернь. Публику составляютъ люди грамотные, которые думаютъ и судятъ. Степень грамотности и образъ сужденія раздѣляютъ публику на разные классы, не разбивая ея состава. — Публика одна масса, идущая вверхъ по лѣстницѣ, имѣющей три залома. Съ высшихъ ступеней видны Науки

и Искусства во всей ихъ прелести. Тамъ Гомеръ, Байронъ, Гете, Шиллеръ, Вальтеръ Скоттъ. Тамъ Рафаэль, Канова и всѣ превосходные Художники. Тамъ шелкъ и бархатъ, золото и алмазы. Тамъ Французскіе соусы и Моцартова музыка Тамъ утонченность жизни и чувство изящнаго. — Съ нижнихъ ступеней взорамъ представляются творенія Г. Александра Орлова, известнаго Московскаго писателя, съ братіей. Тамъ Ерусланъ Лазаревичъ и Письмовникъ. Тамъ Цыганская пляска и подовые пироги. Тамъ плясовые и заушныя пѣсни Русскія, болѣе для словъ, нежели для музыки. Тутъ ситецъ, алая лента и плащи изъ толкучаго ряда. Тутъ квасной патріотизмъ, увѣряющій, что мы лучше и умнѣе всѣхъ, и что все *наше* лучше всего чужеземнаго, что рѣпа вкуснѣе ананаса, и живопись Г. Полякова превосходнѣе произведеній Дова. — На среднемъ заломѣ лѣстницы смѣсь всего, что отстало отъ верхнихъ ступеней, и подвинулось съ нижнихъ. Отсюда видно все, что видно съ первыхъ ступеней, только все представ-

лается не въ томъ видѣ и не въ томъ цвѣтѣ. Отсюда Гомеръ и Байронъ, Рафаэль, Моцартъ и Канова кажутся гораздо ниже ростомъ, нежели они въ натурѣ; но за то отсюда чуются *свои собственные*, пародные Гомеры, Байроны, Рафаэли, Моцарты и Кановы. — Здѣсь громкія всемірныя имена играютъ важную роль, и примѣняются безпрерывно *пекстати*. Здѣсь окрошка и кислая капуста стоитъ рядомъ съ паштетомъ и желе, а между квасомъ и шампанскимъ здѣсь толкуютъ объ *Европеизмѣ* и *высшихъ взглядахъ*. — Здѣсь золото завалено мѣдью, а мѣдь золотомъ. Здѣсь идетъ споръ о томъ, что лучше, *свое* или *чужое*, и весьма часто и то и другое взвѣшивается на фальшивыхъ вѣсахъ. Здѣсь крикъ и шумъ въ сужденіяхъ и въ наслажденіяхъ. На верхнихъ ступеняхъ господствуютъ голова, на нижнихъ желудокъ, а на среднихъ происходитъ бореніе головы съ желудкомъ.

Я солдатъ, не Богословъ,

И не знаю красивыхъ словъ,

а притомъ не могу терпѣть Писателей, которые растягиваютъ какойнибудь бѣдный отрывокъ мысли на нѣсколько миль въ длину, какъ нынѣ въ Англіи растягиваютъ на питки кусочки резины - эластики. Я люблю, чтобъ читатель понималъ мой намѣкъ, и самъ переваривалъ мои идеи. — Другой, на моемъ мѣстѣ, представилъ бы изъ трехъ рядовъ публики тысячи смѣшныхъ, жалкихъ, милыхъ и карикатурныхъ картинъ и портретовъ, а я только попрошу моихъ читателей, чтобы они не думали, будто на первомъ заломѣ лѣстницы, на верхнихъ ступеняхъ, откуда видны золото и алмазы, шелкъ и бархатъ, статуи Кановы и картины Рафаэля, стоятъ только богатые люди, которые въ состояніи имѣть видимое; или знатные, которые, имѣя входъ въ чертоги, могутъ осязать драгоценности. — Увы и ахъ, ахъ и увы! На верхнихъ ступеняхъ лѣстницы находится много такихъ людей, которые разсыпаютъ алмазы и золото только въ рифмахъ, пируютъ только на бумагѣ, и наслаждаются міромъ и жизнью при салъномъ

огаркъ, подъ чердакомъ, согрѣваясь, упиваясь, въ одномъ воображеніи, въ этомъ заповѣдномъ царствѣ, доступномъ тѣмъ только, у кого душа перевѣшиваетъ тѣло. — Г-жа Сталь, Геркулесъ въ чепцѣ, сказала: *j'aime l'inutile* (т. е. я люблю бесполезное). — Это безсмертное изрѣченіе непонятно девяти десятымъ частямъ всего народонаселенія Земнаго Шара. Оно непонятно купцу, помѣщику, фабриканту, честолюбцамъ низкой и высокой породы, и всѣмъ людямъ, высасывающимъ однѣ *пользы* и *выгоды* изъ всего созданнаго Богомъ и вымышленнаго человекомъ. — Въ смыслѣ изрѣченія Г-жи Сталь заключается все то, что питаетъ цѣты жизни: Художества, Искусства, Поэзію, то есть Поэзію души, а не бумажную, все что составлено изъ гармоническаго сочетанія звуковъ, красокъ, формъ, идей и чувствованій.

Всѣ эти вещи не имѣютъ ни какой цѣны ни на Биржѣ, ни въ канцеляріи, ни на фабрикѣ, ни въ плодоперемѣнномъ хозяйствѣ, гдѣ все сгибается подъ тяжестью

пользы. — Сѣмена цвѣтовъ жизни посѣваетъ Природа по колыбелямъ, не разбирая, изъ краснаго ли дерева сдѣлана колыбель, или сплочена изъ сосновыхъ некрашеныхъ досокъ.

И такъ не должно удивляться, если на верхней ступени лѣстницы, стоитъ иногда инцій рядомъ съ богачемъ. Гомеръ, Тассъ, Камозисъ были инціе, а Байронъ былъ богатый Лордъ. Тѣмъ менѣе должно удивляться, когда на нижней, на послѣдней ступени стоятъ богачи, которые играютъ въ вистъ по тысячамъ рублей робберъ, даютъ обѣды въ десять тысячъ рублей, и не издерживаютъ ста рублей на книги; покупаютъ картины и статуи какъ *мебель*, и ѣздятъ въ театръ и въ концертъ для того только, чтобъ быть въ публикѣ. Все это въ порядкѣ вещей. — Если бъ всѣ богачи стояли на высшихъ ступеняхъ, тогда не было бы бѣдныхъ артистовъ, а для существованія и произрастанія того, что Г-жа Сталь назвала *бесполезнымъ*, лучшая почва есть — *бѣдность*.

Теперь прошу покорнѣе разсудить,

каково намъ, бѣднымъ слугамъ публики, долженствующимъ угождать ей, занимать ее, и нравиться тѣмъ, которые ницуть во всемъ *полезного и выгоднаго*, и тѣмъ, которые *любятъ бесполезное!* — Каждое наше дѣло, каждый нашъ трудъ представляется на судъ *всей публики*, на судъ трехъ разрядовъ, стоящихъ на трехъ залахъ лѣстницы, ведущей къ нравственному совершенству. — Все, что нравится людямъ, стоящимъ на высшихъ ступеняхъ, непостижимо на нижнихъ, и, что всего хуже, искажается на среднихъ ступеняхъ. — Все, что нравится на среднихъ ступеняхъ, непостижимо на высшихъ, и искажается на нижнихъ. Все, что восхищаетъ людей на нижнихъ ступеняхъ, производитъ омерзение на высшихъ, и возбуждаетъ гнѣвъ на среднихъ. Бѣда! Вы хотите славы, то есть хотите ассигнаціи славы, *извѣстности*, а она дается не иначе, какъ по общему согласію. Надобно, чтобъ всѣ три разряда публики кинули по бѣлому шару въ урну. — Надобно угодить *всѣмъ*, жертвуя каждому изъ собственнаго достоинства, и отъ этого-то

угожденія рождаются художественные уроды и карикатуры: Аполлоны Бельведерскіе съ кривыми ногами, Венеры Медичискія съ краснымъ носомъ, Геркулесъ въ модномъ фракѣ съ хлыстикомъ, и чахотный паркетный франтъ въ лъвиной кожѣ и съ палицей! На нижнихъ ступеняхъ восхищаются краснымъ носомъ Венеры и кривыми ногами Аполлона, на среднихъ хохочутъ отъ смѣси забавнаго съ изящнымъ, и вѣрятъ, что такъ быть можетъ и быть должно, а на высшихъ ступеняхъ пожимаютъ плечами и сожалеютъ о дарованіи, бросивъ ему бѣлый шаръ, изъ милости. Извѣстность готова! Но потомство оторветъ красный носъ у Венеры, переломитъ кривыя ноги Аполлону, сниметъ фракъ съ Геркулеса, а лъвиную кожу съ паркетнаго франта, и сохранивъ обломки изящнаго, заклеитъ артиста печатью безхарактерности.

Ужасенъ судъ потомства, но страшна и современная публика, которая однимъ ударомъ лишаетъ человѣка имени, спокойствія и надеждъ! — Впрочемъ, хотя она неумоли-

ма въ гнѣвъ, но добродушна и долготерпѣлива. — Она легко проститъ маленькое шарлатанство, но никогда не проститъ лжи, обмана и самохвальства. — Передъбывайте забытое на новый ладъ и выдавайте за свое, за оригинальное; браните знаменитыхъ мужей, подражая имъ; показывайте ей посредственное чрезъ микроскопъ, а дурное чрезъ уменьшительное стекло: все это публика проститъ вамъ, хотя и не дастся въ обманъ такъ легко, какъ вы думаете. Но не унижайте того, что ей нравится, и указывая на красный носъ Венеры и кривыя ноги Аполлона, не забудьте указать и на красоту другихъ частей. Повторяю: гнѣвайтесь, бранитесь, дѣлайте фокусъ-покусы — но не лгите! — Не лгите ни на Артиста, ни на купца, ни на Судью, ни на Частнаго Пристава, ни на кого, кто только имѣетъ дѣло съ публикой. — Она любить толки и злословіе, но лишь для забавы; любить злословіе, но караетъ злоязычныхъ клеветниковъ, фальшивыхъ критиковъ, караетъ ужасною казнью: *презрѣніемъ и недоустривотью*.

Тотъ или глупъ или слишкомъ самолюбивъ, кто думаетъ, что можно управлять публикой. — Нѣтъ въ мірѣ той силы, которая бы могла породить или уничтожить мнѣніе публики. Можно пользоваться силою вѣтра, но нельзя породить вихря, и дать ему направленіе по своей волѣ. Мнѣніе публики — тотъ же вѣтеръ! Умный человекъ ставитъ свой парусъ — и плыветъ къ своей цѣли, лавируя когда умѣетъ; — кто плыветъ противу вѣтру, тотъ остается назадъ. А кто, зацѣпясь за публику, гребетъ изо всей силы, противу теченія, и думаетъ что онъ увлечетъ ее за собою, тотъ или смѣшонъ или жалокъ. — Но мнѣніе публики, какъ пассатные вѣтры, дуетъ, періодически въ одну сторону, въ сторону *разнообразія, новости, краткости, оригинальности и истины*. Друзья и недруги! оборачивайте парусы въ эту сторону! А ты, госпожа наша, которую зубные врачи, книгопродавцы и бенефіціанты величаютъ на афишкахъ и въ объявленіяхъ *почтеннѣйшею*, ты, которая изъ рога изобилія утучняешь модныхъ торговкоу и магазинщиковъ, вино-

продавцевъ, карточныхъ лавокъ и всѣхъ, которые занимаются выдѣлкою и продажей того, что входитъ въ разрядъ *полезнаго*, существо, облеченное названіемъ публики! мы просимъ тебя объ одномъ: полюби *безполезное* въ томъ смыслѣ, какъ понимала это слово Г-жа Сталь! — Это *безполезное* раждаетъ *великое*.

— N° IV. —

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ СТАТИСТИЧЕСКИХЪ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ, ВЕДЕННЫХЪ ГЛУХОНЬМО-СЛѢПЫМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОМЪ, ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ ЕГО ВЪ БЕЗЫМЕННОМЪ ГОРОДѢ, ЛЕЖАЩЕМЪ ВЪ НЕОТКРЫТОЙ НОНЫНѢ СТРАНѢ.

—

Мѣстоположеніе. Въ городѣ весьма мало *возвышеній*, и чрезвычайно много *плоскостей*. Городъ лежитъ при рѣкѣ, въ которой вода хотя и почитается вкусною и здоровою, но жители, по старинному суеть-

рию, предпочитают ей вино, пиво и спиртные напитки, воду употребляют некоторые винопродавцы для умножения въ своихъ бочкахъ количества продаваемого вина, зная секретъ превращать воду въ вино, для сбережения народной нравственности, подвергающейся многимъ соблазнамъ отъ излишней крѣпости напитковъ, вредящей впрочемъ и здравію. Писатели сего города употребляютъ также воду для разведенія малаго количества мыслей на многія страницы.

Почва. Земля, занимаемая городомъ, весьма плодородна, ибо весьма многіе изъ жителей жнутъ, хотя и не сѣютъ, и не трудясь въ потъ чела, проживаютъ не только въ довольствѣ, но даже и въ роскоши.—

Произрастенія. Въ семъ городѣ произрастаетъ дерево, приносящее плоды гораздо питательнѣе, нежели хлѣбное дерево на островахъ Южнаго Океана, а именно *ябеда*. Занимающіеся воздѣлываніемъ сего огромнаго дерева тучны и долговѣчны. Одно неудобство отъ плодовъ сего дерева есть то, что они возбуждаютъ жажду, которую ничѣмъ

нельзя утолить, кромѣ спиртныхъ напитковъ. Въ числѣ ядовитыхъ травъ вреднѣйшими считаются *крапивное сѣмя* и *сплетни*. Крапивное сѣмя растетъ подъ тѣнью дерева ябеды, и плодъ онаго называется *подьягескіе крюжки*, которые при созрѣніи разносятся вѣтромъ и виваются, какъ рѣпейникъ, въ карманы прохожихъ. Растеніе *сплетни* содержать въ горшкахъ, и украшаютъ оными комнаты. Сіе растеніе имѣетъ пріятный, хотя сильный запахъ, и замѣчательно, что запахъ сей вреденъ только отсутствующимъ, а присутствующихъ услаждаетъ, какъ опиумъ. — Воздѣлываніемъ сего растенія занимаются вообще женщины и праздномысливые мужчины, и производятъ плодами онаго весьма прибыльную торговлю.

Доми. Въ семъ городѣ едва нѣсколькимъ лицамъ извѣстно выраженіе: *родительскій провъ*, *родное пепелище* и т. п. Здѣсь не привязываютъ ни какой цѣны къ мѣсту рожденія, воспитанія и наслѣдію предковъ, и торгуютъ домами, какъ экипажами. Самые грязные дома приносятъ наиболѣе до-

хода, вмѣщая въ себя сотни жильцевъ, а въ самыхъ чистыхъ живутъ по два и по три семейства, не болѣе, и потому они не даютъ большаго дохода. Въмѣсто *страхованія* домовъ здѣсь введенъ обычай, который обезпечиваетъ собственность отъ случаевъ ужаснѣйшихъ, нежели пожаръ, а именно отъ взысканій. — Сей обычай состоитъ въ томъ, что хозяинъ, опасаящийся подвергнуться по дѣламъ своимъ утратамъ и взысканіямъ, покупаетъ домъ на имя жены или дѣтей своихъ, а иногда на имя пріятеля, взявъ, съ него прежде вексель на сумму, превышающую цѣну дома. Дома раздѣляются на два разряда: 1-е Дома, доставшіеся владѣльцамъ по наслѣдству, и дома благопріобрѣтенные; они хотя свободны отъ постоя, но едва сотая часть ихъ свободна отъ долговъ и залоговъ. 2-е Дома пріобрѣтенные (безъ частицы *блага*) свободны какъ отъ постоя, такъ и отъ долговъ. Хозяева домовъ втораго отдѣленія суть люди, занимающіеся *комерческими оборотами*, не записываясь въ гильдію, какъ-то эконо-

управители чужихъ имѣній, расходники чужихъ денегъ, опекуны и члены конкурсовъ, смышленные подьячіе и прочіе сего рода промышленники. Дома въ семъ городѣ имѣютъ особенное свойство, а именно, что составляютъ жильцевъ, нанимающихъ бельэтажи со службами, съ огромной кухней и просторной столовой, проживать болѣе нежели они получаютъ дохода. Но для возстановленія баланса, въ разныхъ частяхъ города преподается *Политическая Экономія*, научающая дополнять недостатокъ, или дефицитъ въ балансѣ, или долгами или пріобрѣтеніями. Профессоры сей Политической Экономіи по первой части, т. е., по части долговъ, суть дворецкіе, метр-дотели и повѣренныя, а по второй части подьячіе, приказные и ходатаи по дѣламъ.

Торговля. Она процвѣтаетъ въ семъ городѣ. Изъ числа вещественныхъ товаровъ, самые легкіе на вѣсъ суть самые дорогіе. Пухъ, перья разныхъ цвѣтовъ, прозрачныя тряпки, бумага, блистательныя ткани, цѣнятся выше серебра и золота, и даже самая

позолота платится дорожѣ, нежели золото массивное. Сія странность не могла бы существовать безъ волшебства, и потому надъ лавками прибиты доски, на которыхъ начертаны магическія слова, ослѣпляющія покупателей. Сіи магическія слова суть: *Парижъ* и *Лондонъ*. Лишь только житель сего города, а особенно жительница, увидитъ сіи магическія слова, тотчасъ бѣжитъ въ лавку, хватаетъ легковѣсный товаръ, и платитъ за него, что вздумается купцу. — Изъ числа невещественныхъ товаровъ самые драгоценныя суть *лестъ* и *кривотолкъ*. Кто умѣетъ кстати польстить, промолчать и придакнуть, и кто изъ чернаго можетъ сдѣлать бѣлое, а изъ бѣлаго черное, или, по крайней мѣрѣ, сѣрое, тотъ всегда продаетъ товаръ дешевле. Умъ хотя дурно поплачивается, если изложенъ въ книгахъ, въ дѣлахъ приноситъ изрядные барыши, но въ цѣнѣ уступаетъ *смышлености*, которая въ разныхъ видахъ входитъ во всѣ невещественные товары, какъ краска въ ткани. — При смышлености самая лучшая торговля *связями* и *родствомъ*.

Промышленность. Фабрики и мануфактуры раздѣляются также на *вещественныя* и *невещественныя*. Самыми лучшими изъ вещественныхъ издѣлій почитаются тѣ, которыя изъ большаго количества сыраго матеріала даютъ самое меньшее количество товара, напримѣръ, перочинный ножикъ дорожѣ наковальни, и *мыльные пузыри* дорожѣ сала и поташа въ бочкахъ. Самая прибыльная фабрика есть та, гдѣ занимается обработкою *тугихъ дѣлъ*, и самая цвѣтущая мануфактура есть та, гдѣ стряпаются *надежды* и *обѣщанія* для простодушныхъ и олуховъ.

Нравы и обычаи жителей. Жители сего города весьма добры, ласковы, гостепріимны, вѣжливы и услужливы. Если человѣкъ ни въ чемъ не нуждается, ничего не ищетъ и ничего не проситъ, то находитъ вездѣ помощь, покровительство, ласковый и благосклонный пріемъ. Если же чего ищетъ и проситъ, то безъ малѣйшаго затрудненія находитъ повсюду самое краснорѣчивое состраданіе и самыя утѣшительныя

объщанія. — *Денежныя долги* хотя и не всегда уплачиваются съ точностью, но за то *долги въжливости и общеситія* выплачиваются регулярно и даже съ лихвою. — Похвальныя качества, какъ то: хорошій аппетитъ и всегдашняя жажда, шутливость, искусство играть въ карты и точность въ уплатъ карточныхъ долговъ, столь же уважаются въ пожилыхъ людяхъ, какъ въ юношествахъ умѣнье танцовать (NB не поднимая ногъ) и говорить долго и гладко, не вмѣшивая въ разговоръ ни мыслей, ни суждений. — Женщины здѣшнія чрезвычайно бережливы, и не любятъ истрачивать наличныхъ денегъ на наряды, но дѣлаютъ по магазинамъ долги, которые уплачиваютъ мужья. — Онѣ вовсе не капризны, и никогда не сердятся на мужей, когда мужья угождаютъ безпрекословно ихъ прихотямъ. — Дѣвцы всѣ прекрасны въ глазахъ своихъ матерей и передъ собственнымъ зеркаломъ; всѣ настоящіе ангелы — до свадьбы; самый прозорливый человекъ не откроетъ въ нихъ ни какихъ нравственныхъ недостатковъ —

въ обществахъ. Для избѣжанія единообразія притупляющаго любовь, и для утвержденія семейнаго счастья, мужья видятся съ женами только въ гостяхъ или дома при гостяхъ, и предпочитаютъ въ обществахъ бесѣду съ *карточными дамами* бесѣдѣ живыхъ дамъ. — Любовь и дружба здѣсь *высоко цѣнится*, ибо весьма часто случается, что онѣ доводятъ до разоренія, следовательно должны, стоить дорого! — Въ иныхъ городахъ дружбу почитаютъ рѣдкостью; но здѣсь люди, выдающіеся между собою только на улицахъ или въ чужихъ домахъ, называются друзьями, и отказываютъ въ просьбѣ друга только въ такомъ случаѣ, когда онъ проситъ того, что и другому правится. Впрочемъ чувствованіями и объясненіями дѣлятся братски, пополамъ. Въ доказательство правдивости жителей сего города служить и то, если между ними появится сатирическій Писатель, который, показывая волшебное зеркало, заговоритъ о слабостяхъ, порокахъ, недостаткахъ и странностяхъ, и присемь занкинется объ исправленіи, то жители, изъ

любви къ добродѣтели и несправости къ дурному о которомъ даже и слышать не хотѣть, закидаютъ сего Сатирика камнями....
Ай, ай, ай!

— N^o V. —

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО БЕЗГРА- МОТНЫМЪ,

*читанное Студентами безграмотности въ А-
хинеѣ (Атенеѣ то же), на островъ Ма-
дагаскаръ, и посвященное Кандидату без-
грамотности и безсмыслицы Высшаго У-
чилища въ землѣ Кафровъ и Готентотовъ
не поддалеку отъ мыса, называемаго Пор-
тугальцами Мысомъ Добраго Надежды,*

которая однако жъ не исполнилась, ибо надежда и обманчивость родныхъ сестры),
 Издателю Журналовъ Микроскопа и Сплетней, и проч. и проч. (*).

часть первая.

Послушайте, любезные слушатели, если вамъ самимъ наскучило говорить вздоръ и пришла охота слушать пустяки, какъ то бываетъ со всеми слушателями Похвальныхъ Словъ! Мудрость не въ тѣхъ книгахъ, гдѣ безпрестанно толкуютъ о мудрости, то-

(*) Статья сія сообщена старикомъ Архипомъ Оаддеевичемъ, который некогда помѣщала статьи своего сочиненія въ Свѣ. Пчелѣ, Свѣ. Архивѣ и Литер. Листкахъ, но наскучивъ литературными сплетнями, пристрастными сужденіями подуграмотныхъ судей Литературы и различными кознями, поражаемыми завистью, удалился отъ свѣта въ пустыню, какъ мышь въ голландскій сыръ (см. Басню Н. И. Дмитріева), и отказался отъ всякаго участія въ Русской Литературѣ. Архипъ Оаддеевичъ пишетъ, что статью сію онъ нашелъ на большой дорогѣ, возвращаясь съ поля, послѣ посѣва грѣчихи.

чно такъ же, какъ безстрастіе не въ тѣхъ судьяхъ, которые судятъ дѣло, касающееся ихъ личныхъ выгодъ. Быть можетъ, что и въ моихъ словахъ найдется здравый смыслъ потому именно, что я его не искалъ, ибо я замѣтилъ, что если чего ищешь, того и не находишь, хотя бы вещь лежала подъ рукою. Внемлите, начинаю!

Природа, сирѣчь видимые нами предметы на Земномъ шарѣ, раздѣлены (не знаю, по какому праву) на три царства: царство животныхъ, царство прозябень и царство ископаемыхъ. Такъ называемые любомудры, имѣющіе привилегію говорить и писать непонятный вздоръ и иногда обмольвиваться правдою, назвали человека (опять не знаю, по какому праву) микрокосмомъ, или малымъ міромъ. А *послику* человекъ есть міръ (хотя и миниатюрный), то я также вознамѣрился раздѣлить (по такому же праву, какъ раздѣлена природа) родъ человѣческій на три царства: *грамотное*, *полуграмотное* и *безграмотное*. Сказано и сдѣлано.

Между тремя царствами природы са-

мое меньшее есть, безспорно, царство животных, ибо прозябеніями покрыть весь Земной шаръ, а раскопать можно его отъ полюса до полюса, слѣдовательно, онъ весь составленъ изъ частицъ и частей ископаемыхъ; напротивъ того, животныхъ всякаго рода, относительно къ другимъ произведеніямъ, такъ мало, что на нѣсколькихъ верстахъ кругомъ глазъ часто не виднѣть живой души. Меньше же всего на свѣтъ людей, ибо повнѣесть есть много странъ необитаемыхъ людьми, не считая въ числѣ странъ ни воды, ни воздуха, хотя по водѣ люди уже назначили границы, и даже по воздуху провели межи и дороги, въ чемъ свидѣтельствуясь Астрономіей и Математической Географіей. Но не въ томъ дѣло. Въ родѣ человѣческомъ, раздѣленномъ мною на три царства, изъ коихъ каждое соответствуетъ одному изъ царствъ природы, самое меньшее есть царство грамотныхъ. Нужны ли на это доказательства? Пожалуй! Одинъ Англичанинъ исчислилъ, что если бѣ разложить полосою всѣ печатныя книги, находя-

щіяся во всѣхъ библіотекахъ, то сими книгами можно было бы опоясать, весь Земной шаръ. Другой Англичанинъ, по моему мнѣнію, умнѣе перваго, возразилъ, что если бѣ разложить полосою однѣ умныя книги, то ими нельзя было бы даже устлать одной поперечной улицы въ Лондонѣ. Если вы слыхали, любезные слушатели, что такое Арифметика, то легко уразумѣете, что въ числѣ знающихъ грамоту находится столько полуграмотныхъ, сколько останется вздорныхъ книгъ, отъ полосы, окружающей, предположительно, Земной шаръ, если вычесть изъ нихъ тѣ книги, которыми второй Англичанинъ предполагалъ устлать поперечную улицу въ Лондонѣ. Правда, что болѣе грамотныхъ находится между читателями, нежели между писателями; но какъ грамотные не станутъ читать вздорныхъ книгъ, то все таки относительное сравненіе между числомъ людей грамотныхъ и полуграмотныхъ остается на томъ же основаніи. Но не взирая на то, что люди, написали столько книгъ, что ими можно обложить полосою весь Земной

шаръ, они не успѣли въ томъ, чтобъ пріохотить большинство людей къ грамотѣ; а это служить новымъ доказательствомъ вѣрности предположенія втораго Англичанина, т. е. что число вздорныхъ книгъ въ миллионъ разъ болѣе, нежели книгъ умныхъ, а потому и число безграмотныхъ людей во столько разъ превосходить число животныхъ. Почти вся Африка и Австралія, значительнѣйшая часть Азіи, и едва ли не половина Европы имѣютъ честь принадлежать къ царству безграмотныхъ. А какъ я слыхалъ отъ кума моего, суди, что во всѣхъ дѣлахъ спокойнѣе и безопаснѣе соглашаться съ *большинствомъ голосовъ*, то и въ нынѣшнемъ случаѣ примыкаю къ большинству, и намѣренъ доказать вамъ, что самое блаженное состояніе въ жизни есть безграмотность, что безграмотные въ миллионъ разъ лучше, нежели полуграмотные, и что грамотные гораздо несчастнѣе и полуграмотныхъ и безграмотныхъ. Но какъ вы, любезные слушатели, вѣроятно болѣе устали, слушая мою рѣчь, нежели я, говоря оную, какъ то

обыкновенно бываетъ во всѣхъ публичныхъ заведеніяхъ, то и намѣренъ я остановиться, чтобъ дать вамъ время утолить позывъ къ зѣвотѣ, подъ прикрытіемъ носовыхъ платковъ, и нюхательнымъ табакомъ разогнать дремоту вашу. Для этого именно всѣ велеученыя книги раздѣлены на части и главы— и такъ конецъ первой части!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Представьте себѣ, любезные слушатели, положеніе человека умнаго, веселаго, словоохотливаго, а притомъ зрячаго, котораго бы заперли на всю жизнь съ слѣпыми и глухо-нямыми! Онъ хотѣлъ бы раздѣлится съ другими свои чувствованія, мысли, наблюденія, изложить полезныя истины, — а половина его товарищей не слышитъ его, другая половина не видитъ и не понимаетъ! Слепые толкаютъ его и, спотыкаясь сами, сваливаютъ на зрячаго, который виноватъ только тѣмъ, что не имѣетъ глазъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ своего тѣла, и не мо-

жесть посторониться, когда слышцы набѣгаютъ на него съ боковъ, сзади и спереди, посиѣшая опрометью къ корму. Глухо-иѣмые визжать ему въ уши, дѣлають гримасы, перебирають пальцами и сердятся, что онъ ихъ не понимаетъ, и что они не слышать его голоса и не разумѣють его знаковъ. — Кончится тѣмъ, что онъ становится несноснымъ для всѣхъ, не принадлежа къ товариществу. Замѣчено, *искони въковъ*, что если люди чего не понимаютъ, то почитаютъ они бесполезнымъ или даже вреднымъ, и что они не понимаютъ именно вещей полезныхъ! Замѣчено также, *искони въковъ*, что глупые люди почитаютъ умъ заразою, а злые никакъ не хотятъ вѣрить, чтобъ человекъ, одаренный умомъ, не употребилъ его на дурное, при удобномъ случаѣ. Изъ этого выходитъ, что дураки и злые терпѣть не могутъ умныхъ людей, изъ опасенія, чтобъ они своимъ умомъ не лишили ихъ преимущества, глупостью и плутнями списывать пропитаніе, и прочее, и прочее... Замѣчено, *искони въковъ*, что луч-

шее средство погубить человека, котораго опасаются, есть *клевета*, облеченная въ одежду *сплетней*. А какъ само по себѣ разумѣется, что умный человекъ избѣгаетъ короткихъ связей съ глупцами и злыми, и ищетъ себѣ приюту между малымъ числомъ умныхъ, то глупцы не знаютъ его коротко, и охотно вѣрятъ всему, что выдумаютъ на его счетъ злые. — Замѣчено, *искони въковъ*, что какъ бы честно и благородно ни велъ себя умный человекъ, это ни сколько не поможетъ ему снискать уваженіе и довѣренность глупцовъ и благосклонность злыхъ; ибо хотя никто не увидитъ его дурныхъ поступковъ, но каждый услышитъ клевету, выдуманную злыми, а для глупцовъ довольно и этого, чтобъ составить себѣ мнѣніе о человекѣ, котораго они не знаютъ коротко, а только видятъ издалека. — Замѣчено, *искони въковъ*, что глупцы безпрестанно *просятъ* у тѣхъ, которые *могутъ давать*, а злые *ищутъ*, притворяясь добрыми. Тотъ, который въ состояніи давать, устаетъ отъ просьбъ, и не рѣдко бываетъ обманутъ просками и

ствующих, и кончится всегда тѣмъ, что получаетъ тотъ, кто *проситъ* или *ищетъ*. Вы любезные слушатели, вѣроятно знаете пословицу: *на всякаго мудреца довольно простоты*. Я вамъ растолкую, отъ чего произошла сія пословица. Умные люди *не просятъ* и *не ищутъ*, думая, что ихъ станутъ *отыскивать*, и вотъ ошибка, породившая знаменитую пословицу! Не каждому такое счастье, какъ пѣтуху въ баснѣ Езоповой, чтобъ не искавъ найти жемчужное зерно въ навозной кучѣ, и человѣкъ, который въ состояніи давать, если бѣ вмѣсто очковъ вздѣлъ на носъ два телескопа Фраунгофера, во сто разъ лучше Дерптскаго, то скорѣе (если луна обитаема ротозѣями) чѣмъ бы увидѣлъ какого нибудь ротозѣя на лунѣ, открыть умнаго человѣка на землѣ, въ непроницаемой толпѣ *просителей* и *искателей*, которые, какъ саранча, закрываютъ собою солнце, не только умнаго, если онъ случайно приблизился къ тому мѣсту, гдѣ даютъ. Замѣчено, *ископи въковы*, что глупцы и злые не терпятъ правды, какъ чортъ ка-

дила. Это весьма естественно! Кому пріятно, если ему скажутъ въ глаза: «Милостивый государь, честь имѣю уведомить васъ, что вы дуракъ, или что вы злой человѣкъ!» Конечно, умный человѣкъ не скажетъ никому въ глаза: Милостивый государь, вы глупы, или вы злой человѣкъ; но умные объясняютъ народу, что такое глупость, или что такое злость, а этого довольно, чтобъ возбудить противу себя гоненіе и ненависть глупцовъ и злыхъ. Человѣкъ, который посоветуетъ сосѣду своему запереть крѣпко кладовую, поставить при ней караулъ, и опишетъ примѣты вора, столь же противенъ вору, какъ и тотъ, который поймаетъ его въ воровствѣ; а называть кого либо умнымъ передъ глупцами, и доказывать это, есть косвенный упрекъ глупцамъ, ибо какъ бы они глупы ни были, но догадуются, что умомъ называется то, чего имъ никогда не приходило въ голову. Но какъ умный человѣкъ не можетъ ни говорить, ни писать ничего, кромѣ правды, что и составляетъ отличительное свойство ума,

потому что только глупцы вѣрять, будто обманами и пропырствомъ можно замѣнить умъ, то по этому именно умный человѣкъ также противенъ глупцамъ и злымъ, какъ сама правда. А какъ каждый хочетъ избавиться отъ того, что ему противно, то глупцы и злые почитаютъ умныхъ людей волками, которыхъ позволено истреблять во всякое время года, а правду пожарнымъ пламенемъ, которое надобно тушить, лишь только покажется первая искра.—Замѣчено, *искони въковы*, что умный человѣкъ, если онъ бѣденъ, лучше согласится ѣсть черный хлѣбъ съ квасомъ, чѣмъ лизать блюдо у глупаго богача, а если онъ самъ богатъ, то не станетъ кормить и понтъ ни гордыхъ голышей, ни знатныхъ обжоръ, ни шутовъ, ни плутовъ. Такое расположеніе въ умномъ человѣкѣ почитается порокомъ, и даже непростительнымъ, равнымъ отвращенію отъ лести, которую умный человѣкъ почитаетъ мякиною, и, подобно старому воробью, знаетъ ее настоящее достоинство.

Любезные слушатели! Вы должны

знать, что подъ именемъ умнаго человѣка, я разумѣю человѣка *честнаго*, ибо умный человѣкъ для собственной выгоды не захочетъ быть плутомъ, зная, что нѣтъ такого плутовства и обмана, которые бы не открывались со временемъ. Хотя одинъ остроумный Поэтъ, по имени Грибоѣдовъ въ странѣ, называемой *Россія*, и написалъ:

Да умный человекъ не можетъ быть не плутомъ!

но Поэтъ называлъ умомъ то, что называетъ умомъ въ общепринятіи, т. е. ловкость, смысленность и проицательность, а сіи три качества не составляютъ полнаго ума, но суть его частицы, хотя людямъ нравятся гораздо болѣе, нежели полный умъ. Умъ имѣетъ двѣ стороны: *хлѣбную* и *безхлѣбную*, а вышеписанныя частицы ума принадлежать къ самой жирной сторонѣ, а потому и нравятся большинству. Присемъ долгомъ поставляю сказать, что каждый умный и честный человѣкъ долженъ быть и есть непременно *грамотный*, для удовольствія своего и пользы

ч. II.

общей; следовательно все, что сказано здѣсь объ *умѣ*, относится къ *грамотности*. Хотя многіе думаютъ, что грамотность состоитъ въ томъ единственно, чтобъ знать кавычки, но я утверждаю, что между уставщикомъ кавыкъ и грамотнымъ такая же разница, какъ между изобрѣтателемъ паровой машины и машинистомъ на пароходѣ Г. Берда. Машинистъ этотъ чрезвычайно искусенъ въ своемъ ремеслѣ, ибо уже болѣе десяти лѣтъ ни одна машина не лопнула въ Петербургѣ, когда напротивъ того въ Америкѣ, гдѣ изобрѣтено паровое судоходство, ежегодно ломается по нѣскольку машинъ. При всемъ томъ, я думаю, что знаменитый Фультопъ (изобрѣтатель пароходовъ) былъ умнѣе тѣхъ, которые умѣютъ во-время отпирать и запереть клапаны въ машинѣ, и останусь при семъ мнѣніи, хотя бы мнѣ доказали, что три машины сряду лопнули подѣ управленіемъ Фультона. Замѣчено также, что между учениками грамоты гораздо болѣе грамотныхъ, нежели между учителями. Мы не знаемъ, кто обучалъ грамотѣ Мольера, Шек-

спира, Шиллера, Гёте, Державина и т. п. однако жъ убѣждены, что эти господа люди грамотные. . . . Но я вижу, что вы, любезные слушатели, помахиваете платками и повертываете табакерками; это знакъ, что я долженъ кончить вторую часть моей рѣчи, ибо только привилегированнымъ ученымъ позволено говорить въ публичныхъ собраніяхъ, до *перваго обморока*. И такъ — отдохните!

Вникнувъ въ *замыслия*, сдѣланныя *исками въковъ* и изложенныя во второй части сей рѣчи, объ участи людей грамотныхъ въ свѣтъ, вы вѣрно согласитесь, любезные слушатели, что положеніе ихъ не завидное какъ положеніе бѣдной красавицы между богатыми и безобразными родственниками, смирнаго челоуѣка женатаго на вздорной женщинѣ, молодой жены съ старымъ, ревнивымъ мужемъ, честнаго бѣдняка, имѣющаго тяжбу съ богатыми плутами или *далами*, ягненка между волками, и проч. и проч. и проч. Исторія предъ вами, любезные слушатели, и вы можете удостовѣриться въ истинѣ сказаннаго мною. Всѣ бѣдствія, у-

дружавшія Земной шаръ, отъ его сотворенія, приписываемы были всегда грамотнымъ, людьми полуграмотными и безграмотными, отъ Ноева потопа до появленія холеры въ Европѣ! Встарину, людей грамотныхъ, занимавшихся науками на пользу рода человѣческаго, полуграмотные провозглашали чародѣями и жарили ихъ на кострахъ, какъ тетеревей, а нынѣ грамотныхъ благодѣтелей человечества, Врачей, жертвующихъ собственною жизнью для доставленія здоровья ближнимъ, тѣ же полуграмотные называютъ отравителями. Одно стоитъ другаго, и нисколько не утѣшительно для грамотныхъ! Горькая участь ихъ тронула двухъ величайшихъ враговъ рода человѣческаго: *Невѣжество* и *Холеру*. Онѣ вступились за грамотныхъ, и порядочно отместили полуграмотнымъ и безграмотнымъ! Въ средніе вѣки невѣжество довело людей до такой степени варварства, что они отличались отъ дикихъ звѣрей одною только наклопностью къ пьянству, чуждою дикимъ звѣрямъ и свойственною только одичалому человѣку; а въ ны-

нѣйшее время холера напала именно съ величайшимъ ожесточеніемъ на полуграмотныхъ и безграмотныхъ, то есть, на тѣхъ, которые пренебрегаютъ совѣтами грамотныхъ и выше цѣнить грибъ и огурецъ нежели здравый разсудокъ. На одного грамотнаго, погибшаго отъ холеры, приходится вѣрно по сту полу и безграмотныхъ. Но я долженъ обратиться къ моей ученой темѣ, и доказать вамъ блаженство полуграмотныхъ и безграмотныхъ, потому что я имѣю честь быть студентомъ безграмотности, а каждый человѣкъ долженъ хвалить свое ремесло, каково бы оно ни было.

Грамотный перебравъ всѣ науки, изслѣдовавъ всѣ изысканія ума человѣческаго, смиренно потупляетъ чело и съ сердечнымъ сокрушеніемъ сознается, *что онъ ничего не знаетъ*, что тайна природы непостижима и совершенство въ искусствѣ недосягаемо! Жалость и только! — Взгляните же теперь на полуграмотныхъ, и порадауйтесь, съ какимъ торжествомъ они провозглашаютъ *что они все знаютъ*, постигли всѣ тайны природы,

и дошли до высочайшей степени совершенства въ искусствахъ! Какой нибудь семинаристъ, приглаженный кваскомъ, потряхивающій косичкою *, затвердивъ правило, блаженни вѣрующій, и давъ ему свой толкъ, вѣруеть, что онъ чудо и надежда своего вѣка, вопить какъ изступленный противу грамотныхъ, швыряетъ въ нихъ кавыками и ижицами, и счастливъ, воображая, что онъ выше грамотныхъ, потому что попраля грамоту ногами, какъ бисеръ въ притчѣ. Какой нибудь поклонникъ Бахуса, увѣнчавъ чело свое гирляндю изъ хмѣля и канусты, воображаетъ себя, что онъ увѣнчанный исполнитель и вѣстникъ боговъ Олимпа, и бросаая косые взгляды на грамотныхъ, терзаетъ грамоту, и блаженъ, когда трактирный слуга, въ балахонѣ, указывая на него пальцемъ, говоритъ въ полголоса Квартальному

* Прошу покорно извиненія у Г. Греча, что похитилъ у него сіи картинныя черты изъ статьи его! *Литературныя замѣчанія* въ № 27 Сына Отец. и Свѣ. Архива на 1831 годъ. Видъ безграмотность только и живетъ на счетъ похищеній у грамотности.

Надзирателю: что это *ученый*! Вотъ какъ мало надобно полуграмотному для достиженія того наслажденія, которое грамотный пріобрѣтаетъ тяжкими трудами и пожертвованіемъ трехъ четвертей своей жизни! Грамотный знаетъ, что слава и благодарность за труды на общую пользу суть дары потомства, и что жизненное его поприще должно быть усѣяно терніемъ; а полуграмотный вѣритъ, что все равно, кто *прославленъ* или кто *ославленъ*; что для писателя довольно того, чтобъ быть *известнымъ*, а чѣмъ—это не его забота; ибо если грамотные скажутъ ему, что онъ *известенъ глупостью*, то онъ не повѣритъ, полуграмотный не скажетъ этого своему брату, а безграмотный почитаетъ муарецомъ каждаго, кто нишетъ и печатаетъ. Но оставимъ въ покоѣ Литературу, которая не должна входить въ составъ Похвального Слова безграмотности, какъ изображеніе солнца въ картину, представляющую ночь со всѣми ея прелестями. Я упомянулъ о Литературѣ слегка, для того только, что нынѣ ввелся обычай во всемъ

отступать отъ главнаго предмета, такъ, на-
примѣръ: если кто хочетъ говорить объ ог-
нѣ, то долженъ непременно упомянуть, въ
рѣчи своей, о водѣ. Обратимъ взоры наши
на Палаты и Канцеляріи, и утѣшимся!
Здѣсь даръ слова процвѣтаетъ, какъ яблоко,
носящая златыя яблоки, въ саду кащей *.
Только тотъ, кто выучился въ канцеляріяхъ
искусству выражать слова буквами, въ со-
стояніи написать то на десяти листахъ, что
можно сказать тремя словами. Грамотный
скорѣе найдетъ квадратуру круга или изоб-
рѣтитъ вѣчное движеніе, чѣмъ напишетъ
подобную бумагу! Ахъ, любезные слушате-
ли! сердце мое радуется, когда я подумаю
о бумагѣ, написанной *старымъ канцеляр-
скимъ штилемъ*, который и по нынѣ имѣ-
етъ своихъ любителей и подражателей, не
взирая на заговоръ грамотныхъ къ уничто-
женію онаго. Напримѣръ, вообразите, что
надобно сказать: пришлите объясненіе по
дѣлу NN. Эти пять словъ, въ *старомъ кан-*

* См. Поэму *Душечка*, соч. Богдановича.—

целярскою штилемъ, бывало размножались
до того, что въ самый урожайный годъ,
пять маковыхъ головокъ не заключаютъ въ
себѣ столько зеренъ, а слова эти распишут-
ся въ періодахъ, которые едва помѣщают-
ся на листѣ, между двумя точками, безъ
запятыхъ, или съ запятыми безъ точекъ.
Яти, ыры, ырики и ижицы блуждаютъ въ
безпорядкѣ по листамъ, какъ овечки по зе-
леному лугу, и восхищаютъ сердце, а чет-
кость пузатыхъ буквъ, полуопрокинутыхъ
съ правой стороны на лѣвую, услаждаетъ
зрѣніе и представляетъ воображенію рядъ
хорьковъ, сидящихъ на заднихъ лапкахъ. Все
здѣсь оживлено, благоустроено, и для гра-
мотнаго задача! Тщетно онъ будетъ искать
смысла въ этой бумагѣ; нѣтъ, это не при-
немъ писано! Теперь замѣьте разницу ме-
жду грамотными и ихъ противниками. Не
только полуграмотные, но даже и безгра-
мотные понимаютъ сочиненія грамотныхъ,
и нѣтъ челоѣка, который бы, напри-
мѣръ не понималъ *Недоросль*, соч. Фонъ Визина,
грамотнаго изъ грамотныхъ; но нынѣшніе

грамотные, напротив того, никакъ не могутъ найти смысла въ прелестной бумагѣ, написанной, какъ выше изображено, *по правиламъ стараго канцелярскаго штиля*, когда полуграмотные находятъ въ ней не только *одинакій* смыслъ, но даже и *двойной*, какъ нужно по обстоятельствамъ. А какаѣ разница въ достоинствахъ, т. е. въ цѣнѣ сочиненій грамотныхъ и бумагъ, писанныхъ *старымъ канцелярскимъ штилемъ*! Возьмемъ въ примѣръ сочиненіе фонъ Визина, Каждый полуграмотный имѣетъ право бранить ихъ, или, что для нихъ вреднѣе, подражать имъ. Каждый безграмотный имѣетъ право перепечатывать ихъ, наполнять ошибками, безобразить длинными, бессмысленными предисловіями, и продавать, какъ угодно. То ли бывало съ бумагой, написанною *по правиламъ стараго канцелярскаго штиля*? — Во первыхъ, иногда нѣсколько листовъ стоили болѣе, на наличныя деньги, тому, для кого они писаны, нежели цѣлая бібліотека, составленная изъ сочиненій отборнѣйшихъ Авторъ; во вторыхъ каждый

копіистъ бывало могъ разругать печатное сочиненіе грамотнаго человѣка, какъ уже выше сказано, а грамотный не имѣлъ права даже замѣтить господину копіисту, что онъ коверкаетъ грамоту. Покойный мой дядя, который сорокъ лѣтъ терся по палатамъ, сказывалъ мнѣ, что бывало даже гораздо лучше имѣть начальника полуграмотнаго, чѣмъ грамотнаго, и что съ первымъ дѣла сходили съ рукъ и гораздо легче, чѣмъ со вторымъ, къ пользѣ и удовольствію чиновниковъ. Но, любезные слушатели, я долженъ здѣсь прервать рѣчь мою, чтобъ заглянуть въ кухню, гдѣ готовится завтракъ для почетнѣйшихъ посѣтителей нашего ученаго собранія, а хорошая пища, какъ вамъ извѣстно, составляетъ важнѣйшій предметъ всякаго собранія, тѣмъ болѣе ученаго, ибо располагаетъ слушателей толковать благосклонно о бывшемъ засѣданіи. Завтракъ будетъ очень хорошъ, потому что не стоитъ ни копѣйки. Снимъ пріятнымъ извѣстіемъ возбуждая дальнѣйшее ваше вниманіе, кончу мою третью часть.

«Свой своему по неволѣ другъ,» твердитъ пословица. Поелику доказано, что въ нынѣшнемъ основаніи общества, нельзя дѣлать дѣлъ безъ употребленія буквъ и цифръ, и какъ понынѣ еще не выдуманы паровыя машины для заготовленія разныхъ бумагъ, то по неволѣ должно употреблять людей, для черченія буквъ на бумагъ и стуканія костями по счетной доскѣ. Но, какъ упомянуто въ первой части сей рѣчи, грамотные (по ошибкѣ) ждутъ пока ихъ същуютъ, а полуграмотные лѣзутъ на проломъ, то, разумѣется, что они скорѣе достигаютъ своей цѣли, и тогда, по вышеписанной пословицѣ, помогаютъ *своимъ* уцѣпиться за питательное *буквочерченіе*, замѣняющее грамоту, въ отсутствіе грамотныхъ людей. — Грамотный потѣветъ и кряхтитъ надъ листикомъ бумаги, потому, что работаетъ умомъ, а *буквочерчитель* накропиль чернилами цѣлую дѣсь, не пошевеливъ ни одной мысли, и не утрудя ни одной головной жилки, ибо у него преданія и формы замѣняютъ разсудокъ, а о порядкѣ словъ и смыслѣ онъ

столько же заботится, какъ и о здоровьѣ Солунскаго Пашы, который однако жъ весьма важная фигура въ своемъ Пашалыкѣ. Притомъ же грамотный, работая, помышляетъ единственно о пользѣ грамоты, а полуграмотный, не постигша этой пользы, думаетъ единственно о выгодахъ, которыя происходятъ отъ буквочерченія, а потому онъ и получаетъ всѣ выгоды, сопряженныя съ снмъ ремесломъ. Грамотные люди Ньютонъ и Кеплеръ, нашедшіе и опредѣлившіе законы тяжести, не думали о выгодахъ и не испрашивали привилегій на свои изобрѣтенія, которыя обогатили тысячи механиковъ, изобрѣтателей молотиловъ, мѣсилень тѣста и проч., работающихъ по преданіямъ, извѣстнымъ формамъ и чужимъ вычисленіямъ. Наполеонъ, который безъ всякаго сомнѣнія былъ великій человекъ, слѣдовательно и грамотный, (хотя нарочно писалъ неразборчивымъ почеркомъ, чтобъ не замѣчали его ореографическихъ ошибокъ), Наполеонъ, любя свои выгоды, не помышлялъ однакожъ объ нихъ, когда составлялъ

свой Кодексъ, или Гражданское и Уголовное Уложение, ибо онъ тогда былъ превыше закона. Между тѣмъ, тысячи судей, адвокатовъ, секретарей и писцовъ живутъ себѣ, припѣваячи, на счетъ сочиненія Наполеона, хотя и не ломали надъ онымъ головы *! Но, любезные слушатели, пора кончить сіи сравненія для доказательства, что полуграмотнымъ на свѣтѣ лучшее житіе, чѣмъ грамотнымъ. Полуграмотные довольны

* Во Франціи тяжущіеся стороны платятъ канцеляріи за издержки во время процесса, а по окончаніи онаго платитъ проигравшій тяжбу. Въ нашихъ Остѣ-Зейскихъ провинціяхъ тяжущіеся также платятъ за всякую бумагу канцеляріи. Это называется *шпортель*, или канцелярскій доходъ. Случается, что тяжба въ 1000 рублей, стоитъ тяжущемуся три тысячи законныхъ издержекъ. Бѣдные, немѣняющіе недвижимаго имѣнія, не платятъ ничего, и право сіе называется *Armenrecht*. Ябедники пользуются снѣмъ и шцуть случаевъ заводить тяжбы съ достаточными, которые, для избѣжанія издержекъ процесса, платятъ ябедникамъ за мировую, чтобъ только отвязаться отъ нихъ. Это остатки Шведскаго Законодательства въ сихъ провинціяхъ.

собою и всѣмъ, что они дѣлаютъ, следовательно они счастливы, а извлекая выгоды изъ трудовъ грамотныхъ и вытѣсняя отъсюду грамотныхъ, должны быть превосходнѣе. Повѣримъ имъ въ первомъ, а во второмъ и сомнѣваться не должны!

Обращаясь къ многочисленнѣйшему, изъ трехъ разрядовъ, къ безграмотнымъ, я не нахожу ни слова, ни мыслей, чтобъ выразить ихъ блаженство и превосходство. Прошедшее и будущее беспокоитъ человека грамотнаго, настоящее занимаетъ полуграмотнаго, но безграмотный живетъ себѣ спустя рукава, подчиняется одному правилу въ жизни, называемому: *авось*, которое скрываетъ предъ нами всѣ опасности, всѣ бѣдствія и всѣ трудности. Онъ ни надъ чѣмъ не ломаетъ головы, (только иногда хмѣль ломитъ ему голову); сердце его не знаетъ томленія, порождаемаго страстями и отвлеченнаго желаніями, ибо онъ принимаетъ къ сердцу одни дѣла, а выспренныхъ словъ, по счастью, не понимаетъ и не гоняется за счастьемъ въ надземную Платонову республику.

лику, повторяя пословицу: «не суй журавля въ небѣ, а дай сипину въ руки.» Душа его, подобно мельнику, радуется тогда только, когда жернова, т. е. желудокъ, въ работѣ, а что бы ни говорили господа Философы, но великое счастье имѣть желудокъ похожій на жернова! Безграмотный не знаетъ труда прокладывать себѣ путь, но идетъ всегда слѣдомъ за другимъ, а благотельное *авось* поддерживаетъ его въ пути, кормить, поить, лечить и призываетъ. Грамотный, дорожа своею независимостью, и почитая несчастьемъ быть во власти полу-грамотнаго, добровольно предается въ рабство безграмотному, ибо почитая своею обязанностью служить роду человѣческому, онъ, разумѣется, служить тѣмъ, которые менѣе всего о себѣ заботятся, а какъ большинство рода человѣческаго состоитъ изъ безграмотныхъ, то и доказано, что грамотный служить безграмотнымъ. — Все лучшее въ міръ устроено для безграмотныхъ! Для кого заведены школы? Разумѣется для безграмотныхъ, чтобъ ихъ учить грамотѣ. Для чего

трудятся ученые, моралисты, философы? Чтобъ доставлять безграмотнымъ средства жить на свѣтѣ чужимъ умомъ. Химикъ составляетъ для нихъ краски и цѣлебныя вещества; Докторъ учится Медицинѣ, чтобъ сохранять здоровье тѣхъ, которые сами не умѣютъ беречь его; купецъ отправляетъ корабли за море, чтобъ доставить нужное тому, который самъ не знаетъ, гдѣ достать его Судья застѣваетъ въ Судѣ, чтобъ толковать законы тѣмъ, которые ихъ не понимаютъ, словомъ: всѣ трудятся головою для того единственно, чтобъ плодами трудовъ своихъ замѣнить головную недѣятельность безграмотныхъ, и надѣлать ихъ спокойствіемъ, довольствомъ и безопасностью. Правда, что полуграмотные и вообще буквочертители стригутъ безграмотныхъ, какъ овецъ, но грамотные берегутъ ихъ, какъ собакъ, и по крайности не позволяютъ съ нихъ сдирать кожу. Но что значить эта малая непріятность, въ сравненіи съ блаженнымъ состояніемъ, въ которомъ находятся безграмотные, имѣя спокойную голову и сердце, и обременяя тя-

жестями одинъ желудокъ! Для примѣра поставлю книгопродавца и сочинителя. Одинъ сушить мозгъ, томится, чахнетъ, не спитъ по ночамъ, сидитъ въ заперти, и стократъ счастливъ, если за трудъ свой получить насущный хлѣбъ, который, между прочимъ, полуграмотные стараются отравить ядомъ зависти и упитать желчью. Другой сидитъ преспокойно въ лавкѣ, перебираетъ умственный товаръ, какъ солому, и безъ напряженія ума и изнуренія тѣла, изволить кушать сладкій кусокъ, посмѣиваясь надъ грамотными и полуграмотными! О блаженная безграмотность! ты не знаешь и знать не хочешь безпокойныхъ чадъ ума, честолюбія, славолюбія и прочихъ мучителей нравственной жизни. Трижды благословляю тебя, милая безграмотность, и горжусь тѣмъ, что имѣю честь быть студентомъ сей науки, доставившей другу моему (которому посвящена сія рѣчь), блистательное имя между безграмотными и уваженіе полуграмотныхъ. Надѣюсь.... Надежда.... Но я слышу звукъ тарелокъ въ другой комнатѣ; запахъ жаркаго коснулся

уже моего обонянія. Почтенные слушатели! кончу рѣчь мою и прошу не погнѣваться, если она вамъ не понравилась. Завтракъ, лучшая тропа и краснорѣчивѣйшая фигура всѣхъ ученыхъ засѣданій, завтракъ есть одна существенная истина, которая доходитъ до сердца слушателей; завтракъ примприть васъ съ моею рѣчью а мнѣ дастъ силу храбро шествовать путемъ безграмотности, и уподобиться свѣтилу и надеждѣ безграмотныхъ, которому посвящено сіе слово. Точка и конецъ, любезные слушатели!

хаживаютъ, спятъ, лежатъ, толкують между собою или молчатъ.)

Новгородскій Славянинъ тринадцатаго вѣка сидитъ въ задумчивости подъ тѣнью развѣсистаго дуба. Славянинъ среднихъ лѣтъ; русые волосы его расчесаны напередъ, и кудри ниспадаютъ на плечи. На немъ голубое полукафтанье изъ сукна Ганзейскихъ фабрикъ, и широкій плащъ съ откиднымъ капюшономъ. Онъ чертитъ жезломъ по песку. Къ нему подходитъ молодой Франтъ, одѣтый по последней модѣ XIX столѣтїа, съ усиками, въ обгнуптомъ фракѣ, въ цвѣтномъ жилетѣ, въ черномъ галстухѣ, съ лорнетомъ.

Франтъ XIX вѣка. Имѣю честь рекомендоваться! Très humble serviteur! Я Русскій, потомокъ вашъ, а можетъ быть, и наслѣдникъ! Мнѣ случилось заглянуть въ Русскую Исторію, и я прочелъ кое-что о вашихъ временахъ. Прекрасныя были времена! Безпрерывныя драки, ссоры, междоусобїа Князей; нашествїе Татаръ, войны съ Литвою, неустройства въ Новгородѣ....

— № VI. —

РАЗГОВОРЪ

ВЪ ЦАРСТВѢ МЕРТВЫХЪ.

(Елисейскія поля. Въ разныхъ мѣстахъ разбросаны рощи Гесперидскихъ яблонь, лавровыхъ, миртовыхъ и дубовыхъ деревьевъ. Ручьи протекаютъ въ различныхъ направленїяхъ. Райскія птицы порхаютъ въ воздухѣ, наполненномъ ароматомъ. Съ одной стороны течетъ Лета, съ другой Ахеронъ. Горизонтъ ограничивается горою Олимпомъ. Толпы тѣней рас-

Можно было скоро выскочить въ люди, нахватать чиновъ, получить аренду

Славянинъ XIII-го вѣка, (смотреть съ улыбкою на Франта). Не ошибаешься ли, родичъ? не припалъ ли ты меня за кого другаго!

Франтъ XIX-го вѣка. (въ сторону) Tiens! Il commence par me tutoyer! (къ Славянину). Вѣдь я имѣю честь говорить съ именитымъ гражданиномъ Великаго Новгорода?

Славянинъ XIII-го вѣка. Точно такъ!

Франтъ XIX-го вѣка. И такъ я знаю васъ, какъ самого себя... Я читалъ... я все прочелъ! Вы, господа предки наши, Славяне, были гуслисты, музыканты, страствователи, т. е. вояжеры, у которыхъ при дверяхъ висѣли мечъ и мускійское оружіе... охотники подраться, поспорить, покапризничать съ начальниками... Все это я читалъ...

Славянинъ XIII-го вѣка. И все это пустое! Въ ваше время описываютъ насъ

наудачу, не разбирая, что Славяне, жившіе на югъ и на западъ, были вовсе не тѣ, что Славяне, жившіе на сѣверѣ. Мы жили, мыслили и дѣйствовали совсѣмъ не такъ, какъ наши южные и западные соплеменники. Даже до сихъ поръ черты характера различныхъ племенъ Славянскихъ не измѣнились.— Южные Славяне тѣже гудочники теперь, что были прежде; западные Славяне такъ же легкомысленны теперь, какъ и въ наше время. Мы, сѣверные Славяне, были воинами и землепашцами. Ганза завела у насъ свою торговлю, ввела свое городовое управленіе, и приучила насъ къ роскоши, которая наконецъ погубила насъ.... (Славянинъ тяжело вздохнулъ.)

Франтъ XIX вѣка. Роскошь! Прелестная вещь! Она не губить, а пускаетъ въ оборотъ деньги, однихъ разоряетъ, другихъ обогащаетъ, а между тѣмъ всѣ шевелятся, всѣ наслаждаются... Извольте видѣть! Мы благодаримъ васъ! Роскошь свела меня преждевременно въ могилу, а я не жалуюсь на нее. Напротивъ, если бъ мнѣ прип-

лось возвратиться на тотъ свѣтъ, я точно такъ же началъ бы жить, какъ жилъ, точно такъ же промотался бы, и точнехонько такъ же легъ бы въ гробъ послѣ недѣли безсонныхъ ночей, двухъ дюжинъ шампанскаго, двухъ сотъ устрицъ, шести безконечныхъ котильоновъ, двѣнадцати дюжинъ измятыхъ картъ, трехъ невѣрностей.... Ахъ, что за жизнь!.. Нельзя ли какъ нибудь провеста старика Харона, и проскользнуть на другой берегъ?..... Мнѣ удавалось не разъ обмануть нашихъ добрыхъ земныхъ старичковъ.

Славянинъ XIII вѣка. Я право плохо понимаю тебя, землякъ! — Понялъ я только, что ты разорился. Сожалѣю о тебѣ!

Фрагтъ XIX вѣка. Не трудитесь напрасно! Не жалѣйте, а поздравьте! Я умеръ въ самую пору, а именно, когда уже мнѣ никто не вѣрилъ ни копѣйки, и когда долги превысили вдесятеро все мое имѣнье. Ха, ха, ха! — Воображаю себѣ, что за постлую рожу сдѣлають мои глупые заимодав-

цы, когда, вмѣсто рубля, придется имъ по гривнѣ!.... Какъ усердно они будутъ оплакивать мою кончину... Ха, ха, ха!.....

Славянинъ XIII-го вѣка. — И ты можешь смѣяться надъ этимъ несчастіемъ? — Слушай землякъ! ты засталъ меня, погруженнаго въ думу. Знаешь ли, отъ чего я грущу, даже здѣсь? Отъ того, что я въ жизни былъ такъ несчастенъ, что не устоялъ въ словѣ. Собираясь въ походъ къ Озеру Невскому съ знаменитымъ Княземъ Александромъ, я занялъ у одного купчины десять гривенъ золота, на вооруженіе недостаточныхъ воиновъ. Въ наше время писмѣна употреблялись только въ важныхъ церковныхъ дѣлахъ, въ условіяхъ и договорахъ съ Князьями и городами, а въ дѣлахъ денежныхъ и торговыхъ, вмѣсто грамотъ, служили намъ бирки. Одна половина бирки, съ отмѣткою, оставалась въ рукахъ заимодавца, а другая половина у должника. Когда должникъ въ срокъ уплачивалъ долгъ, получалъ обратно свою бирку; когда же ока-

зывался несостоятельнымъ, заимодавецъ говорилъ должнику всенародно: «а кто не сдержалъ слова, тому да будетъ стыдно» — и сожигалъ бирку или, переломивъ, бросалъ ему подъ ноги. — По особенному несчастію, я не могъ уплатить въ срокъ долга. Купчина не могъ или не хотѣлъ подождать, и сжегъ мою бирку. Я не пережилъ стыда, и, съ отчаянія.... умеръ! Родные мои продали послѣднее свое имущество, и заплатили мой долгъ... но они не могли искупить моего поношенія, не могли золотомъ воротить моей бирки!.... (Славянинъ закрываетъ руками лице.)

Франтъ XIX-го вѣка. Купецъ сжегъ вашу бирку, т. е. вексель, и не подалъ жалобы? — Ахъ, благодѣтель! Да если бы теперь явились такіе заимодавцы, которые стали бы жечь наши векселя, вмѣсто того чтобъ подавать ихъ ко взысканію, то мы озолотили бы этихъ почтенныхъ кредиторовъ.... Подъ словомъ *озолотить* я не разумѣю того, чтобъ осыпать ихъ золотомъ

или дать имъ золота, а мы поставили бы ихъ портреты въ золотыя рамы. И вы отъ того пришли въ отчаянье, что сожгли вашъ вексель!!! Да я бы разцѣловалъ за это моего заимодавца, хотя бы у него на бородѣ было фунта три постнаго масла. Мало этого: я запросилъ бы его объѣдать, и напоилъ бы на убой, шампанскимъ, разумѣется въ долгъ! Ну, признаюсь, варварскіе же обычаи были въ ваше время!

Славянинъ XIII-го вѣка. Наши обычаи доставили намъ уваженіе сосѣдей...

(Пока Славянинъ и Франтъ разговаривали, къ нимъ подошла, съ тылу, цѣлая толпа тѣней, и прислушивалась къ ихъ рѣчамъ.)

Чужеземный купецъ нашего времени. Позвольте спросить: а сколько процентовъ приносило вамъ уваженіе сосѣдей?

Славянинъ XIII-го вѣка. Я не понимаю тебя.

Чужеземный купец. То есть, многоли было вамъ барыша отъ уваженія ; я разумью, отъ довѣренности, по нашему, отъ кредита, (это одно и то же), пріобрѣтеннаго вами въ исполненіи обязательствъ ?

Славянинъ XIII-го вѣка. Да это дѣло чести и совѣсти, а не расчета! — Неужели исполняя долгъ Христіанина, гражданина и человѣка, можно помышлять о барышахъ !

Чужеземный купец. Не только можно, но и должно! Дружба, родственныя связи, гостепріимство, хлѣбъ-соль, уваженіе, довѣренность, точность въ исполненіи обязанностей, все должно быть основано на расчетѣ, и до тѣхъ поръ должно быть соблюдаемо и исполняемо, пока соблюденіе и исполненіе приносятъ выгоды или барыши. Если, напримѣръ, банкротство, т. е. по вашему несостоятельность въ платежѣ, полезнѣе чѣмъ уплата по обязательствамъ, то само по себѣ разумѣется, что должно

обанкротиться. Если, напримѣръ, связь съ какимъ нибудь чиновникомъ полезна, то надобно звать его обѣдать и подчивать шампанскимъ, а если, напротивъ, человѣкъ безполезенъ, то будь онъ семи пядей во лбу и выкроенъ изъ всѣхъ добродѣтелей — знакомство съ нимъ есть тягость, хотя бы оно иногда и польстило тщеславію. На свѣтѣ надобно жить, милостивый государь, съ табличей умноженія въ рукахъ....

Славянинъ XIII-го вѣка (прерывая рѣчь). Если бѣ ты въ наше время сталъ проповѣдывать такіа правила, тебя зашили бы въ мышокъ, да и бухъ въ Волховъ !

Чужеземный купец. И я въ жизни не проповѣдывалъ этого, а только думалъ и дѣлалъ тихомолкомъ, и отъ того пришедши къ вамъ, на Русь, съ котомкой, я ворочалъ милліонами; три раза обанкротился, и три раза былъ богаче послѣ банкротства, чѣмъ прежде. Но вы, Русскіе, не понимаете еще этого. Вы еще не слишкомъ образованы. Вы еще увлекаетесь душевны-

ми порывами, вы еще бросаете деньги, гдѣ надобно спасти, помочь, выручить изъ бѣды... Вы еще не достигли, высокаго (sublime) въ торговлѣ, до философской бухгалтеріи, до игры фондами, до невещественныхъ капиталовъ, до цыфирнаго богатства; словомъ, вы не достигли до того высокаго духа спекуляцій, въ которыхъ теряеть только тотъ, кто вноситъ наличныя деньги, а выигрываетъ тотъ, который ставитъ на ставку одно свое имя и компанія....

Славянинъ XIII-го вѣка. (Про себя: несносный враль!) Я не понимаю тебя.

Чужеземленный купецъ. Не понимаете? Однакожъ вы родомъ изъ города, въ которомъ всѣ граждане были купцы, какъ напримѣръ, въ Гамбургѣ и проч. Вотъ извольте видѣть, гдѣ люди понимаютъ....

Франтъ XIX-го вѣка. Перестаньте! Меня бьетъ какъ въ лихорадкѣ, когда я слышу рѣчь о деньгахъ, о спекуляціяхъ. Деньги на то выдуманы, чтобъ проживать

ихъ, занимать, опять проживать, и опять занимать — и такъ далѣе!

Славянинъ XIII-го вѣка. А платить?

Франтъ XIX-го вѣка. На томъ свѣтъ, т. е. въ царствѣ живыхъ — словами, а на здѣшнемъ свѣтъ — угольями!

Славянинъ XIII-го вѣка. А что жъ дѣлають ваши Суды?

Чужеземленный купецъ. Суды судать, но мы хитрѣе ихъ: мы умираемъ, не торопясь однако жъ умирать, умираемъ прежде исполненія судебныхъ рѣшеній.

Славянинъ XIII-го вѣка. Но вѣдь долгъ относится къ имуществу должника, а не къ лицу его, такъ какая нужда, живъ ли онъ или мертвъ?

Чужеземленный купецъ. На это у насъ есть свои лазейки. Мы переписываемъ имущество на имя жены, покупаемъ на ея имя дома, а наличныя деньги кладемъ въ Банкъ, на имя не извѣстнаго — такъ и концы въ воду.

Славянинъ XIII-го вѣка. И то правда, коли нѣтъ стыда, такъ лучшіе законы ничто....

(Высказывается изъ толпы *Длинная фигура*, съ красными глазами, съ фizioноміей гѣны или голодного волка. Носъ замазанъ табакомъ, за ухомъ перо, пальцы въ чернилахъ.)

Длинная фигура. Извините! на свѣтъ все идетъ своимъ чередомъ, законъ закономъ, плутня плутнями. Какъ бы ни былъ хорошъ законъ, но дѣйствительность его зависить отъ истолкованія и исполненія. Но *послику* отъ правильнаго истолкованія и точнаго исполненія закона была бы польза только для одной стороны, а именно для правой, то ради чelовѣколюбія и въ силу важнѣйшаго изъ всѣхъ закоповъ: *попеченія о себѣ самомъ*, дѣлается такъ, чтобъ всѣмъ досталось хорошаго, но немножку, и правому и виноватому, и истолкователю и исполнителю, *сирѣчь* польза отъ закона извлекается отъ большинства, какъ слѣдуетъ,

попеченіе законы пишутся не для отдѣльныхъ лицъ, а для большинства....

(Выступаетъ изъ толпы другая фигура, толстая и раздутая, и подходитъ къ *Длинной фигурѣ*.)

Толстая фигура. Позвольте поцѣловать ручку за это умствованіе.....

Славянинъ XIII вѣка. За которое у насъ отпочтывали бы господина умствотеля шежепами.

Длинная фигура. И у насъ бы за это не погладили! Но вѣдь мы въ жизни *говорили* иначе. Здѣсь другое дѣло. Здѣсь уже не отрѣшати отъ должности; такъ можно быть откровеннымъ. При сей *вѣрной опазіи* позвольте спросить: какими законами вы *изволили* руководствоваться?

Славянинъ XIII вѣка. У насъ было собраніе законовъ и обычаевъ Князя Ярослава, которое называлось: *Русская Правда*.

Военный нашего времени (съ улыбкой). Изъ которой подьячье, вѣроятно, дѣлывали частенько *Русскую не-правду!*...

Славянинъ XIII вѣка. Быть можетъ! По крайней мѣрѣ, я не слыхалъ объ этомъ въ жизни.

Военный нашего времени. Такъ вѣрно вы худо прислушивались. Всякая тяжба похожа на сырѣ. Чѣмъ она старѣе, тѣмъ болѣе заводится въ ней червей, и кончится обыкновенно тѣмъ, что все съѣдается червями. — На свѣтѣ все одно и то же, а подьячье родились вмѣстѣ съ тяжбами *во время оно*, когда родилось *мое и твое!*....

Длинная фигура. И произошла поговорка: *что твое, то мое, а что мое, до того тебя дѣла нѣтъ.*

Выходить изъ толпы юноша высохшій, съ тоненькими ножками, какъ флейты, въ очкахъ, въ богатомъ кафтанѣ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ. Онъ произноситъ букву *ри* по-Парижски, *en grasseyant.*

Юноша. A propos des bottes! Какимъ языкомъ говорили у васъ въ высшемъ кругу общества, dans la haute société?

Славянинъ XIII вѣка. Что за вопросъ! Разумѣется, тѣмъ языкомъ, которымъ приносили первую молитву, которымъ ласкали и пѣжили насъ родные въ первомъ дѣтствѣ, языкомъ отцевъ нашихъ....

Юноша. Отвѣтъ неопредѣлительнъ и неудовлетворительнъ. И я Русскій, по отцу, по матери, по дѣду, прадѣду, бабу и прабабу, однако жъ съ перваго дѣтства я говорилъ съ маменькой по-Англійски, съ папенькой по-Французски, съ нянькой по-Нѣмецки, молился по-Французски, а когда подросъ, то сталъ браниться по-Руски....

Славянинъ XIII вѣка. Мы не говорили между собой иначе, какъ нашимъ природнымъ языкомъ.

Юноша. C'est pourtant drôle! Какъ! Даже высшее сословіе?

Славянинъ XIII-го вѣка. Всѣ: Князья, Бояре, Посадники, Тысяцкіе, Сотники, Тіуны, Вирники, Цѣловальники, Мечники....

Юноша. А дамы?

Славянинъ XIII-го вѣка. Что за мамы?

Юноша. Не мамы, а дамы, т. е. знатныя барыни и барышни. (Въ сторону: Il est sauvage, comme mon cocher!)

Славянинъ XIII-го вѣка. Всѣ говорили однимъ природнымъ языкомъ, отъ Княгини до судомойки.

Юноша. Но я слыхалъ отъ моего гувернера, что у васъ жилали иностранцы.

Славянинъ. Для общественныхъ дѣлъ у насъ были люди, которые знали и по-Свейски, и по-Литовски, и по-Польски, и по-Нѣмецки, и по-Турецки, а сверхъ того многіе изъ нашихъ купцовъ понимали разные языки. Но тѣ изъ чужеземцевъ, которые жили у насъ, говорили нашимъ языкомъ, и

даже одѣвались по-нашему. Вѣдь не хозяину же въ домѣ плясать по чужой дудкѣ! Коли кому милъ чужой хлѣбъ, такъ садись за столъ гдѣ укажутъ, а не гдѣ хочется.

Юноша. (Въ сторону) Il est amusant ce rustre là! онъ забавень! (громко)... извольте видѣть, нашъ языкъ грубъ, невосдѣланъ..... Enfin.... Русскій языкъ созданъ только для черни.

Славянинъ XIII-го вѣка. Вы перечислились черезъ чуръ, земляки, или недоучились, а я скажу вамъ попросту, какъ думаю. На свѣтѣ нѣтъ ни нѣжнаго, ни грубаго языка. Каждый языкъ нѣженъ и сладокъ въ устахъ матери, сестры, любовницы, друга. Каждый языкъ грубъ и непріятенъ въ брани и упрекахъ, въ устахъ злой бабы или надменнаго, грубаго человека. Выдѣлка языка зависитъ отъ ума каждаго. Кто отъ природы краснорѣчивъ, въ комъ есть душа, тотъ говорить хорошо, а кто глупъ и холоденъ, тому надобенъ языкъ готовый, какъ беззубому пережеванное и измятая пища. — Чѣмъ богаче

языкъ словами и оборотами, тѣмъ труднѣе воздѣлать его или подвести подъ неизмѣнные правила. Одно неизмѣнное правило: *говорить ясно и писать понятно*. Гдѣ люди болѣе думаютъ, тамъ и говорить лучше, а мысль зависить отъ насъ. Я не вѣрю, чтобъ на нашемъ природномъ языкѣ не доставало словъ и выражений къ объясненію какой бы то ни было мысли, а потому и не постигаю причины, почему бы надобно говорить *между собою* на чужомъ языкѣ!

Юноша. Это такъ принято въ свѣтъ, слѣдовательно такъ быть должно.

Славянинъ XIII-го вѣка. Быть должно то, что согласно съ здравымъ разсудкомъ. Если бъ я, напримѣръ, занималъ важное мѣсто между вами, то увѣренъ, что всѣ тѣ, которые имѣли бы во мнѣ нужду, говорили бы со мною по-Русски, когда бы мнѣ такъ правилось.

Всѣ. Разумѣется!

Длинная фигура. Мы, пожалуй, за-

говорили бы по-Татарски или по-Чухонски если бъ вы пожелали.

Славянинъ XIII-го вѣка. И такъ желательно, чтобъ старѣйшіе, говорили съ Русскими по-Русски.

Юноша. Тогда бъ это вошло въ моду.

Славянинъ XIII-го вѣка. А что такое *мода*?

Франтъ XIX-го вѣка. Какъ бы вамъ растолковать! Мода есть нѣчто въ родѣ закона, которому слѣдуя, я разорился въ пухъ....

Юноша. А я исчахъ....

Длинная фигура. А я попалъ подъ судъ и отрѣшенъ отъ должности, желая доставить женѣ средства слѣдовать законамъ моды....

Чужеплеменный купецъ. А я трижды обанкрутился желая угодить всѣмъ ея притомъ....

Военный. А я убитъ на дуэли, ради этой проклятой моды!...

Толстая фигура. А отъ меня бѣжала жена, погнавшись за модой!...

Славянинъ XIII-го вѣка. Да эта мода хуже бывшей у насъ *черной смерти*! За чѣмъ же повинуетесь ей?

(Молодая пригожая, но отменно слабая и тонкая дама, одѣтая щегольски, выходить изъ толпы.)

Молодая дама. Не клѣните моды. Это самая прелестнѣйшая изъ всѣхъ человѣческихъ выдумокъ. Ну что бы мы дѣлали, если бѣ не было моды! Слѣдую модѣ, не надобно ни думать, ни выдумывать, ни разсуждать, ни заботиться, какъ жить, какъ одѣваться, куда ѣздить, кого навѣщать, что дѣлать, что видѣть, что читать, что играть, что пѣть, чему удивляться, кого хвалить, кого бранить и проч. и проч. Мода все укажетъ вамъ, все присовѣтуетъ, всюду поведетъ, и даже дастъ вамъ готовыя мысли,

чувства и рѣчи. Благодѣтельная мода свалила съ насъ тяжкое бремя супружества, и разорвала неспособныя узы родительскихъ обязанностей. Мода заставила скупыхъ мужей развязать кошельки, а ревнивыхъ прищурить глаза. Мода скрываетъ, подъ волшебнымъ своимъ покровомъ, лишніе годы женщины и тѣлесные ея недостатки. Мода замѣнила трудныя, тяжкія, сухія добродѣтели пріятными талантами... Ахъ, если бѣ вы хоть разъ заглянули въ модныя магазины, ну право, вы не вышли бы оттуда! Что за прелести! какія шляпки! какіе эшарпы! что за милый покрой платья! Видали ли нынѣшнюю прическу? *C'est charmant!* Эліо безподобенъ! А нынѣшнія кисеи, а газы? — Это облако, воздухъ, а не ткань! Если бѣ я не простудилась на послѣднемъ балѣ, и не умерла отъ чахотки, то къ нынѣшней зимѣ имѣла бы готовое платье изъ Парижа... Мнѣ только и жаль жизни изъ этого платья! *Grande maman*, бабушка, общалась пещись о дѣтяхъ, и я спокойна на этотъ

счесть..... Но платье мое, платье! Несносная чахотка!... (плачетъ).

Славянинъ XIII-го вѣка. Ну, видно же, сильна ваша мода!

Военный. Что сильна, то сильна! Она превратила день въ ночь, а ночь въ день, заставила умныхъ людей заниматься какъ важнымъ дѣломъ, игрушками, т. е. картами, выдуманными для забавы сумасшедшаго, и принудила весь образованный міръ почитать ничтожнымъ драгоценнѣйшій даръ Неба — *невозвратимое время!* — Мода...

Голосъ Стентора. Всѣ повоприбышіе, поспѣшайте на судъ Миноса, принять заслуженное по дѣламъ вашимъ!

Всѣ (кромя Славянина). Ай! ахти! уфъ! охъ!

Длинная фигура. Если бѣ знать впередъ, по какимъ законамъ станеть судить этотъ Миносъ, то можно было бы *перетолковать* смыслъ или *затмить истолкованіями*.... Ахти, страшно!

Славянинъ XIII-го вѣка. Ну, слава Богу, что я отъ нихъ отдѣлся? этому болтовству не было бы конца!

— № VII. —

ГДѢ РАКИ ЗИМУЮТЪ?

Сказаніе.

—

Насъ восемь человѣкъ учащихся, пользуясь хорошою погодою, гуляли за городомъ. Четверо изъ насъ были лѣнны къ перенесенію тяжести пандектовъ и кодексовъ; четверо было прилежныхъ. — Младшему изъ насъ было девятнадцать, а старшему двадцать два года отъ рожденія. Всѣ мы были бѣдны, и всѣ имѣли большое желаніе быть богатыми. Сидя подъ огромною липою, при входѣ въ лѣсъ, мы разсуждали

и совѣтовались, какимъ бы образомъ приобрести намъ въ свѣтъ богатство и почести.

Вдругъ изъ лѣсу вышелъ старецъ и предсталъ предъ нами. Въ высокомъ слогѣ *есть* старцы должны быть *сѣдовласы* и *добродѣтельны*, а *есть* юноши *прекрасны*. — Не знаю, добродѣтеленъ ли былъ этотъ старецъ, но онъ былъ сѣдъ, а мы, хотя и не были прекрасны, но молоды, а потому сѣдовласый старецъ сжался надъ нами, и сказалъ намъ слѣдующее:

«Я слышалъ ваши рѣчи, и сожалею объ васъ, что вы, желая богатства и почестей, и собираясь искать ихъ въ свѣтъ, исчислили только тѣ пути, которые поведутъ васъ къ нищетѣ и забвенію. Вы мечтаете о славѣ, объ авторствѣ, о подвигахъ, о правдѣ, о добродѣтели, и Богъ вѣсть объ чемъ! Мечты юности, сновидѣнія лучшей эпохи жизни! — Слушайте меня.

«Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ гдѣ лучше. На этой Русской поговоркѣ стоитъ міръ и сию держится. Но гдѣ же лучше? —

Тамъ, гдѣ глубже. А гдѣ глубже? — Тамъ, гдѣ лучше. Это одно и тоже, въ философскомъ значеніи.

«Но какъ отыскать тѣ мѣста на свѣтѣ или въ свѣтѣ, гдѣ глубже, то есть, гдѣ лучше! Для этого предки наши, великіе рыболовы и рыбоѣды, оставили намъ примѣты, опредѣливъ привольныя мѣста пословицей: *гдѣ раки зимуютъ*. И такъ, тамъ лучше и глубже, гдѣ *раки зимуютъ*. Идите же, юноши, въ свѣтъ и ищите этого *зимовья*, а когда отыщите, получите желаемое.

«На дорогу я не могу вамъ дать денегъ, а потому снабжу васъ благими совѣтами. — Какъ я уже сказалъ вамъ, что гдѣ глубже, тамъ лучше, и обратно, то во всякомъ случаѣ, когда что либо лакомое попадется вамъ подъ руку, запускайте лапу, какъ можно глубже, и если отъ того ближнему вашему не будетъ лучше, то ужъ вѣрно вамъ будетъ прибыльнѣе. — Имѣя дѣло съ людьми, заглядывайте имъ въ сердце, какъ можно глубже, и пользуйтесь тѣ-

ми ихъ слабостями, которыя для васъ лучше, поглаживая сильныя и непреодолимыя, нализывая на свою удочку тихія и щекотливыя. Слѣдуя путемъ жизни, не забывайте ни на минуту, что гдѣ глубже, тамъ лучше, а потому не поднимайте высоко чела до поры до времени, и пока не найдете мѣстечка *гдѣ раки зимуютъ*, держитесь ниже къ землѣ, ползайте, ныряйте и безпрестанно шарьте и щупайте передъ собою, нельзя ли гдѣ запустить лапу поглубже. Ракъ да будетъ вашею эмблемой и образцемъ. Молчите, и, ни въ какомъ случаѣ, не возвышайте голоса, ибо ракъ пѣмъ и не издастъ звуковъ. Если жъ по необходимости вамъ должно говорить, говорите шопотомъ и на ушко. По вѣрнымъ исчисленіямъ Историковъ, ни одинъ ораторъ въ Римѣ, горланя подъ портикомъ, не выигралъ столько, какъ вольноотпущенники и кліенты Римскихъ вельможъ, которые шептали имъ на ушко. — Думаютъ и вѣрятъ, что ракъ идетъ всегда назадъ, потому, что хвостикъ его похожъ на головку а онъ между тѣмъ подвигается себѣ впередъ

да подвигается, и достигает своего зимовья. Да послужить это для васъ примѣромъ! Идите *впередъ* такимъ образомъ, чтобъ другіе думали, будто вы идете *назадъ*, и тогда вамъ не заграждать пути, ибо путь заграждается только тѣмъ, которые идутъ быстро, кричать громко и глядеть вверхъ. — Поступая по сему предписанію, вы отыщете тѣ мѣста, *гдѣ раки зимуютъ*, и пріобрѣтете богатство и почести.»

Сказавъ это, сѣдовласый старецъ скрылся въ лѣсъ, а мы, поразсудивъ, рѣшились слѣдовать его совѣтамъ, бросили книги и тетради, и, взявъ котомки на плечи, раздѣлились на четыре отдѣленія, и пошли, по парѣ, на четыре стороны свѣта, то есть двое на сѣверъ, двое на югъ, двое на востокъ, и двое на западъ.

Протекло пятнадцать лѣтъ, и мы всѣ сошлись въ центръ Россіи, въ Москвѣ ма-тушкѣ, прибывъ туда изъ четырехъ противоположныхъ концовъ съ сѣвера, съ юга, съ запада и съ востока. Тотъ самый старецъ, который отправилъ насъ въ походъ, нахо-

дился тогда въ Москвѣ, и запросилъ насъ къ себѣ обѣдать. Всѣ мы явились къ нему въ собственныхъ нашихъ каретахъ и коляскахъ, съ бумажниками полными ассигнацій и банковыхъ билетовъ, съ крѣпостями на дома, деревни, дачи, въ богатыхъ кафтанхъ и проч. — Старецъ угостилъ насъ порядкомъ, и, послѣ шампанскаго, выславъ слугъ, обратился къ намъ съ слѣдующею рѣчью:

— «Мнѣ кажется, что вы обязаны мнѣ благодарностью за мои совѣты. Но я ничего не требую отъ васъ, кромѣ *откровенности*...»

Одинъ изъ насъ, Доримедонтъ Агафоновичъ Собаченко, вставъ съ своего мѣста, поклонился старцу и отвѣчалъ: «*Откровенности* вы не можете получить отъ насъ. Она мѣшала намъ ужасно, при отыскиваніи мѣста, *гдѣ раки зимуютъ*; мы отбросили ее, слѣдовательно не имѣемъ и удѣлять вамъ не можемъ.»

Старецъ улыбнулся. «Это я знаю, и
ц. II.

лишняго отъ васъ не требую,» сказалъ онъ: «прошу васъ только, что бѣ каждый изъ васъ сказалъ мнѣ *по совѣсти*, гдѣ онъ на-шелъ то мѣстечко, *гдѣ раки зимуютъ*. По-дробностей не требую....»

— Сказать *по совѣсти*! Помилуйте? воскликнули мы всѣмъ хоромъ. Откуда какъ взять *совѣсть*! Если бѣ мы и нашли ее, то никогда бы не отыскиали мѣста, *гдѣ раки зимуютъ*!

— «Ну такъ скажите *по правдѣ*!» при-молвилъ старикъ. Мы всѣ захохотали. «*Правду* мы похоронили, какъ можно *глубже*, чтобъ намъ было какъ можно *лучше*!» воз-разилъ Собаченко.

Старикъ задумался. — «Отвѣчать вы мнѣ должны,» сказалъ онъ: «И такъ, какъ же вы намѣрены отвѣчать?»

Представитель нашъ, Доримедонтъ Агаооновичъ Собаченко, сказалъ: «Мы бу-демъ отвѣчать вамъ такъ, какъ мы привык-ли, какъ должно, т. е. *смотря по обстоя-тельствамъ*. Гдѣ истина намъ не только не

повредить, а поможетъ, тамъ мы скажемъ истину.»

— «Пусть такъ! И такъ скажите мнѣ, Г-нъ Собаченко, *гдѣ раки зимуютъ?*»

— «Въ *конкурсахъ* и *опекахъ*?» отвѣ-чалъ Собаченко.

Старецъ обратился ко мнѣ съ этимъ же вопросомъ.

Я отвѣчалъ: «Раки зимуютъ въ *перед-нихъ вельможахъ*.»

— «Г-нъ Переписенко! А вы гдѣ на-шли это зимовье?»

— «Раки зимуютъ тамъ, гдѣ счетъ ведется *копями грошей*, а платится сере-бряными рублями, и гдѣ, въ случаѣ тем-поты, позволено руководствоваться *тѣмъ угодно*.»

— «А вы что скажете?» примолвилъ старецъ, обращаясь къ Саженину, высоко-му, плотному, широкоплечему нашему това-рищу.

— «*Раки зимуютъ* въ шкатулкахъ поблекшихъ красавицъ, которыя золотомъ прикрываютъ свои развалины, и на весь золота покупаютъ любовь.»

— Вы гдѣ нашли зимовье, Г-нъ Пынниковъ?

— «Въ питейныхъ сборахъ.»

— «А вы, Г-нъ Извороткинъ?»

— «Въ *благополучномъ* банкротствѣ!»

— «Что жъ вы скажете, Г-нъ Шляхтикевичъ?»

— «*Раки зимуютъ* въ ходатайствѣ по чужимъ тяжбамъ!»

— «А я нашелъ, *что раки зимуютъ* въ управленіи чужими имѣніями,» сказалъ Г-нъ Вычетовъ, не дожидаясь вопроса.

Старецъ снова задумался — «И такъ *раки не зимуютъ* ни въ земледѣліи, ни въ художествахъ, ни въ фабрикахъ, ни въ мануфактурахъ, ни въ военной службѣ, ни въ педагогикѣ»... Старикъ покачалъ головою,

и примолвилъ: «Испытывая васъ, я хотѣлъ узнать нѣсколько нравственныхъ истинъ. Я далъ вамъ совѣтъ *иносказательный*, а вы, слыдя ему въ *буквальномъ смыслѣ*, въ самомъ дѣлѣ нашли, *гдѣ раки зимуютъ*! Поздравляю васъ — но не завидую вамъ.»

Старецъ поклонился намъ и вышелъ въ другую комнату. Мы разѣхались, положивъ, на общемъ совѣтѣ, написать случившееся съ нами, для наставленія тѣхъ, которые ищутъ въ свѣтѣ: *гдѣ раки зимуютъ*!

Подписано: *Павиль Пуделекко.*

— № VIII. —

**ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ ФАБРИКА
ФАНТАСТИЧЕСКИХ ИЗДѢЛІЙ.**

А Васька слушаетъ, да вѣсть!

Кривош.

Писать!... Глупѣйшее ремесло изъ самыхъ бестолковыхъ! — Въ этомъ я увѣрился, наконецъ, на нынѣшнихъ праздникахъ. — Во всѣхъ магазинахъ, во всѣхъ лавкахъ, набитыхъ тряпками, не было отбоя отъ покупателей, а въ лавкахъ, гдѣ продаются тряпки, превращенныя въ бумагу, напитанную мозгомъ Писателей, въ этихъ

лавкахъ было пусто, какъ въ Журналахъ, издаваемыхъ доморощенными гениями, и какъ во всѣхъ гениальныхъ карманахъ. — Стоитъ ли Писателю биться изъ нашей чахоточной литературной славы, когда она ни свѣтитъ, ни грѣетъ, и когда отъ нея нѣтъ ни шерстинки, ни молока! — Всякой набойщикъ сяду во сто кратъ блаженнѣе самого записнаго Писателя, потому, что пестрые ситцы привлекаютъ не только взоры, но и ассигнаціи прекраснаго пола, а имя фабриканта переходить изъ устъ въ уста, блеснить на *выставкѣ*, въ лучахъ грамматическихъ ошибокъ, и повторяется съ барабаннымъ боемъ, самими же Писателями. Развѣ это не слава? — Да и что такое значить Литература? — Ни служба, ни промышленность — а Богъ вѣсть что! — Чина не выслуживъ въ ней, и не попадешь на Выставку мануфактурныхъ издѣлій, а между тѣмъ должно цѣлый вѣкъ проливать чернила, сидѣть сиднемъ, и въ награду слышать брань и порицанія каждаго, кому даны отъ Бога ересь и охота заглядывать въ печатное! Ей

Богу, каждый повитчикъ и каждый ремесленникъ счастливые Литератора! Не хочу знать этой Литературы!.... Нынѣ это не въ тонѣ и не въ модѣ. Теперь должно толковать о промышленности и Политической Экономіи, чтобъ прослыть умникомъ и даже попасть въ люди. — Но я не хочу обманывать крещеный народъ, и не стану промышлять пустословіемъ и Французскими брошюрами. Я завожу фабрику, и стану выдѣлывать на ней вещи, которыя будутъ облегчать труды человека въ его важнѣйшихъ занятіяхъ, а именно: въ искательствѣ и въ деньгохватаніи. За успѣхъ моей фабрики должны ручаться вамъ, во-первыхъ ея *иностранное названіе*, котораго иной Русскій, съ просонья, не выговорить, а во-вторыхъ, *иностранные мастера*, которыхъ я намѣренъ выписать съ первымъ пароходомъ. Всѣ матеріалы на моей фабрикѣ будутъ также *жужжеземные*, и хотя нѣкоторые изъ нихъ уже производятся въ Россіи, но я намѣренъ обратиться къ источнику.

Слыхали ли вы, господа, о Магнетиз-

мъ, Ясповидній, Гомеопатіи, либерализмъ, трансцендентальной Философіи, теоріи политическихъ системъ, Метафизикъ, Романтизмъ, и о прочихъ вещахъ, которыя такъ несправедливо называются шарлатанствомъ? Вы вѣрно знаете, что такое низкопоклонство, чиноманія, деньголюбіе? Все это не что иное, какъ *матеріалы* для моей фабрики. Ввозъ ихъ не запрашенъ тарифомъ, и потому они дешевы. Литература также войдетъ въ составъ моей фабрики, но только для подмазки колесъ моихъ машинъ. — Фабрика моя уже давно въ движеніи, и откроется для публики ровнохонько въ 8 часовъ утра, 1-го Января будущаго года. Долгомъ поставляю объявить предварительно о достоинствѣ и сущности моихъ произведеній.

На моей фабрикѣ выдѣлываютъ *конфекты*, которыми можно подчивать начальниковъ, богатыхъ бездѣтныхъ дядюшекъ и тетюшекъ, и всѣхъ людей въ силѣ и въ случаѣ, — вмѣсто поздравленій. Конфекты эти сдѣланы наподобіе тѣхъ, которые продаются въ превосходномъ мѣзинѣ à la Renom-

тее. Они *сладки*, какъ льстивыя слова, начинены спиртнымъ веществомъ, для круженія головы, и производятъ оптическій *обманъ* сходствомъ своимъ съ Природою, т. е. съ плодами и ягодами. Словомъ, все что нужно для поздравленій. Рекомендую!

Выдѣлываю я *эластическіе корсеты*, въ которыхъ спина гнется чрезвычайно граціозно, не утруждая спинной кости. Въ этомъ корсетѣ можно сдѣлать въ одно утро три тысячи шесть сотъ пятьдесятъ поклоновъ, не почувствовавъ ни малѣйшей усталости.

Дѣлается у меня *порошокъ*, превращающій удушливую атмосферу переднихъ въ благовоющую амвросію. Для новичковъ этотъ порошокъ будетъ чрезвычайно полезенъ.

На моей фабрикѣ дѣлаются *очки*, въ которые весьма легко и удобно можно посмотреть *теплое лѣстечко*. Известно, что нѣкоторые мѣста, если на нихъ смотреть *простыми глазами*, кажутся важными, ко-

гда въ существѣ они вовсе ничтожны, а напротивъ, нѣкоторые мѣста, съ виду непригодныя, скрываютъ, подъ основаніемъ, золотыя рудники. Съ моими *очками* никто не ошибется въ выборѣ.

Выдѣлываются у меня *селилильные сапоги*, для почтенныхъ господъ чиновниковъ, отправляющихся въ Колхиду съ пламенною ревностю и усердіемъ — какъ можно скорѣе возвратиться къ прежнему мѣсту служенія. Какъ весьма многіе жертвуютъ всемъ, ученіемъ, хозяйствомъ, семейственнымъ счастьемъ, чтобъ только *выиграть время* для чина, то нѣтъ сомнѣнія, что *сапоги* мои окажутъ величайшую пользу. Они весьма пригодны и тѣмъ господамъ, которые ѣздятъ по губерніямъ съ какими нибудь дѣлами. Хотя въ этихъ сапогахъ мало увидишь, но за то много увидишь! А вѣдь главное дѣло въ томъ, чтобъ сказать: я былъ въ тридцати шести губерніяхъ!

Дѣлаю я *барометры*, которые повышеніемъ и пониженіемъ своимъ вѣрно по-

казываютъ состояніе той атмосферы, въ которой находятся и пачальникъ, и ищущій заступить его мѣсто. По сему барометру каждый подчиненный можетъ безошибочно размѣрять свое усердіе, вычислять поклоны, взвѣшивать поздравленія и опредѣлять свое мнѣніе.

Дѣлаются у меня *копѣйки*, для распознанія и опредѣленія вѣтра на горизонтъ службы. Запасшись симъ преполознымъ инструментомъ, нельзя никогда *съо.инпро.литиро-ваться* въ обществѣ, въ изложеніи мнѣнія на счетъ разныхъ лицъ и дѣлъ, ни ошибаться въ маневрахъ при лавированіи вокругъ желаемого мѣста, аренды и прочихъ житейскихъ потребностей.

На фабрикѣ моей дѣлаются *камеръ-обскуръ*, для употребленія нѣжныхъ и почительныхъ матерей, желающихъ сбыть выгодно съ рукъ своихъ дочекъ. Стоитъ только довести жениха до того, чтобъ онъ заглянулъ въ эту *камеръ-обскуръ*. Въ ней 28 лѣтъ замѣняются 18-ю, билеты Ссудной

Казны на заложенные вещи кажутся банковыми билетами на сохранный капиталъ; тощія души кажутся помѣщенными въ жирныхъ тѣлахъ, а родство невесты представляется ополченіемъ, готовымъ на штурмъ самаго выгоднаго мѣста — для жениха. При семъ продается печатное наставленіе объ употребленіи машины и о сохраненіи ея на балахъ, вечерахъ и семейныхъ сѣздахъ.

Выдѣлывается у меня особаго рода *боа* изъ лисьихъ хвостовъ для дамъ, которыя любятъ покровительствовать процессы, выводить въ люди своихъ приближенныхъ, водить за носъ своихъ занмодавцевъ, и хотять господствовать въ обществахъ. Прикрывшись этимъ *лисьимъ хвостикомъ*, сплетница кажется добродушною, сварливая миролюбивою и сострадательною, лбедница богомольною, кокетка добродѣтельною, и проч. Эти *боа* вѣроятно скоро войдутъ въ моду. Они легче обыкновенныхъ.

Дѣлаютъ у меня *литографическіе камни*, изъ особой массы, (въ которую вхо-

дать отчасти тупость, а отчасти тщеславіе), для снимковъ сочиненій Вальтеръ - Скотта, Купера, Бальзака, Гюго и другихъ Писателей. Особенно рекомендую сіи *картинки* нашимъ Русскимъ Романистамъ. Я пробовалъ сдѣлать *насосъ*, для вытягиванія *красотъ* изъ извѣстныхъ писателей, но на первый случай опытъ мой не удался. —

На моей фабрикѣ дѣлаются также *калейдоскопы* для употребленія Гг. Журналистовъ. Стоитъ только заманить публику, чтобъ взглянула однажды въ этотъ калейдоскопъ, и потомъ искусно вертѣть его передъ глазами, чтобъ заставить ее глазѣть цѣлый годъ, въ ожиданіи полезнаго. Наставленія, какъ употреблять сей *калейдоскопъ*, находятся въ объявленіяхъ на Журналы.

Много, очень много вещей выдѣлывается на моей фабрикѣ, но Гг. Издатели Сѣверной Пчелы неумолимы: они не только не приняли отъ меня въ подарокъ пробныхъ издѣлій моей фабрики для собственнаго употребленія, но единственно изъ со-

страданія къ ближнему согласились напечатать *отрывокъ* моего объявленія. Нечего дѣлать! обращусь къ другимъ журналамъ, или напечатаю особо, и разошлю съ визитными билетами ко всѣмъ порядочнымъ людямъ.

— N° IX. —

У С Т Р И Ц А .

On ne méprise pas tous ceux qui ont
des vices, mais on méprise tous ceux
qui n'ont aucune vertu.

Larochefoucauld.

—

«Если бъ была мѣра желаніямъ и предѣлъ надеждамъ, то человекъ былъ бы счастливъ,» сказалъ одинъ почтенный старикъ за чайнымъ столикомъ, вокругъ котораго сидѣло нѣсколько дамъ и мужчинъ. Это ска-

зано было въ слѣдствіе разговора, въ которомъ каждый и каждая дали почувствовать, что они недовольны своей судьбой, и желали бы перемѣны участи. Старикъ никто не отвѣчалъ, потому, что всѣ заняты были отмѣчиваніемъ горла, изсушеннаго самымъ пріятнымъ и занимательнымъ разговоромъ о *себѣ* и *своей* участи. — Старикъ продолжалъ: «Да, милостивые государи и милостивыя государыни, если бъ волшебство точно существовало, и какѣй нибудь волшебникъ захотѣлъ удовлетворить всѣ желанія жителей какого нибудь города, имѣющаго не болѣе пяти или десяти тысячъ жителей, то отъ этого произошелъ бы переворотъ на цѣломъ Земномъ шарѣ. Несчастный волшебникъ долженъ былъ бы перетаскать въ этотъ городокъ все золото и всѣ драгоценныя камни изъ всѣхъ уголковъ земли, воздвигнуть горы изъ шляпокъ, чепцовъ и модныхъ тряпокъ, и собрать въ одно мѣсто всѣ чины, ордена и прочія отличія. Кончилось бы тѣмъ, что жители блаженнаго сего городка перегрызались между собою, а красавицы повыщара-

пали другъ дружкѣ глаза за то, чего нельзя получить на землѣ! Если бѣ къ тому дана была жителямъ этого городка власть, то женскіе капризы и мужское честолюбіе отразились бы во всѣхъ концахъ земли, отъ Ледянаго мыса до мыса Доброй Надежды, и одинъ городъ подорвалъ бы весь составъ человѣческаго общества!» — «Почему вы такъ заключаете?» промолвилъ одинъ изъ слушателей, человѣкъ среднихъ лѣтъ. — «Потому», отвѣчалъ старикъ: «что каждый школьный учитель въ этомъ городкѣ захотѣлъ бы быть Министромъ, каждый безграмотный сторожъ Генераломъ, и каждый членъ Магистрата захотѣлъ бы быть, по малой мѣрѣ, Удѣльнымъ Княземъ! А дамы! — Вотъ тутъ пошла бы переборка! — Каждая женщина почитаетъ себя лучше другихъ, и каждая мать вѣритъ, что дочь ея прелестнѣе всѣхъ дѣвицъ....» — «Помилуйте! что вы это говорите!» сказали дамы; но старикъ продолжалъ: «Вообразите же себѣ, что бы вышло, если бѣ каждая захотѣла быть *первою*, выше своихъ сосѣдокъ! Онѣ бы перевернули

Земной шаръ вверхъ дномъ, какъ кастрюлю!» — «Вы слишкомъ несправедливы», сказали слушатели въ одинъ голосъ. — «Ничуть!» возразилъ старикъ: «доказано и передоказано, что каждый человѣкъ хочетъ быть выше, чѣмъ онъ есть, и имѣть болѣе, нежели имѣеть....» «Не каждый», примолвилъ человѣкъ среднихъ лѣтъ: «и первый я, хотѣлъ бы быть ниже, чѣмъ теперь, и имѣть менѣе, нежели имѣю.» — «Вы противурѣчите себѣ», сказалъ старикъ: «ибо ничего нѣтъ легче, какъ исполнить это желаніе, следовательно вы не имѣете его, если не исполняете.» — «Извините! Желаніе мое неисполнимо», отвѣчалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ: «потому, что я хотѣлъ бы быть.... чѣмъ бы вы думали?» — «Какимъ нибудь Аркадскимъ пастушкомъ?» сказала улыбаяся дама. — «Или Швейцарскимъ?» примолвилъ старикъ. «Нѣтъ, не угадали», отвѣчалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ: «я хотѣлъ бы быть — устрицей!» — Поднялся хохотъ. — «Смѣйтесь», сказалъ онъ, «по я никому въ мірѣ не завидую — кромѣ устрицы!» — «Парадоксъ, странность,

карикатурное желаніе!» — раздалось со всѣхъ сторонъ; но человекъ среднихъ лѣтъ, не обращая вниманія на насмѣшки и восклицанія, обратился къ старику и сказалъ: «Желаніе мое основано именно на вашемъ первомъ предположеніи. Прошу выслушать меня терпѣливо. Всѣ несчастія человека происходятъ отъ *головы, сердца и желудка*. Въ головѣ рождаются планы честолюбія, несбыточныя теоріи о счастьи, нелѣпыя замыслы, которыхъ удача или неудача дѣлаетъ человека несчастнымъ, или отъ пресыщенія, или отъ обманутыхъ надеждъ. Сердце въ человекѣ благородномъ, нѣжномъ, чувствительномъ, есть настоящій нарывъ, который безпрерывно поетъ, и въ которомъ внѣшнія впечатлѣнія производятъ мучительную боль. Несправедливость, оказываемая людямъ честнымъ и умнымъ, гоненія, которыя претерпѣваютъ добрые отъ злыхъ, торжество глупости и интриги надъ умомъ и прямотою, высокомеріе сыновъ сѣпной фортуны, и низость гордыхъ искателей, измѣна въ любви и дружбѣ, неблагодарность, коварст-

во, словомъ, все зло на землѣ давитъ сердце благороднаго человека, который всегда болѣе страдаетъ за другихъ, нежели за себя. Сердце человека злаго есть чумная язва, отравляющая все прикасающееся къ нему, и разрушаетъ бранный составъ сильными порывами злобы и кровожадной мести. Сердце порочнаго, упитанное завистью, коварствомъ, подлостью и всѣми гнусными мелкими страстишками, какъ эхидна, грызетъ другихъ и въ бышенствѣ терзаетъ себя. — Желудокъ есть въ каждомъ человекѣ источникъ вѣчныхъ хлопотъ и безпокойства. Подъ именемъ желудка я разумѣю все, относящееся къ физической жизни, ибо безъ платья, жилища и другихъ удобствъ, желудокъ не можетъ дѣйствовать, следовательно и человекъ не можетъ жить. Мудрецъ и глупецъ, добрый и злой, каждый бьется изъ того, чтобъ жить, (хотя не съ одной цѣлью), и каждый долженъ помышлять не только о собственномъ желудкѣ, но и о желудкахъ тѣхъ, которыхъ судьба отъ него зависитъ. Сколько заботъ, сколько бѣдствій, сколько низостей и дура-

честь на свѣтъ отъ этихъ хлопотъ о при-
зрѣніи желудка! — Теперь представьте се-
бѣ существо, которое не имѣетъ ни головы,
ни сердца, ни желудка, слѣдовательно и не
знаетъ причиняемыхъ имъ мученій: это сча-
сливая устрица! — За нее думаетъ — при-
рода! Ощущенія ея ограничиваются ея соб-
ственною *устричною* особою, ибо она не
видитъ и не чувствуетъ, когда акула или
человѣкъ плывутъ ея собратій. Счастливая
устрица не заботится ни о квартирѣ, ни о
домѣ, ни о пищѣ, ни объ одеждѣ. Она пла-
ваетъ въ жирномъ соусѣ, въ океанѣ, въ ко-
торомъ растворены все ея наслажденія, пла-
ваетъ вмѣстѣ съ своимъ домомъ, котораго
не надобно ни чинить, ни страховать. Вотъ
истинно блаженное состояніе, къ которому
стремились Стоики, но не дошли, потому,
что человѣку, живущему въ обществѣ, люди
не дадутъ покоя. Что же касается до дру-
гихъ животныхъ, то все роды болѣе или
менѣе обременены заботами при исканіи пи-
щи, при размноженіи своего племени, зна-
ютъ страхъ, и одарены чувствами, которыя

также представляютъ имъ много непріятнос-
тей въ жизни. И такъ я желалъ бы быть
устрицей!» — «То есть, вы хотите сказать,
что лучше бѣ было не родиться на свѣтъ,»
возразилъ старикъ: «ибо жить и не наслаж-
даться, есть то же, что не родиться. Если
же человѣку предназначено болѣе страдать,
за то онъ имѣетъ болѣе наслажденій въ жиз-
ни, наслажденій истинныхъ и независимыхъ
отъ вліянія другихъ людей. Я говорю о на-
слажденіи Природою, Искусствами, Музыкой,
Живонисью, Поэзіей.» — «А кто вамъ ска-
залъ, что устрица не имѣетъ отвлеченныхъ
наслажденій?» отвѣчалъ человѣкъ среднихъ
лѣтъ: «Она есть частица природы, струна
въ общей гармоніи природы, и потому дол-
жна наслаждаться вмѣстѣ съ цѣлымъ, съ
природою. Можетъ быть для устрицы ревъ
океана значить то же, что для васъ Мо-
цартова ораторія, а сіяніе солнца то же,
что Рафаэлева картина, если не болѣе. Не
отъ того ли устрицы во время бури и при
солнечномъ восходѣ садятся на утесахъ и
песчаныхъ меляхъ, чтобъ послушать этой

музыки и насладиться картиною солнца? Иногда бѣдныя устрицы, подобно нашимъ Лукулламъ, проматываютъ не только имѣнье (раковину), но и самую жизнь для пріобрѣтенія сихъ наслажденій, ибо хищныя морскія животныя и люди подстерегаютъ ихъ на утесахъ и меляхъ, и поступаютъ съ ними гораздо хуже, нежели съ банкротами. Такъ, милостивыя государыни и милостивые государи, я вѣрю, что устрица имѣетъ отвлеченныя наслажденія въ природѣ, и завидую устрицѣ потому болѣе, что она можетъ жить независимо отъ вліянія страстей другихъ устрицъ. Правда, для нихъ страшны человекъ и акула. Но снѣ враги могутъ сдѣлать имъ только минутный вредъ, т. е. лишить жизни, а это едва ли не меньшее зло на землѣ для всѣхъ животныхъ. Я жалю не объ умершемъ, а о страдающемъ человекѣ, жалю о тѣхъ, которыхъ оставилъ благородный человекъ, перенесаясь въ вѣчность. А какъ ъ смерти устрицы никто не плачетъ, и какъ она не оставляетъ ни безпомощныхъ сиротъ, ни неутишныхъ друзей,

ни некончанныхъ трудовъ на пользу своего поколѣнія, то смерть устрицы и не есть зло, ибо не оставляетъ послѣ себя страданій.» — Слушатели призадумались, а старикъ, по нѣкоторомъ молчаніи, сказалъ: «Понимаю васъ! Но если вы полагаете счастье въ жизни, подобной существованію устрицы, то превращеніе не есть дѣло невозможное, ибо есть на свѣтѣ существа, едва ли не блаженнѣе устрицъ. Эти творенія плаваютъ въ мѣрѣ, какъ устрица въ океанѣ. Кажется, будто мѣръ созданъ для нихъ однихъ! Чужія бѣдствія ихъ не трогаютъ, собственныя потери тотчасъ замѣняются новыми выгодами. Все имъ благопріятствуетъ, все имъ покровительствуетъ, все печется объ нихъ, ибо они не насмѣхаются надъ порокомъ, не вопіютъ противу злодѣяній и несправедливости, и не превозносятъ добродѣтели, на зло пороку. Они хвалятъ только самихъ себя, и тѣхъ, которые могутъ быть имъ полезны, не справляясь объ ихъ качествахъ. У нихъ одна добродѣтель — сила! Все, за что другіе жертвуютъ жизнію, спокойствіемъ, имуществомъ, т. е. Вѣра, оте-

чество, честь, человечество — для нихъ есть только вѣрный капиталъ, приносящій большіе проценты; для нихъ люди суть не что иное, какъ орудія, посредствомъ коихъ они создаютъ свое спокойствіе и приобретаютъ потребности къ роскошной жизни».... «Но вы говорите о человѣкѣ,» возразила одна дама. «О существѣ, имѣющемъ наружность человѣческую, но въ нравственной отношеніи созданномъ по образу и по подобию устрицы,» отвѣчалъ старикъ: «я говорю объ эгоистѣ.»

«Согласенъ!» возразилъ улыбаясь человѣкъ среднихъ лѣтъ: «Но мнѣ кажется, что эгоистъ ниже устрицы, потому, что она вкусна и составляетъ лакомую пищу, а эгоистъ не приноситъ ни какой пользы для человечества.» — «Извините,» сказалъ старикъ: «эгоистъ не лишенъ человѣческихъ способностей, следовательно его можно употреблять какъ паровую машину, рычагъ и мельничное колесо, не требуя отъ него ни какихъ чувствованій. Отъ того-то эгоисты и блаженствуютъ на

землѣ, какъ устрицы въ океанѣ! Человѣкъ съ благороднымъ сердцемъ и возвышенною душою требуетъ отъ собратій своихъ нѣжности, чувствительности, благородства, и связаться съ нимъ, значитъ обязаться быть такимъ же, какъ онъ, а эгоистъ есть простая машина, и требуетъ только, чтобъ ее подмывали, для легкости на ходу. Притомъ советуя быть осторожнѣе съ машиною, а не то раздавить, если захотите удержать ее въ дѣйстви!» —

— «Нѣтъ, воля ваша, ужъ лучше быть устрицей!» вскричалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ: «эгоистъ есть гнусное существо, выродокъ, а устрица премудрое созданіе въ своемъ племени!» —

«Не хотите быть эгоистомъ, такъ не имѣйте же притязаній на то, что въ свѣтъ называется *великими благами*, и что зависить отъ милости, правосудія и чувствительности людей. — Будьте устрицей: запрягитесь въ свою раковину и щипите радостей въ од-

ной природѣ — до первой встрѣчи съ прожорливой акулой. Даю вамъ патентъ на званіе устрицы!»

— № X. —

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ.

*(Письмо къ Издателямъ Свв. Печмъ изъ
отдаленной отъ столицы губерніи.)*

Доходы помѣщика, купца и фабриканта зависятъ отъ обстоятельствъ. Хорошо было бы, если бъ по нимъ можно было соизмѣрять и расходы! Но каждый изъ насъ имѣетъ свои привычки, свои страстишки, свои неотъемлемыя наслажденія, отъ которыхъ весьма тяжело отказаться. Изъ

этого выходить, что расходы всегда почти остаются тѣ же, до тѣхъ поръ, пока есть возможность плыть на парусахъ изъ вѣсельной бумаги.

Но есть люди благоразумные, которые умѣютъ ограничить себя въ тяжелое время. Къ этому числу имѣю честь принадлежать и я, вашъ покорный слуга. И такъ, собравъ къ себѣ друзей, родныхъ и сосѣдей, я предложилъ имъ на разрѣшеніе вопросъ: отъ какихъ предметовъ роскоши должны мы отказаться, изъ экономическихъ видовъ.

Но прежде, нежели мы приступили къ рѣшенію этого вопроса, надлежало опредѣлить: что должно разумѣть подъ словомъ: *предметы роскоши?*

Я сказалъ: *все*, безъ чего можно обойтись, не вреди здоровью.

Противу этого протестовали всѣ, исключая одного, который объявилъ, что не совершенно понимаю мое опредѣленіе.

— «Помилуйте!» закричали со всѣхъ

сторонъ: «Какъ можно отказаться отъ сахару, отъ чаю, отъ кофе, отъ пряностей!...»

— «И отъ вина!» заревѣли басомъ нѣсколько голосовъ.

— «Отъ шляпокъ, отъ чепцовъ, отъ тюлей, фуларовъ, шали, отъ кружевъ, блондъ, талей, фальшивыхъ пуклей и шиньоновъ, выпуклыхъ корсетовъ и прочая и прочая, и тысячу разъ и прочая!» завопили тоненькими голосками изъ всѣхъ угловъ залы.

— «Неужели и отъ собакъ!» спросилъ жалостно одинъ изъ сосѣдей.

— «И отъ рысаковъ и иноходцевъ!» сказалъ, покачавъ головою, другой сосѣдь.

Пошли споры, разсужденія, предложенія, шумъ и крикъ, продолжавшіеся два часа сряду, пока составилъ протоколъ. Одинъ изъ сосѣдей, отставной приказный, съ краснымъ носомъ, какъ влоковка, выступилъ на средину и прочелъ слѣдующее:

«Предметы роскоши суть: игральныя карты, шампанское, Журналы и книги. Шампанское можно замѣнить мадерою, которая ближе къ цѣли и дешевле. Остается рѣшить: отъ чего должно отказаться, отъ картъ, или отъ книгъ и Журналовъ? — Если кто либо изъ почтеннѣйшаго собранія имѣетъ что либо сказать въ пользу или вопреки предлагаемаго, просимъ объясниться!»

— «Иногда не худо прочесть и книжонку, а часто даже полезно заглянуть въ Журналъ и газету, если это ничего не стоитъ, и получается даромъ, для прочтенія, отъ пріятеля и сосѣда!» сказалъ мой двоюродный дядя, который строго придерживался стариннаго правила, что нѣтъ ни стыда, ни грѣха: украсть собаку, обмануть лошадыю и зажимить книгу.

Собраніе изъявило свое согласіе — молчаніемъ.

На средину выступилъ пріятель мой, знаменитый, нѣкогда, законоискусникъ и,

поклоняясь на всѣ стороны, произнесъ рѣчь слѣдующаго содержанія:

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи! Тридцать лѣтъ сряду размышлялъ и изслѣдывалъ я, есть ли польза отъ книгъ, и наконецъ убѣдился, что нѣтъ ни какой. Книга не приноситъ процентовъ, ее нельзя посѣять и перепахать въ вино, слѣдовательно она мертвый капиталъ. Чѣмъ книга занимательнѣе, тѣмъ вреднѣе здоровью, ибо заставляетъ насъ читать по почамъ, и лишаетъ днемъ движенія. Книги вредятъ нашивмъ существеннымъ выгодамъ, отнимая время отъ дѣлъ наживныхъ. Притомъ же зачѣмъ намъ имѣть дѣло съ Авторами, которые состоятъ съ нами всегда въ войнѣ: ибо въ самой нравственной книгѣ, вы найдете всегда непосредственную сатиру. Восхвалять добродѣтель, не значить ли бранить косвенно слабости человѣческія, и возставать противъ пороковъ? — а кто Богу не грѣшитъ, Царю не виновать! — Всѣ мы люди, и имѣемъ свои маленькіе недостатки! — А что тутъ хорошаго, когда

сосѣдъ вашъ, имѣющій на васъ неудовольствіе, примѣнить къ вамъ какое нибудь вымышленное описаніе, и выставить васъ на смѣхъ! Что же касается до газетъ, то *послику* нынѣ нѣтъ ни войны, ни язвы, ни пожаровъ, ни грабежей — то и газеты не могутъ быть занимательны. Признаюсь, что прежде война въ Португаліи нѣсколько беспокоила меня; но когда я увидѣлъ, что Англичане взяли подъ свою защиту привилегію винопродавцевъ города Оporto, то я успокоился, и увѣренъ, что у насъ не будетъ недостатка въ портвейнѣ. И такъ, помнѣ, теперь тамъ хоть трава не рости! — Антверпенская цитадель позабавила насъ, дай Богъ здоровья Генералу Шассе, а теперь даже и большая мортира, о которой столько было толковъ — лопнула. *Сверная Пчела* изволила провозгласить, въ прошломъ году, *яко бы* тотъ народъ, который равнодушенъ къ славѣ своей Словесности, не упрочить славы своей въ потомствѣ, и указала на Англію, гдѣ чтеніе газетъ и Журналовъ есть точно такая же по-

требность, какъ чай и кофе! Хе, хе, хе, Милостивыя Государини и Милостивые Государи! *Сверная Пчела* позабыла сказать, что если нигдѣ столько не читаютъ, какъ въ Англіи, за то нигдѣ столько и не пьютъ, какъ въ Англіи! Одно стоитъ другаго, и составляетъ пріятное равновѣсіе; а *послику* питье выходитъ у насъ изъ моды, то и чтенію нѣтъ мѣста. Что же касается до картъ, то это другое дѣло! — Карты приводятъ въ движеніе капиталы и, подобно торговлѣ и войнѣ, представляютъ намъ случаи къ внезапному возвышенію или паденію, а тѣмъ самымъ испытываютъ нашу ловкость и наше мужество. Карты избавляютъ насъ отъ сплетней и отъ ссоръ, и сводятъ друзей и недруговъ къ одному століку. — Въ нынѣшнѣе просвѣщенное время, когда книги и Журналы (чтобъ имъ заплеснѣть!) такъ настраивали нѣкоторыхъ почтенныхъ дѣльцовъ, что они даже боятся брать взятки; одно средство — *подарить*, есть умышленный проигрышъ въ карты, а вы знаете, что безъ подарка трудно успѣть въ сомни-

тельномъ дѣлѣ. Притомъ же есть такіе люди, что если бѣ накормивъ ихъ порядкомъ, нельзя было усадить за карточный столъ, то хозяину пришлось бы стать въ тупикъ! Въ отношеніи къ шампанскому, честь имѣю донести, что я почитаю *неприличнымъ* отказать отъ него вовсе. Конечно мадера *ближе къ цѣли*, и я самъ много ее уважаю. Но какъ обойтись безъ шампанскаго при провозглашеніи *тостовъ*? Это нарушило бы всѣ общественныя связи, и послужило бы нашимъ недоброжелателямъ предлогомъ къ укоризнѣ насъ въ непросвѣщеніи и варварствѣ.

«И такъ я предлагаю, для соблюденія экономіи, отказаться отъ книгъ и Журналовъ, а для препровожденія времени и въ ожиданіи лучшаго, сохранить употребленіе картъ и шампанскаго!»

Предложеніе сіе принято большинствомъ голосовъ; о чемъ увѣдомляя васъ, почтенные Издатели, прошу извинить меня предъ всѣми Господами Литераторами, что въ нынѣшнее трудное время я не стану вы-

писывать ни книгъ, ни Журналовъ, которые впрочемъ читалъ я весьма рѣдко, ибо выписывалъ ихъ въ деревню, а самъ проживалъ зимою въ Москвѣ, лѣтомъ же разъѣзжалъ по ярмаркамъ.

Миронъ Шмелинъ,
отставной Коллежскій Секретарь и бронзовой медали Кавалеръ.

Конецъ второй части.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

П Р А В Ы.

	Стран.
I. Чувства и чувствованія	1
II. Отрывки изъ тайныхъ записокъ Станці- оннаго Смотрителя на Петербургскомъ трактѣ.	11
III. Дурныя времена.	45
IV. Полчаса въ передней присутственныхъ мѣстъ	55
V. Древняя и новая Русская любовь. . . .	70
VI. Письмо копіиста Мирова Бульбулькина къ Издателямъ Сѣверной Пчелы	84
VII. Салопница	121
VIII. Философская медицина	138
IX. Узднѣй вольнопрактикующій учитель. .	147
X. Свѣтская извѣстность	161
XI. Недоросль XIX-го вѣка	173

	Стран.
XII. Чистота, письмо стараго подьячаго, Филиппа Замараикина, къ прѣжнему Товарищу, Кузьмѣ Хапунову.	183
XIII. Букинисть, или разнощикъ книгъ . . .	192
XIV. Письма провинціалки изъ столицы . . .	200
XV. Великій мужъ на малыя дѣла.	258
XVI. Плачь подьячаго Панкратья Оомича Тычкова надъ Сводомъ Законовъ	277
XVII. Корнеть	287
XVIII. Гражданственный грибъ, или жизнь, то есть, прозябаніе и подвиги пріятеля моего, Оомы Оомича Опенкова.	300
XIX. Выборъ невесты.	324
XX. Праздничныя поздравленія.	340
XXI. Петербургская чухонская кухарка, или женщина на всѣхъ медавахъ мужчины. . .	348

ЮМОРИСТИКА.

I. Понскъ ума	369
II. Монологъ паяца-Философа на площади, на балконѣ масляничнаго балагана . . .	384
III. Публика	389

	Стран.
IV. Отрывокъ изъ статистическихъ и этнографическихъ записокъ, веденныхъ глухо-нѣмо-слѣпымъ путешественникомъ, во время пребыванія его въ безыменномъ городѣ, лежащемъ въ неоткрытой понынѣ странѣ	401
V. Похвальное слово безграмотнымъ	409
VI. Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ	443
VII. Гдѣ раки зимуютъ?	468
VIII. Энциклопедическая фабрика фантастическихъ издѣлій	478
IX. Устрица	488
X. Экономическія предположенія.	501